

Маргарет Митчелл

Carrie
by the Wind

ТОМ 2

Маргарет Митчелл
Унесенные ветром. Том 2

«Центрполиграф»

1936

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Митчелл М.

Унесенные ветром. Том 2 / М. Митчелл — «Центрполиграф»,
1936

ISBN 978-5-227-09664-7

Война окончена, но Скарлетт и ее домочадцев ждут новые испытания. Кругом разруха, голод, болезни. Шагая по выжженной земле, янки совершили новый набег на «Тару», забрали скудные продукты и все, что представляло хоть какую-то ценность, сожгли хлопок, на продажу от которого обитатели поместья возлагали столько надежд. Но жизнь продолжается, и Скарлетт, с горечью вспоминая необременительные хлопоты прошлой, роскошной жизни, думает о том, как все изменилось, теперь важно иметь достаточно пищи, чтобы не умереть с голоду, одежду, чтобы не окоченеть от холода, да крышу над головой, которая не слишком сильно протекает...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-09664-7

© Митчелл М., 1936

© Центрполиграф, 1936

Содержание

Часть четвертая	6
Глава 31	6
Глава 32	18
Глава 33	29
Глава 34	39
Глава 35	54
Глава 36	71
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Маргарет Митчелл

Унесенные ветром. Том 2

© Перевод, «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2021

Часть четвертая

Глава 31

Стоял холодный январский день 1866 года. Скарлетт устроилась в кабинете написать тете Питти и в десятый, наверное, раз объяснить ей в подробностях, почему ни она сама, ни Мелани, ни Эшли не могут вернуться на жительство к ней в Атланту. Писала она торопливо, занятие это вызывало в ней одну только досаду, потому что она прекрасно знала, что тетушка все равно читать ничего, кроме первых строк, не станет и тотчас примется ныть в ответ: «Но мне ведь страшно тут одной жить!»

Руки у Скарлетт озябли, и она сделала перерыв – растереть пальцы, чтобы слушались. Заодно и ноги засунула поглубже в кокон из старого ватного одеяла. От подошв на туфлях осталось одно воспоминание, и потому они получили подкрепление, вырезанное из ковра. Кусочки эти хоть и служили прослойкой между ступнями и полом, но тепла давали мало. В то утро Уилл поехал в Джонсборо подковать лошадь. Хорошенькие дела творятся, мрачно подумала Скарлетт: у лошади, значит, будет что-то на ногах, а люди пусть, как собаки, с голыми лапами.

Она взялась за перо, чтобы уж закончить свое послание, но отложила, заслышав шаги Уилла на заднем крыльце. Деревяшка Уилла пробумпкала через холл и затихла за дверью кабинета. Скарлетт подождала с минуту, потом, поскольку он с места не двинулся, позвала его. Он вошел – уши красные с холода, морковно-рыжие волосы встрепаны. Вошел и остановился, глядя на нее с легкой улыбкой:

– Мисс Скарлетт, скажите мне точно, сколько у вас наличности?

– А вы что, собираетесь на мне жениться, да? Ради денег? – осведомилась она довольно сварливо.

– Нет, мэм. Просто хочу знать.

Она пытливо на него уставилась. Вид у него был не слишком серьезный; впрочем, серьезного вида у него вообще не бывает. И тем не менее она почувствовала: что-то не так, что-то случилось.

– У меня есть десять долларов золотом, – сказала она. – Все, что осталось от денег того янки.

– Что ж, мэм, этого явно не хватит.

– Не хватит на что?

– Не хватит на налоги, – ответил он, после чего протопал к камину, наклонился и стал греть над огнем красные руки.

– Какие такие налоги? Да боже мой, Уилл, мы ведь уже все уплатили!

– Верно, мэм. Но говорят, вы платите маловато. Я об этом услышал сегодня в Джонсборо.

– Ничего не понимаю. Вы о чем, Уилл?

– Мисс Скарлетт, мне жутко не нравится донимать вас лишними заботами, при вашей-то нелегкой доле, но сказать я должен. Говорят, вы обязаны платить во много раз больше, чем сейчас. Сумму обложения на «Тару» вздули до небес – выше, чем на любую другую плантацию в графстве.

– Но нельзя же заставлять нас платить еще, когда мы уже один раз заплатили.

– Мисс Скарлетт, вы ведь не очень часто бываете в Джонсборо, чему я, кстати, только рад. В наши дни там не место для леди. Но если бы вы там бывали, то знали бы, что там с недавних пор всеми делами заправляет куча проходимцев: республиканцы, янки-саквояжники и наши собственные оборотни, шантрапа бывшая, – такое творят, опупеть можно, а негры на воле до того распоясались, что белых с тротуара спихивают и...

– Ну а к налогам-то это какое имеет отношение?

– А вот я как раз к этому и подхожу, мисс Скарлетт. По каким-то причинам эти шустрые молодчики взвинтили налог на «Тару», как будто тут по тысяче тюков хлопка собирают. Я как узнал об этом, пошел потолкаться по барам, послушать молву, ну и выяснил, что кто-то хочет за бесценок выкупить «Тару» с шерифских торгов. То есть если вы не сможете внести дополнительный налог. А все понимают, что не сможете. Я еще не знаю, кто это такой, кому приспичило зацапать это место. Не сумел пока выяснить. Но по-моему, этот скользкий тип Хилтон, который женился на мисс Кэтлине Калверт, да, так он-то как раз знает, уж очень он мерзко посмеивался, когда я попытался из него что-нибудь вытрясти.

Уилл уселся на диван, потирая свой обрубок. Нога у него вечно ныла в холода, да еще протез наминал – простая ведь деревяшка, ничем мягким не обитая и неудобная. Скарлетт буравила его неистовым взглядом. Ничего себе! Этаким небрежным тоном, как бы к случаю пришлось, взял да и сообщил, что «Тару» ждет неминуемая гибель! Продажа с шерифских торгов? А им самим куда прикажете деваться? И чтобы «Тара» принадлежала кому-то другому... Нет и нет! Немыслимо!

Скарлетт последнее время целиком погрузилась в работу, вытягивая «Тару», стараясь вновь сделать ее продуктивной, и мало обращала внимания на то, что происходит во внешнем мире. С плантации она теперь выезжала редко – для этого у нее были Эшли с Уиллом, они и занимались делами, которые возникали у нее в Фейетвилле и Джонсборо. И точно так же, как когда-то, еще до войны, она пропускала мимо ушей отцовские речи на военные темы, так и теперь стала глуха к спорам по поводу начавшейся Реконструкции, неизменно ведущимся Уиллом и Эшли за столом после ужина.

Ой, ну конечно, она знала про оборотней – тех южан, которые вдруг сделались республиканцами, причем с большой для себя выгодой; знала и про саквояжников – так они называли янки, слетевшихся после капитуляции на Юг, как грифы на падаль, и все их земное достояние умещалось в одном саквояже. У нее имелся также небольшой, но весьма неприятный опыт общения с Бюро освобожденных. И до нее доходили слухи, что некоторые из вольных негров совсем обнаглели. В последнее верилось с трудом, так как она за всю свою жизнь ни разу не видела наглого негра.

Но существовало и много такого, от чего Эшли с Уиллом договорились ее оберегать. За бедствиями войны последовали бедствия Реконструкции, и эти двое мужчин решили обходиться в домашних своих беседах без упоминания особо тревожных деталей. Когда же Скарлетт брала на себя труд вникнуть в их разговоры, то все равно большая часть сказанного в одно ухо влетала, из другого вылетала.

По словам Эшли, с Югом будут обращаться как с завоеванной территорией, и мстительность будет главенствовать в политике завоевателей. Но такого рода заявления для Скарлетт ничего не значили – меньше чем ничего. Политика – это дело мужское. Уиллу, например, кажется, что Север определенно нацелился не дать больше Югу встать на ноги. Что ж, думала Скарлетт, мужчинам обязательно нужно о чем-то беспокоиться, а повод они найдут, будьте уверены, любую глупость. Что касается ее лично, то янки уже пытались однажды ее одолеть. Не вышло. И теперь не выйдет. Единственное, что сейчас требуется, – это работать как дьявол и перестать морочить себе голову правительством янки. В конце концов, война-то позади.

Скарлетт не сознавала, что правила игры переменились и что честным трудом невозможно даже покрыть затраты. Джорджия, по существу, находилась на военном положении. Янки поставили свои гарнизоны во всех районах, а Бюро освобожденных распорядилось всем и вся и само устанавливало для себя правила.

Это Бюро, организованное Федеральным правительством для опеки над праздными и возбужденными бывшими рабами, тысячами оттягивало их с плантаций в города и поселки. Бюро кормило их, пока они слонялись без дела, и настраивало против бывших владельцев.

Местное отделение Бюро возглавлял бывший надсмотрщик Джералда Джонас Уилкерсон, а помощником у него стал Хилтон, муж Кэтлин Калверт. Эти двое намеренно пустили слух, что южане и партия демократов только и ждут случая, чтобы вновь обратить негров в рабство, а для негров одна надежда избежать такой участи – искать покровительства со стороны Бюро и Республиканской партии.

Кроме того, Уилкерсон и Хилтон внушали неграм, что они белым во всех отношениях равны и скоро будут разрешены смешанные браки между ними. Поместья их бывших хозяев скоро будут поделены, и каждый негр получит в полную собственность сорок акров земли и мула. Они постоянно поддерживали брожение в сознании негров байками о зверствах, творимых белыми, и в результате в районе, издавна славящемся добрыми, заботливыми отношениями между рабами и рабовладельцами, начали прорастать подозрительность и злоба.

При поддержке армии Бюро выпустило множество противоречивых приказов, регламентирующих поведение и поступки побежденных. Попасть под арест можно было легче легкого – хотя бы за неуважительное отношение к чиновникам из Бюро. Солдафонские приказы касались всего на свете: школ, санитарных условий, фасона пуговиц на форменной одежде, продажи ширпотреба и прочая и прочая. Уилкерсон и Хилтон имели власть вмешиваться в любую торговую сделку, заключаемую Скарлетт, устанавливать свои собственные цены на то, что она продает или обменивает.

По счастью, Скарлетт имела с этой парой очень мало контактов: Уилл убедил ее поручить ему торговые дела, а она чтобы занималась плантацией. В своей уравновешенной манере он распутал немало затруднительных ситуаций подобного рода, не говоря ей ни слова. Уилл умел ладить и с саквояжниками, и с кем угодно – если дело было ему под силу. Но теперь вставала проблема слишком сложная, для ее решения у него были руки коротки. Дополнительное налогообложение и опасность потерять «Тару» – о таких делах Скарлетт должна знать, и немедленно.

Она смотрела на него горящими глазами.

– О, чертовы янки! Мало им было растоптать нас и довести до нищеты? Нет, теперь науськивают на нас всякую мразь!

Война закончена, провозглашен мир, но янки все еще могут грабить ее, морить голодом, могут даже выгнать ее из собственного дома! Ну и дура же она была, думала, лишь бы продержаться эти трудные месяцы, дотянуть до весны, а там все будет в порядке! Сокрушительное известие, которое принес Уилл, пришлось на самый пик целого года тяжелейшей, костоломной работы и отсроченных надежд. Да, это уже последняя капля.

– Ох, Уилл, а я-то считала, наши трудности закончатся вместе с войной...

– Нет, мэм. – Уилл поднял к ней худую, обветренную физиономию типичного сельского жителя и твердо посмотрел в глаза. – Наши трудности только начинаются.

– И сколько же от нас хотят дополнительно?

– Три сотни долларов.

Она окаменела. Три сотни долларов! Все равно что три миллиона.

– Н-ну... что же... Тогда, значит... – Она запиналась, путалась, барахталась в словах. – Значит, нам придется как-то раздобыть три сотни. Любым способом.

– Да, мэм. А также радугу и луну, а лучше две.

– Да ну тебя, Уилл! Не смогут они продать «Тару». Как же...

Его добрые светлые глаза вдруг наполнились ненавистью и болью – она от него такого не ожидала.

– Да? Это они-то не смогут? Еще как смогут, во вкус войдут! Мисс Скарлетт, весь этот край летит напрямик к черту под хвост, простите меня, конечно. Эти саквояжники и наши оборотни могут голосовать и избираться, а большинство из нас, демократов, – нет. В этом штате не имеет права голоса ни один демократ, который в шестьдесят пятом году по налоговым

книгам стоил больше двух тысяч долларов. Это значит, за бортом оказываются такие люди, как ваш папаша, мистер Тарлтон и парни Фонтейн. Не имеет права голоса тот, кто на войне был полковником и выше, а я готов спорить, что этот штат дал больше полковников, чем любой другой в Конфедерации. И не может голосовать тот, кто занимал какую-либо должность при правительстве конфедератов, а это значит – долой всех, включая нотариусов и судей, и полны леса таких людей. В общем, янки здорово нас подставили с этой своей амнистирующей присягой, факт. То есть, если ты хоть что-то собой представлял до войны, теперь ты никто и голосовать не можешь. Ни умные люди, ни специалисты, ни богатые.

Ха! Вот я – да, я мог бы голосовать, если бы принял эту их чертову присягу. У меня в шестьдесят пятом денег не было совсем, я не был, ясное дело, полковником и вообще никак не выделялся. Только я не собираюсь принимать их присягу. Ни под каким видом! Если бы янки действовали по закону, я бы принял их присягу на верность, но теперь нет. Меня можно присоединить опять к Союзу штатов, но меня нельзя в него реконструировать. Не приму я их присягу, пусть хоть никогда больше не буду голосовать... А всякая накипь вроде Хилтона – голосовать будет. И мерзавцы типа Уилкерсона, и белая беднота типа Слэттери, и Макинтоши, с которыми никто не считается, – они будут. Вот они сейчас всем и заправляют. Захотят навесить на вас лишний налог, хоть в десять раз больше – и навесят. Точно так же ниггер может убить белого мужчину – и его за это не вздернут, или...

Уилл резко умолк, смутившись, но воспоминание о том, что произошло с одинокой белой женщиной на уединенной ферме недалеко от Лавджоя, ожило в сознании обоих.

– Эти ниггеры могут поступать с нами как захотят, и Бюро их поддержит, и солдаты с оружием тоже будут на их стороне, а мы не можем даже голосовать, мы ничего не можем.

– Голосовать! – закричала Скарлетт. – Голосовать! Что, скажи мне, общего между этим вашим голосованием и нашими делами, Уилл? Мы же о налогах толкуем... Послушай, всем известно, какая у нас хорошая плантация. Мы могли бы заложить ее и взять сумму, достаточную для уплаты налога, если все же придется.

– Мисс Скарлетт, вы ведь не дурочка какая-нибудь, а рассуждаете иной раз... У кого есть деньги под залог вашей собственности? У кого, кроме как у саквояжников? А они-то как раз и стараются оттягать у вас «Тару». Все имеют землю. Земля всех кормит. Нельзя вам выпускать из рук землю.

– У меня еще есть бриллиантовые серьги, от того янки. Можно бы их продать.

– Мисс Скарлетт, кто у нас тут такой денежный, чтоб размахнуться на сережки? У людей денег нет купить ребрышки мясные, а вы – побрякушки. Вот у вас есть десять долларов золотом, да? Могу поклясться, у большинства и этого-то нет.

Они опять замолчали, и у Скарлетт появилось такое ощущение, будто она головой пытается пробить каменную стену. За последний год ей много таких стен попадалось.

– Что будем делать, мисс Скарлетт?

– Не знаю, – сказала она тусклым голосом.

Ей вдруг стало все равно. С этой последней стеной вышло уж чересчур. Навалилась такая усталость – все кости заболели. Для чего работать, бороться, все силы свои выматывать? Такое впечатление, будто в конце любой схватки ждет поражение, стоит и над ней посмеивается.

– Не знаю я. Только не говори папе. Это его может встревожить.

– Я и не собираюсь.

– Ты кому-нибудь еще говорил?

– Нет, я, как приехал, сразу к вам.

Да, подумала она. С плохими вестями все всегда сразу к ней, и она устала от этого.

– А где мистер Уилкс? Может быть, у него появятся какие-то соображения.

Уилл повернулся к ней, взгляд опять сделался мягкий и глубокий. И опять она почувствовала – как в первый день, когда Эшли только появился у них, – что Уилл знает все.

– Вон там, в саду, ограду делает. Я слышал топор, когда лошадь ставил. Но у него нет денег. Что у нас, что у него.

– И что же, мне нельзя поговорить с ним об этом, так?

Она фыркнула, вскочила и отбросила кусок ватного одеяла, в который кутала ноги. Уилл сделал вид, что не обиделся, сидел себе потирал руки перед огнем.

– Шаль возьмите, мисс Скарлетт, на дворе промозгло.

Но она вышла без шали, потому что за ней пришлось бы подниматься наверх, а увидеть Эшли и выложить ему свои беды требовалось срочно, эта нужда не терпела отлагательства.

Как удачно будет для нее, если она застанет его одного! Подумать только, ни разу со времени его возвращения она не перемолвилась с ним хотя бы словечком наедине! Всегда домашние окружали его тесным кольцом, всегда сбоку Мелани, то и дело касается его рукава, наверное, хочет убедиться, что он и правда здесь. При виде этого жеста счастливой собственницы в Скарлетт поднималась дикая, когтистая ревность, задавленная за то время, когда она думала, что Эшли, вероятно, нет в живых. И сейчас Скарлетт решительно была настроена увидеться с ним – увидеться наедине. На этот раз никто не должен помешать ей поговорить с ним.

Сад переппелся голыми ветвями, он весь зарос бурьяном, и Скарлетт быстро промочила ноги в сырой траве. Ей слышен был треск дерева и звон топора в руках у Эшли – он обтесывал очередную слегу, притащенную с болот. Поставить заново изгородь, так весело сожженную янки, было делом долгим и трудоемким. А здесь все кругом – одна сплошная трудоемкая задача, подумала Скарлетт с тоской. От этого не только устать – с ума сойти можно. Вот если бы Эшли был ее мужем, а не Мелани, как бы славно было сейчас идти к нему! Положить голову к нему на плечо, выплакаться и спихнуть на него свои тяготы, он бы все решил наилучшим образом.

Она обогнула померанцевые заросли, трепещущие на холодном ветру, и увидела его. Эшли стоял, опираясь на топориче, и ладонью отирал пот со лба. Намахавшись топором, он снял куртку и повесил на сучок. Одет он был в свои бывшие роскошные гороховые брюки, точнее, в то, что от них осталось, и в Джералдову рубашку – в лучшие дни она служила отцу исключительно для больших приемов и барбекю; рубашка эта, отделанная кружевами, с гофрированной грудью, была слишком коротка ее нынешнему владельцу.

При виде Эшли в драных обносках, с топором в руках сердце ее зашло в приливе любви и злости на судьбу. Чтобы Эшли – ее любезный, ложенный, безукоризненный Эшли – и вдруг превратился в оборванца? Нет, это невыносимо. Его руки созданы не для грубой работы, и телу его нужно тонкое полотно и отлично скроенные костюмы. Господь Бог назначил ему жить в просторном, богатом доме и проводить время в беседах с приятными людьми, играть на фортепьяно и писать нечто столь же прекрасное, сколь и недоступное ее пониманию.

Она нормально переносила вид собственного ребенка в фартучке из мешковины и собственных сестер в заношенных платьях из грубой ткани, годной разве что для прислуги. Она могла пережить, что Уилл работает больше любого негра. Они – пусть. Но не Эшли. Он слишком хорош для всего этого, слишком утончен и – слишком дорог ей. Она бы лучше сама тесала колья для изгороди, чем страдать, пока этим занят он.

– Говорят, Эйб Линкольн начинал карьеру именно так – колья тесал, – засмеялся Эшли, когда она приблизилась. – Представь себе, на какие вершины я могу взобраться!

Она нахмурилась. Все-то ему шуточки, можно подумать, их трудности – это так, пустячок. Для нее же все это было жизненно важно и страшно серьезно, поэтому его ремарки ее порой обижали.

Без предисловий она передала ему, что узнал Уилл, сжато и в немногих словах, причем, пока говорила, ей уже становилось легче. Впрочем, как и ожидалось, ему нечего было ей предложить, никакой помощи. Он молчал, но, видя, что она дрожит, снял с сучка свою куртку и надел ей на плечи.

– Ну, – сказала она под конец, – до тебя дошло, что нам придется где-то раздобывать деньги?

– Да, – откликнулся он. – Но вот где?

– А это я у тебя спрашиваю.

Она надулась, раздосадованная. Появившееся было чувство облегчения, что кто-то возьмет на себя или разделит ее ношу, опять исчезло. Ну ладно, не может он помочь. Тогда почему бы не сказать хоть что-то утешительное, ну пусть хоть так: «О, мне ужасно жаль!»

Он улыбнулся:

– За все время после возвращения я слышал только об одном человеке, у кого действительно есть деньги. Это Ретт Батлер.

Тетя Питти писала Мелани на прошлой неделе, что Ретт Батлер опять в Атланте, разъезжает в экипаже, запряженном парой превосходных коней, и карманы у него полны зеленых баксов. Она намекала, однако, что едва ли все это добыто честно. Тетя Питти разделяла теорию, широко распространенную в Атланте, согласно которой Ретт Батлер ухитрился удрать с мифическими сокровищами Конфедерации.

– Давай не будем говорить о нем, – сухо остановила его Скарлетт. – Подлец, каких поискать. Что с нами-то со всеми теперь будет?

Эшли отложил топор и посмотрел в сторону. Взор его, казалось, путешествует по далекой-далекой стране, куда ей вход заказан.

– Я размышляю, – проговорил он. – И не только над тем, что станется с нами в «Таре», а над тем, что вообще может ждать южан. Всех южан.

Она готова была фыркнуть презрительно: «Какого черта мне до всех южан! Нам-то как быть?» – но смолчала, потому что в этот миг усталость снова накатила на нее, и с большей силой, чем когда-либо прежде. Эшли ей никакой не помощник.

– Конец один: произойдет то, что всегда происходит, когда рушатся миры. Те, у кого достанет ума и мужества, пройдут через все, другие же – другие будут просто отсеяны. По крайней мере, это интересно, если и не утешительно, стать свидетелем Геттердеммерунг.

– Чего свидетелем?

– Сумерек богов. Гибели богов. К несчастью, мы, южане, мнили себя богами.

– Опомнись, Эшли Уилкс! Что ты стоишь здесь и толкуешь мне о какой-то чепухе, когда это нас – понимаешь, нас! – вот-вот отсеют!

Что-то от ее отчаяния, ее бесконечной усталости, кажется, проникло в его сознание, призывая его обратно из блужданий по неведомым странам: он с нежностью взял ее за руки и, перевернув их ладонями кверху, посмотрел на заскорузлые мозоли.

– Прекрасней рук я не знаю, – сказал он и легонько дотронулся губами до ее ладошек. – Они прекрасны, потому что сильны, и каждая мозоль – как награда за мужество и самоотверженность. Они загубели из-за нас: ты работала ради своего отца, сестер, Мелани, моего беби, ради негров и ради меня. Дорогая моя, я понимаю, о чем ты сейчас думаешь. Сказать? Ты думаешь: «Вот стоит никчемный, непрактичный глупец и разводит разлюли малину про мертвых богов, когда живым людям грозит опасность». Разве я не прав?

Она кивнула, желая только одного – чтобы он всегда так стоял и держал ее руки, но он выпустил их.

– Ты пришла ко мне в надежде, что я смогу помочь тебе. Вот видишь, а я не могу. – Он бросил горький взгляд на свой топор и кучу жердей. – Мой дом пропал, равно как и все мое состояние, которое я воспринимал как данность, даже не осознавая, что оно есть у меня. Я ни на что не годен в этом мире, а того мира, к которому я принадлежал, нет больше. Не смогу помочь тебе, Скарлетт, разве что буду учиться со всем возможным тщанием фермерскому труду, но фермер из меня никудышный, да и «Тару» этим не спасешь. Не думай, что я не осознаю бедственного нашего положения, живя здесь из милости – да, Скарлетт, да, благодаря

твоей милости. Мне вовек не оплатить того, что ты сделала для меня и моей семьи по доброте своей сердечной. И с каждым днем я понимаю это все острее. С каждым днем я все яснее сознаю собственную беспомощность перед той силой, что на нас надвигается. И с каждым днем моего проклятого бегства от реальности мне все труднее становится посмотреть в глаза этой новой реальности, встретиться с ней лицом к лицу. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Скарлетт опять кивнула, хотя понятия не имела, о чем он говорит и что творится у него в мыслях. Она просто ловила, впитывала в себя каждое его слово, даже дышать перестала. Ведь это было в первый раз, чтобы он вообще заговорил с ней о том, где он витает, когда кажется таким далеким и отстраненным. Это волновало необычайно – она чувствовала себя на грани открытия...

– Да, это форменное проклятие – мое нежелание посмотреть на голые факты. До войны жизнь для меня была не более реальна, чем игра теней на занавеске. И я предпочитал тени. Я не люблю слишком четких очертаний. Мне нравится мягкая загадочность, легкая дымка... – Он прервался, чуть улыбнулся и поежился на холодном ветру, продувавшем насквозь его тонкую рубашку. – Иными словами, Скарлетт, я трус.

Его речи о рисунке теней и туманных очертаниях ничего ей не дали, они лишены были всякого смысла для нее; но последние слова произнесены были на языке, который она понимала. И она знала, что это неправда. Трусости не было в нем. Каждая линия его стройного, гибкого тела ясно говорила, что он из рода настоящих мужчин – смелых и доблестных, а кроме того, Скарлетт прекрасно помнила о военных его подвигах.

– Ничего подобного! Разве трус мог бы забраться на пушку и воодушевить людей, как было в Геттисбурге? И стал бы сам генерал писать Мелани про труса? А...

– Это не мужество, – сказал он утомленно. – Сражение подобно шампанскому. Действует одинаково – что на героя, что на труса. Любой дурак станет храбрецом на поле боя, когда выбор – проще некуда: ты или смельчак, или покойник. А я говорю о другом. И моя трусость бесконечно хуже, чем если бы я бросился бежать при первых же пушечных залпах.

Слова он произносил медленно, с трудом, против желания; они как будто причиняли ему физическую боль. И похоже, сам отшатнулся, обозревая с печалью в сердце нарисованный им образ. Будь это любой другой человек, Скарлетт отмела бы подобные возражения как ложную скромность или попытку напроситься на комплимент. Но Эшли явно говорил от души, и было что-то в его взгляде, избегавшем ее, – не боязнь, не оправдание, нет, это было напряженное сопротивление тяге к объятию, неизбежному и всепобеждающему. Ледяной ветер схватил ее за мокрые лодыжки, и она опять задрожала, но не столько от ветра, сколько от наводящих ужас его речей, запавших ей в сердце.

– Но, Эшли, чего ты боишься, чего?

– О, этому нет названия. Такие вещи кажутся невыносимо глупыми, если сказать вслух. Жизнь слишком внезапно превратилась в реальность. И меня пугает необходимость личных, тесных личных контактов с некими простыми ее проявлениями. Я не возражаю против того, чтобы тесать колья по колено в грязи, но я против того, что за этим стоит. Мне претит все то, из-за чего я сейчас здесь. Мне безумно жаль потери красоты той жизни, которую я любил. Скарлетт, до войны жизнь была прекрасна. В ней был блеск, соразмерность и завершенность, как в греческом искусстве. Может быть, не для каждого. Теперь я это понимаю. Но для меня жизнь в «Двенадцати дубах» и заключала в себе всю красоту мира. Я принадлежал той жизни. Я был частью ее. А теперь это все исчезло, я оказался выброшен в какую-то новую реальность, и она меня пугает. Вот теперь я понимаю, что в прежние дни я просто любовался игрой теней. Я избегал всего, что было не тенью, я сторонился людей и положений, слишком реальных, слишком живых и настоящих. Я сопротивлялся их вторжению. Я старался избегать и тебя тоже, Скарлетт. Жизнь была из тебя ключом, ты была настоящая, даже слишком, а я трусливо предпочитал тени и грезы.

– Но... Но как же Мелли?

– Мелани – нежнейшая из грез и часть моих мечтаний. И если б не война, я бы прожил свою жизнь, счастливо отгородившись от мира в «Двенадцати дубах», вполне довольствуясь наблюдением за текущим мимо потоком жизни и не вливаясь в этот поток, не становясь его частицей. А потом началась война, и жизнь окружила, облепила меня, ударила по мне всей своей реальной силой. В первом же своем бою – у Бычьего ручья, ты помнишь – я увидел, как моих друзей детства разрывает на куски снарядами, я услышал дикое предсмертное ржание лошади и познал кошмарное, тошнотворное чувство при виде смерти человека, в которого ты стрелял, – как он оседает, захлебываясь кровью. Но не это оказалось самым худшим на войне. Хуже всего было то, что мне пришлось жить вместе с другими людьми.

Всю жизнь я сторонился людей, я оберегал себя от них. Друзей – очень немногих – я отбирал самым тщательным образом. А война меня проучила: она мне показала, что я сотворил собственный мир, для себя самого и выдуманных мною людей. Она мне открыла, что такое люди на самом деле, но не научила жить среди них. Вот это меня и страшит – что я никогда не научусь. Мне понятно: чтобы поддерживать жену и сына, я должен искать свой путь, свое место в мире людей, с которыми у меня нет ничего общего. Ты, Скарлетт, берешь жизнь за рога и поворачиваешь ее, как тебе нужно. Но мне-то куда податься в этом мире?

Пока звучал этот тихий, мелодичный голос, такой одинокий, полный чувства, которого она никак не могла понять, Скарлетт выхватывала отдельные слова, стараясь вложить в них привычный смысл. Но слова не давались, они выпархивали у нее из рук, как вольные птицы. Что-то вело его, направляло, подстегивало жестко, но Скарлетт не понимала что.

– Скарлетт, я не знаю точно, когда во мне появился проблеск осознания того, что мой личный, мой собственный, только мой и ничей больше театр теней перестал существовать. Может быть, в первые пять минут боя у Бычьего ручья, когда я впервые убил человека и увидел, как он падает на землю. Но я знал, что с грезами покончено и больше нельзя оставаться зрителем. Нет, не так: неожиданно я увидел среди теней самого себя – актер в заученной позе, производящий какие-то телодвижения... Мой маленький внутренний мир рухнул, туда вторглись люди, чьи помыслы были далеки от моих, а образ действий был мне совершенно чужд; для меня они были подобны готтентотам. Они истоптали весь мой мир грязными ногами, и не осталось места, где бы я мог найти убежище, когда делалось совсем худо. Попав в плен, я думал: «Вот кончится война, и я вернусь к прежней жизни, к своим грезам и снова буду смотреть представления в театре теней». Но возвращений не бывает, Скарлетт, пути назад нет. То, что противостоит всем нам сейчас, – это хуже войны, хуже плена, а по мне – так даже хуже смерти. Теперь ты видишь, Скарлетт, я уже наказан за свою боязнь...

– Но, Эшли, – начала она, барахтаясь в трясине непонятных речей, совершенно запутавшись, – если ты боишься, что мы будем голодать, то... то... О, Эшли, мы как-нибудь перебежмся! Выкрутимся! Я точно знаю, мы справимся!

На краткий миг его глаза вернулись к ней – огромные, прозрачно-серые, и в них было восхищение. Затем, столь же внезапно, они опять ушли в сторону, и с болью в сердце Скарлетт поняла, что о голоде он и не помышлял. Вот так всегда: стоят два человека и разговаривают друг с другом на разных языках. Но она так любила его, что, когда он уходил в себя, вот как сейчас, для нее словно солнце закатывалось, оставляя ее в сырых, промозглых сумерках. Ей хотелось обхватить его за плечи, притянуть к себе, чтобы он понял, наконец, что она не выдуманная, не вычитанная из книг, что она женщина, существо из плоти и крови. Если бы ощутить то чувство единения, слияния с ним, которого она жаждет с того далекого дня, когда он только вернулся домой из Европы и стоял на ступенях «Тары», улыбаясь ей...

– Умирать с голоду не слишком приятно, – сказал он. – По себе знаю, голодал. Но боюсь я не этого. Я боюсь встретиться с жизнью, в которой не будет спокойной, тихой красоты нашего прежнего мира. Мира, ушедшего навсегда.

Скарлетт была в отчаянии: о чем он? Вот Мелли поняла бы, что он имеет в виду. Они вечно толкуют о подобных глупостях: поэзия, книги, мечты, лунный свет, звездная пыль и прочая дребедень. Он не опасается того, чего страшится она: гложущей боли в пустом желудке, лютого, сбивающего с ног зимнего ветра и даже выселения из «Тары». Зато он весь съеживается от какого-то страха, которого она никогда не знала и даже вообразить себе не могла. Нет, ну правда, чего здесь еще-то можно бояться, на развалинах мира, кроме голода, холода и потери крыши над головой? А ей-то казалось, что нужно лишь повнимательнее прислушаться к Эшли, и она будет знать, как ему соответствовать!

– О-о! – вырвалось у нее, и в этом возгласе было разочарование ребенка, который развернул красивую обертку и обнаружил, что внутри пусто.

Он услышал и грустно улыбнулся, как бы в оправдание:

– Прости, Скарлетт, что наговорил такого. Я не в силах объяснить тебе доходчиво, потому что тебе неведома сущность страха. У тебя львиное сердце и полное отсутствие воображения – я тебе завидую и в одном, и в другом. Ты никогда не уступишь в схватке с реалиями жизни, и никогда тебе не захочется бежать от них.

«Бежать!» – это было единственное доступное пониманию слово из всего, что он произнес. Значит, Эшли, подобно ей, устал от борьбы и хочет бежать. Она задыхалась учащенно.

– О, Эшли! Ты ошибаешься! – воскликнула она. – Я именно хочу бежать, как и ты. Я жутко устала от всего этого.

Брови у него недоверчиво поползли вверх, и она положила ему на руку свою горячую, настойчивую ладошку.

– Послушай меня, – заговорила она быстро, жарко, слова посыпались одно за другим, без пауз и заминок. – Я устала, надоело мне все, слышишь ты? Я больше не выдержу. Я боролась за хлеб, за деньги, я траву полола, грядки окучивала, хлопок собирала, я даже землю пахала, пока не почувствовала, что больше не выдержу не минуточки. Говорю тебе, Эшли, Юг погиб! Погиб он! Янки, вольные ниггеры и саквояжники эти, они захватили его, нам ничего не осталось. Эшли, давай убежим!

Наклонив голову, он пристально вглядывался в ее пылающее лицо.

– Да, давай убежим, оставим их всех! Я устала работать на людей. Кто-нибудь о них позаботится. Всегда находится кто-то, чтобы опекать тех, кто сам о себе позаботиться не может. О, Эшли, ну давай убежим, ты и я. Можно податься в Мексику – мексиканской армии нужны офицеры, и мы могли бы быть так счастливы. Я бы работала для тебя. Я бы все сделала ради тебя, Эшли. Ты же знаешь, что не любишь Мелани...

Пораженный, он начал было говорить, но она преградила путь его словам потоком собственных:

– Ты мне сказал в тот день, что любишь меня больше, чем ее! И я знаю, что ничего в тебе не переменялось. Знаю, знаю! И ты сам только что сказал, что она для тебя просто фантазия. О, Эшли, давай сбежим! Я могла бы сделать тебя счастливым... Да и в любом случае, – добавила она ядовито, – Мелани нельзя больше... То есть доктор Фонтейн сказал, что Мелани больше не сможет иметь детей, а я бы подарила тебе...

Его руки так крепко сжали ее плечи, что ей стало больно, и она смолкла на полуслове.

– Мы должны забыть тот день в «Двенадцати дубах».

– По-твоему, я сумею когда-нибудь забыть его? А ты разве забыл? Ты можешь сказать, не кривя душой, что не любишь меня?

Он сделал глубокий вдох и проговорил быстро и четко:

– Нет. Я не люблю тебя.

– Это ложь.

– Даже если и ложь, – сказал Эшли беспощадно ровным голосом, – это не то, что допустимо обсуждать.

– Ты имеешь в виду...

– Ты полагаешь, я способен был бы удрать и бросить Мелани с малышом, даже если бы терпеть не мог обоих? Разбить сердце Мелани? Оставить их обоих на милость друзей? Скарлетт, ты с ума сошла? В тебе что, нет ни капли верности, преданности, тебе незнакомы эти чувства? Тебе же самой нельзя бросить отца и девочек, они на твоей ответственности, равно как Мелани и Бо – на моей. Устала ты или нет, но они существуют, и ты должна с этим считаться.

– Нет, я могу бросить их – я уже больна от них, меня тошнит, я устала, мне все надоело...

Он наклонился к ней, и у нее замерло сердце: сейчас, вот сейчас он ее обнимет. Вместо этого он похлопал ее по плечу и заговорил тоном взрослого человека, который утешает ребенка:

– Я знаю, что тебе плохо, что ты устала, Поэтому ты так и говоришь. Ты тащишь воз, какой и троим мужчинам не сдвинуть. Но я буду тебе помогать, не вечно же я буду так неловок...

– Ты можешь помочь мне только одним, – сказала она мрачно, – это забрать меня отсюда и начать все заново где-нибудь в другом месте, чтобы у нас была возможность стать счастливыми. Здесь нас ничто не держит.

– Ничто, – повторил он спокойно. – Ничто, кроме чести.

Обманутая в своих ожиданиях, она смотрела на него и снова, как в первый раз, видела густой лес загнутых ресниц, отливающих темным золотом зрелого колоса, гордую посадку головы, обнаженную шею, стройный, прямой торс. В каждой черте, в каждом жесте светилось врожденное достоинство, которое не могли скрыть даже эти гротескные лохмотья. Глаза их встретились: ее – откровенно молящие, его – далекие и холодные, как горные озера под хмурым небом. Она увидела в них свое поражение. Рассыпались в прах безумные мечты, неистовые желания.

Обида и страшная усталость – все навалилось разом. Она уронила голову на руки и заплакала навзрыд. Он никогда не видел ее плачущей. Он и не догадывался, что у женщин ее типа – живых, энергичных, сильных – могут быть слезы. Волна нежности и раскаяния затопила его. Он быстро шагнул к ней и через мгновение уже обнимал ее, баюкая, как ребенка, ласково прижимая к сердцу черноволосую головку и приговаривая шепотом:

– Милая! Моя храбрая милая девочка! Ну, будет, будет... Тебе нельзя плакать.

Его прикосновения произвели необыкновенную перемену. В кольце его рук оказалось тонкое, гибкое тело, полное безумной, колдовской притягательной силы. Она подняла к нему глаза – они источали теплое, нежное зеленое сияние. И не стало зимы, промозглой и унылой. Для Эшли вновь вернулась весна, та полузабытая весна, вся в упоительных ароматах, неуловимых шорохах и шелесте листьев, весна легких, праздных и безмятежных дней, когда тело горело желаниями юности. Пропали в никуда горькие годы, отделявшие его от той поры, он увидел, что к нему тянутся алые трепещущие губы, и прильнул к ним.

У нее в ушах стоял рокочущий гул моря, как бывает, когда прижмешь к уху большую ракушку, и сквозь этот шум она смутно слышала быстрые толчки его сердца. Она таяла, растворялась в нем. Время остановилось, они зажигались и плавились друг в друге, его жадный рот брал ее губы, и все ему было мало, и казалось, конца этому не будет.

Внезапно он отпустил ее, у нее подкосились ноги, и пришлось уцепиться за изгородь. Она посмотрела на него, искрясь любовью и триумфом:

– Ты любишь меня! Все-таки ты меня любишь! Ну скажи это, скажи!

Его ладони все еще лежали у нее на плечах, она чувствовала, как они дрожат, и любила их за это подрагивание. Страсть потянула ее к нему, но он остановил ее и удержал на расстоянии, устремив на нее совсем другой взгляд: в нем не осталось и следа привычной отстраненности, в нем была мучительная боль, борьба и отчаяние.

– Нет! – сказал он. – Прекрати. Не надо. Если ты сделаешь что-нибудь, я возьму тебя прямо здесь, сейчас.

Она улыбнулась сверкающей жаркой улыбкой: она помнила только его губы, и ей не было дела до места или неподходящего момента – ни до чего на свете.

Он резко встряхнул ее. Он тряс ее так, что волосы высыпались из прически и упали на плечи, тряс так, словно его обуял дикий гнев на нее – и на себя самого.

– Не бывать этому! – рявкнул он. – Твердо тебе говорю: этому не бывать!

Ей показалось, что, тряхни он еще хоть раз, у нее голова оторвется от шеи. Она ослепла и оглохла: волосы закрыли ей глаза, а то, как он себя повел, действовало точно шок. Она вырвалась и уставилась на него. На лбу у него выступила испарина, руки сжимались и разжимались, до боли впиваясь ногтями в ладони. Он смотрел на нее в упор, пронизывающим взглядом.

– Это все моя вина, ты ни при чем, и больше этого не повторится, потому что я забираю Мелани с ребенком и уезжаю.

– Ты уезжаешь? – вскрикнула она, как подранок. – О нет!

– Да, Богом клянусь! По-твоему, я останусь здесь после этого? Ведь такое может случиться опять...

– Нет, Эшли, ты не можешь уехать. Да и зачем тебе? Ты любишь меня...

– Хочешь, чтобы я это сказал? Хорошо, я скажу. Я люблю тебя. – И вдруг он навис над ней, навалился с какой-то первобытной жестокостью, отчего она съежилась и вжалась в забор. – Я люблю тебя, твою храбрость и твое упрямство, твой огонь и твою абсолютную безжалостность. Сильно ли я тебя люблю? Так сильно, что еще минуту назад готов был надругаться над гостеприимством, осквернить дом, приютивший меня и мою семью, я забыл о жене, лучше которой нет на свете, – я мог взять тебя прямо тут, в грязи, как...

Она боролась с хаосом мыслей, а в сердце разливалась холодная боль, как будто его пронзили ледяной иглой. Она проговорила медленно, подыскивая слова и запинаясь:

– Если ты это чувствовал и не взял меня – значит, ты меня не любишь.

– Никогда мне не добиться, чтобы ты меня поняла.

Повисло молчание; они смотрели друг на друга. Потом Скарлетт очнулась – как будто вернулась из долгого путешествия; она вздрогнула и увидела, что на дворе зима, поля лежат голые, в колючей стерне, а сама она ужасно замерзла. Увидела она и то, что к Эшли вернулся его прежний отчужденно-одиноким вид, так хорошо ей знакомый, только теперь еще и страшно холодный и колючий – от боли и раскаяния.

Ей бы повернуться и уйти от него, уйти в дом, поискать норку, чтоб спрятаться и отсидеться. Но она слишком устала и не могла двинуться с места. Даже речь давалась с трудом и была утомительна.

– Ничего не осталось, – уронила она наконец. – Для меня – ничего. Некого любить. Не за что бороться. Ты уходишь, и «Тара» пропадает.

Он долго смотрел на нее, потом наклонился и поднял с земли комочек красной глины.

– Нет, кое-что осталось, – сказал он, и тень прежней улыбки мелькнула на лице – призраком насмешки над собой и над ней. – И это ты любишь больше, чем меня, хотя можешь и не понимать этого. У тебя все еще есть «Тара».

Он взял ее вялую руку, втиснул в ладонь комок глины и собрал в кучку ее пальцы. Сейчас в его руках уже не было лихорадочной дрожи – в ее, впрочем, тоже. С минуту она бессмысленно смотрела на красный грунт в кулачке. Потом взглянула на Эшли и смутно начала осознавать, какой это цельный человек – его душу не раздвоить ее страстным рукам, она вообще ничьим рукам неподвластна.

Он не бросит Мелани, хоть убей. Если даже он будет гореть по Скарлетт до конца своих дней, он все равно никогда не притронется к ней и ей не позволит нарушить дистанцию. Ей

больше никогда не пробиться сквозь его доспехи. Закон гостеприимства, преданность, честь – это всего лишь слова, но они значат для него больше, чем она.

Глина холодила руку, и Скарлетт вновь поглядела на нее.

– Да, – сказала она. – Это у меня еще есть.

Сказала и сказала. Просто слова, они ничего не значат.

И глина – просто красная глина. Но, непрощенная, явилась мысль о целом море этой красной земли, окружающей «Тару», и как она дорога ей; как тяжело ей пришлось бороться, чтобы возродить эту землю, и какую трудную битву ей предстоит выдержать – если она хочет сохранить ее и впредь. Она еще раз посмотрела на Эшли и удивилась: куда девался горячий поток чувства. Она могла думать, но не испытывала никаких чувств – ни к нему, ни к «Таре». Она была как выжатый и высушенный лимон – ничего внутри.

– Тебе нет нужды куда-то ехать, – четко выговорила она. – Я не хочу, чтобы вы все голодали только из-за того, что я бросилась тебе на шею. Больше этого не случится.

Она повернулась и пошла к дому напрямик, через неровное поле, пытаясь одной рукой скрутить волосы в пучок на затылке. Эшли смотрел ей вслед и вдруг заметил, как она распрямилась на ходу свои худенькие плечи. Этот жест дошел до самого сердца и тронул сильнее, чем все слова, которыми она хотела его убедить.

Глава 32

Поднимаясь на парадное крыльцо, она все еще сжимала шарик красной глины. Она специально не пошла через заднее крыльцо, потому что острый глаз Мамми никак не пропустил бы, что она страшно чем-то расстроена. Скарлетт не хотела видеть Мамми, вообще никого не хотела видеть. Встретить кого-то, разговаривать о чем-то – нет, это было бы невыносимо. Сейчас ей не было стыдно, она не испытывала разочарования или горечи, только слабость в коленях и огромную пустоту в сердце. Скарлетт сжимала глину так крепко, что она просочилась сквозь стиснутые пальцы, и твердила на манер попугая:

– Это у меня еще есть. Да, это у меня еще есть.

А больше ничего и не было, ничего, кроме этой красной земли, той самой земли, которую каких-то пять минут назад она хотела отшвырнуть, как истертый носовой платок. Теперь же это опять было дорого ей, и она тупо удивлялась, что за безумие овладело ею, если она воспринимала это так легкомысленно. Уступи ей Эшли, она без оглядки убежала бы с ним на край света, оставила бы без сожалений семью, друзей. Но даже в нынешней своей опустошенности она понимала, что сердце ее разрывалось бы, покидая эти родные красные холмы, и длинные, размытые дождями овраги, и высокие сумрачные сосны. До самого смертного часа она возвращалась бы к ним жадными мыслями. На месте выкорчеванной «Тары» в ее душе оставалась бы пустота, и даже Эшли не смог бы заполнить ее собою. Какой он все-таки мудрый, Эшли, и как хорошо ее знает! Всего-то и нужно было вложить комочек влажной земли ей в руку, чтобы привести ее в чувство.

Она была уже в холле и собиралась закрыть за собой дверь, но услышала стук копыт на аллее и выглянула узнать, кого это несет. Гости сейчас – это уж чересчур. Надо будет поскорей уйти к себе и отговориться головной болью.

Но когда коляска подъехала ближе, побегу воспрепятствовало изумление. Коляска была новая, сверкающая лаком, и упряжь тоже была новая, с отполированными до слепящего блеска медными бляшками. Чужие, конечно. Никто из знакомых не имел денег на такой великолепный выезд.

Она стояла в дверях, наблюдая; противный сквозняк хлопал по лодыжкам тяжелыми, отсыревшими юбками. Коляска остановилась перед домом, и появился Джонас Уилкерсон. Скарлетт так была удивлена при виде их бывшего надсмотрщика, прикатившего столь эффектно, что в первый момент не могла поверить своим глазам. И пальто превосходное! Уилл говорил ей, что Джонас приобрел лоск вполне процветающего человека – с тех пор, как получил место в Бюро освобожденных. Заколачивает кучу денег, сказал Уилл. Мошенничает и с ниггерами, и с правительством, конфискует хлопок и клянется, что это хлопок правительства Конфедерации. Конечно, честным путем в наши дни к таким деньжищам не подберешься.

А вот и он, во всей красе, выходит из коляски и высаживает женщину, с головы до ног одетую с иголки. Скарлеттхватило одного беглого взгляда, чтобы понять: одежда яркая до вульгарности, но тем не менее глаза продолжали жадно изучать все детали экипировки. Сколько уж времени прошло, как она вообще видела новую, модную одежду. Так! Значит, кринолины в этом году стали гораздо меньше, отметила она, обследуя красное платье из теплой шотландки. И насколько можно разглядеть под черным бархатным пальто – коротенький жакетик. Очень коротенький. А какая пикантная шляпка! Чепцы и капоры, должно быть, вышли из моды, потому что здесь даже не шляпка, а до смешного маленькая, плоская финтифлюшка из красного бархата, посаженная на макушку. Просто блин! Ленты завязываются не под подбородком, как у капора, а сзади, под массивным пучком кудрей, спадающих из-под шляпки, и кудри эти – не могла не заметить Скарлетт – не соответствовали волосам женщины ни цветом, ни фактурой.

Когда женщина ступила на землю и посмотрела в сторону дома, Скарлетт увидела кроличье личико, густо обсыпанное белой пудрой, и поняла, что оно ей знакомо.

– Как! Да это же Эмми Слэттери! – воскликнула она, от удивления заговорив вслух.

– Да, мэм, это я, – сказала Эмми, тряхнула головой, улыбнулась, ища расположения хозяйки, и направилась к ступеням крыльца.

Эмми Слэттери! Грязная, нечесаная распустеха! Мама крестила ее незаконнорожденного ребенка, а она заразила Эллен тифом и погубила ее! И эта разодетая потаскушка, этот мерзкий кусок белой швали поднимается по ступеням «Тары», задрал нос и скалясь так, словно она тут и родилась! И только Скарлетт подумала об Эллен, как пустоту в душе мгновенно заполнила убийственная ярость, такая мощная, что ее затрясло, как в лихорадке.

– А ну, прочь от дверей, ты, подзаборная дрянь! – закричала Скарлетт. – Убирайся с этой земли! Вон отсюда!

У Эмми отвалилась челюсть. Она метнула взглядом в Джонаса, подходившего к ней, нахмутив брови. Он был в гневе, но силился соблюсти приличия и выглядеть почтенно.

– Вы не должны говорить в таком тоне с моей женой, – заявил он.

– С женой? – Скарлетт разразилась резким, презрительным смехом. – Да, теперь самое время жениться на ней. А кто крестил остальное ваше отродье, когда вы прикончили мою мать?

Эмми охнула и поспешно перешла в отступление, но Джонас бегству помешал, грубо сцапав ее за руку.

– Мы приехали сюда с визитом, с дружеским визитом, – прогнусавил он. – И переговорить о маленьком дельце со старыми друзьями...

– Друзьями? – Скарлетт как хлыстом стеганули. – Когда это мы были друзьями с такими, как вы? Слэттери жили нашими подаяниями, а отплатили тем, что убили нашу маму, а вы... вы... Папа уволил вас из-за Эмминого мальчишки, и вы это знаете. Друзья! Прочь отсюда, пока я не позвала мистера Бентина и мистера Уилкса.

Под градом слов Эмми вырвалась от мужа, порхнула к коляске и забралась внутрь, мелькнув сапожками с ярким красным верхом и красными же кисточками.

Теперь уже и Джонас трясся от ярости не меньше Скарлетт. Обычно желтоватое лицо сделалось багровым, он весь раздулся и закулдыкал, как разозленный индюк:

– Очень знатные и всемогущие, да? Да? Все еще? Ну-ну. Я все про вас знаю. Вам обутишься и то не во что! А папаша ваш превратился в идиота...

– Убирайтесь отсюда!

– Ну ничего, скоро вы не так запоете. Я же знаю, вы в полном провале. Даже налоги заплатить не можете. Я приехал сюда с предложением купить у вас это место. Предложение мое хорошее, справедливое. Эмми хочет поселиться в этом доме, хочет – и все тут! Но вот Богом клянусь, теперь я вам и цента не дам! А вы, ирландцы болотные, больно высоко забрались, не того полета птицы! Скоро узнаете, у кого тут кнут в руках. Вот пойдет с молотка ваше имя за налоги, тогда поймете! А я и куплю это местечко, с землей и начинкой, все целиком, с мебелью и прочим – и буду тут жить!

Значит, это Джонас Уилкерсон. Вот кому понадобилась «Тара» – Джонасу и Эмми. Задумали ловкий ход: чтобы поквитаться за прошлое пренебрежение, они поселятся в доме, где их не уважали. У Скарлетт все нервы натянулись и загудели, как в тот день, когда она наставила пистолетное дуло прямо в бородатую физиономию янки и выстрелила. Хотела бы она иметь сейчас в руках этот пистолет.

Скарлетт дала себе волю:

– Да я снесу этот дом, разберу по камешку, я спалю здесь все, а землю засыплю солью! Знайте: не бывать вашим ногам на этом пороге! Вон отсюда, сказано вам, вон!

Джонас посверкал на нее глазами, начал было что-то еще говорить, но пошел-таки к своей коляске. Он уселся рядом с хнычущей женой и тронул лошадь. Когда они отъезжали, Скарлетт

ощутила сильнейшее желание плюнуть им вслед. И плюнула. Она понимала, что это вульгарная, ребяческая выходка, но ей стало легче. Жалко, не сделала этого раньше, пусть бы они увидели.

Эти чертовы обожатели негров посмели явиться сюда и насмеяться над нею и над ее собственностью. Эта ищейка и не собиралась вовсе предлагать ей цену за «Тару». Он просто использовал предлог, чтобы сюда приехать вместе с Эмми и покрасоваться своим богатством. Прохвосты грязные, вшивота, белая шантрапа – и они еще похваляются, что будут жить в «Таре»!

Затем вдруг ее объял ужас, и весь запал улетучился. Божьи подштанники! А ведь они и правда явятся сюда и будут здесь жить. И ничего нельзя сделать. Как ты помешаешь им купить «Тару»? И ведь все войдет в налоговую сумму – каждое зеркало, кровать и столик, и прекрасная мебель Эллен – полированное красное дерево и резное розовое. И все мелочи, безделушки, для нее бесценные, хотя и стало их теперь гораздо меньше, после налетов янки. И еще серебро Робийяров!

– Не видать им ничего! – сказала она себе со всей силой своей страстной природы. – Пусть даже мне придется выжечь здесь все дотла. Ногам Эмми нет места там, где ходила мама!

Она закрыла дверь и прислонилась к ней. Скарлетт стало очень страшно. Страшнее даже, чем в тот день, когда в доме орудовали солдаты Шермана. Тогда самое худшее, чего можно было опасаться, – это что янки сожгут «Тару» и ее заодно. Но нынешнее положение еще хуже: эти низкие, вульгарные твари поселятся в доме и начнут хвастать своим приятелям, таким же низким и вульгарным, как ловко они турнули гордых О'Хара. Чего доброго, они и негров сюда приведут, за стол посадят, спать уложат. Уилл рассказывал, что Джонас поднимает пыль столбом, хочет всем показать, что он на равных с неграми, ест с ними, ходит к ним домой в гости, катает в своей коляске и обнимает за плечи. Ну, это уж было бы окончательное надругательство над «Тарой». Когда она подумала, что и такое тоже возможно, сердце принялось тяжело бухать, она едва не задохнулась.

Скарлетт старалась сосредоточиться на своей проблеме, старалась изобрести какой-нибудь способ выбраться из ловушки, но всякий раз, когда ей удавалось собраться с мыслями, ее сотрясал очередной взрыв бешенства и страха. Выход должен быть, наверняка есть где-то человек, у которого можно занять денег. Деньги же не могут просто так взять и испариться. Не ветром же их сдуло. Значит, у кого-то они есть. Кто-то должен иметь деньги. И тут всплыли смехом сказанные слова Эшли: «Единственный человек, у кого сейчас есть деньги, – это Ретт Батлер».

Ретт Батлер! Она быстро прошла в гостиную и захлопнула за собой дверь. Шторы были закрыты от сквозняков, и ее обступили унылые зимние сумерки. Прекрасно. Никому и в голову не придет искать ее здесь, а ей нужно время – спокойно, без помех все обдумать. Идея, осевшая в ее голове, была очевидна и проста – даже удивительно, почему раньше-то она до этого не додумалась.

«Я добуду деньги у Ретта. Продам ему бриллиантовые серьги. Или займу денег, а серьги оставлю в залог, пока не верну».

Облегчение было столь полным, что она почувствовала слабость. Она заплатит налог и посмеется Джонасу Уилкерсону в лицо. Но по пятам за этой счастливой мыслью шло неумолимое понимание: «Да, но деньги на налоги будут нужны не только в этом году. Так будет и на следующий год, и все годы моей жизни. И если я заплачу налог в этот раз, то они опять его поднимут, и так до тех пор, пока меня не выгонят. Если я соберу хороший урожай хлопка, они обложат его такой высокой пошлиной, что я ничего с этого иметь не буду, а то и вообще конфискуют и объявят, что хлопок принадлежит Конфедерации. Янки и наши мерзавцы – они в одной упряжке, и они меня прихватят на чем пожелают. И всю мою жизнь, пока я живу на свете, я буду опасаться, что они как-нибудь да задавят меня. И всю жизнь я буду экономить,

скарелничать, драться за каждую монетку и работать, работать до самой смерти – просто так, задаром, и смотреть, как крадут мой хлопок... Занять три сотни долларов – это только дыру заткнуть. А я хочу выбраться из этого тупика, выбраться совсем, раз и навсегда. Я хочу спать спокойно и не тревожиться о том, что мне принесет завтрашний день, или следующий месяц, или следующий год».

Мысль продолжала работать, четко, как часы. Идея разрасталась, разрабатывалась в уме холодно и с логической ясностью. Скарлетт представила себе Ретта, контраст белозубой ухмылки и загорелого лица, иронию в черных глазах, ласкающих ее. Она вспомнила тот вечер в Атланте, перед концом осады: она сидела на крыльце у тети Питти, полускрытая летней тьмой, – и вновь ощутила жар его ладони на своей руке, когда он сказал: «Ни одну женщину я не хотел сильнее, чем вас, и ни одну не ждал так долго».

«Я выйду за него замуж, – спокойно подумала она. – Тогда мне вообще больше не придется беспокоиться о деньгах».

О, благословенная мысль, слаще небесного спасения – никогда не беспокоиться о деньгах, знать, что «Таре» ничто не грозит, что семья твоя сыта и одета и что не надо будет биться головой об очередную каменную стену!

Она чувствовала себя очень старой. События дня высушили в душе ее все эмоции: сначала неожиданная новость о налогах, потом Эшли, а под конец убийственная злость на Джона Уилкерсона. Нет, никаких чувств в ней не осталось. Если бы ее способность чувствовать не истощилась полностью, что-нибудь в ней воспротивилось бы этому плану, зародившемуся в голове: ведь она ненавидела Ретта, как никого другого в целом свете. Но она не могла чувствовать. Она могла только думать, и мысли ее были очень практичны.

«Я наговорила ему ужасные вещи той ночью, когда он бросил нас на дороге, но я смогу сделать так, что он забудет об этом, – думала она презрительно, все еще уверенная в своей власти чаровать. – Я буду сладкоречивой. Заставлю его поверить, что всегда любила его, а той ночью просто была очень напугана и расстроена. О, мужчины так покладисты, если верят тому, что им льстит... Ему и присниться не должно, в каком тяжелом положении мы оказались. Я и виду не покажу, пока не заполучу его. О, он не должен знать! Если он хотя бы заподозрит, как мы бедны, то сразу поймет, что мне нужны его деньги, а не он сам. Вообще-то у него нет способа узнать, потому что даже тете Питти неизвестно самое худшее. А после того, как я выйду за него, ему все равно придется помогать нам. Он не допустит, чтобы родные его жены умирали с голоду».

Его жена. Миссис Ретт Батлер. Что-то похожее на отвращение, глубоко спрятанное под холодной рассудочной постройкой, слабо шевельнулось, но было подавлено. Она вспомнила постыдные и противные события своего короткого медового месяца с Чарлзом, как его руки шарят по ее телу, его неумелость, непостижимый взрыв эмоций – и вот вам Уэйд Хэмптон.

«Не буду сейчас об этом думать. Это все потом, после того как стану его женой...»

После того как стану его женой. В памяти зазвенел звоночек. По спине пробежал неприятный холодок. Она опять вспомнила тот вечер на крыльце у тети Питти, как она спросила: он что, делает ей предложение? И как гадко он засмеялся и сказал: «Моя дорогая, я не из тех, кто женится».

Предположим, он до сих пор не из тех, кто женится. Предположим, несмотря на все ее прелести и подходы, он откажется жениться на ней. Предположим – о, какая ужасная мысль! – он совершенно забыл о ней и волочится за какой-то другой женщиной.

«Ни одну женщину я не хотел сильнее...»

Скарлетт сжала кулаки, так что ногти вонзились в ладони. «Если он забыл меня, я заставлю его вспомнить. Я сумею сделать так, что он снова будет желать меня».

Ну а если он не намерен жениться, но все еще хочет, то тоже есть способ раздобыть денег. Он же просил ее когда-то стать его любовницей.

В серых сумерках гостиной Скарлетт дала быстрый и решительный бой трем самым крепким узам, оплетающим ее душу: памяти Эллен, заповедям религии и своей любви к Эшли. Она знала, что задуманное ею должно повергнуть Эллен в ужас – даже на небесах, в далеком теплом раю, где она, несомненно, пребывает. Скарлетт знала, что прелюбодеяние – это смертный грех, и понимала, что если она любит Эшли – а она его любит, то ее план вдвое хуже проституции.

Но все эти обстоятельства рассыпались в прах перед беспощадной холодностью ее рассуждений и безвыходностью отчаяния. Эллен умерла, а смерть, может быть, дает высшее понимание. Религия запрещает блуд под угрозой адского пламени, но если церковь полагает, что Скарлетт не свернула бы горы ради спасения «Тары» и ради спасения своих родных от голодной смерти, тогда вот пусть церковь из-за этого и переживает. А она – нет. Не теперь, во всяком случае. И Эшли. Эшли ее не хочет. Вернее, хочет, и очень, его жаркие губы сказали ей это. Но он никогда не увезет ее с собой. Странно: уехать с Эшли не кажется грехом, а вот Ретт...

В тусклом полумраке зимнего дня она пришла к концу той дороги, что началась в ночь падения Атланты. Она ступила на эту дорогу избалованной, эгоистичной, неопытной девчушкой; в ней горел жар юности, кипели эмоции, и так легко было запутаться в хитросплетениях жизни! Теперь, в конце пути, от той девочки не осталось ничего. Голод и тяжелый труд, постоянное напряжение и страх, ужасы войны и ужасы Реконструкции забрали весь пыл, все цветение юности, всю мягкость и нежность. Сердцевина ее души начала покрываться чем-то твердым, наподобие раковины, и понемногу, слой за слоем, ракушка эта делалась все толще и плотнее, створки смыкались.

Но до этого самого дня два луча надежды питали Скарлетт. Она ждала, что кончится война и жизнь постепенно наладится, примет свой прежний лик. Она надеялась, что возвращение Эшли вернет жизни значение и смысл. И вот оба луча погасли. Явление Джонаса Уилкерсона на площадке перед домом заставило ее осознать, что для нее, для всего Юга война не кончится никогда. Самое кровопролитное сражение и самое жестокое возмездие еще впереди; все только начинается. А Эшли – Эшли навеки останется пленником слов, что крепче тюремных решеток.

Надежда на мир обманула ее, с Эшли она тоже потерпела крах. И все в один день. Последняя щелочка в ее раковине сомкнулась, последний слой окончательно отвердел. С ней случилось то, против чего предостерегала бабушка Фонтейн: она стала женщиной, которая увидела самое худшее, и больше ей бояться нечего. Один только голод – да призрак голода в кошмарном сне – мог напугать ее.

Теперь, когда она очерствела сердцем ко всему, что связывало ее с прошлым и с прежней Скарлетт, ею овладело странное ощущение легкости и свободы. Она сделала свой выбор, она приняла решение и, слава богу, перестала бояться. Терять ей нечего, и в уме она подготовилась к своему шагу полностью.

Если бы удалось склонить Ретта к браку, тогда все устроилось бы превосходно. А если нет – что ж, деньги у нее так и так будут. Она задумалась с безразличным любопытством: а что, собственно, ожидается от любовницы? Интересно, стал бы Ретт требовать, чтобы она жила в Атланте, как эта женщина, Уотлинг, – по слухам, он ее содержит. Если он заставит ее жить в Атланте, ему придется хорошо заплатить – достаточно, чтобы сбалансировать убытки от ее отсутствия в «Таре». Скарлетт была совершенно несведуща в скрытой стороне жизни мужчин и не имела возможности узнать, что включают в себя подобные договоренности. И еще она подумала: а вдруг появится ребенок? Вот это будет действительно ужасно.

– Я не буду сейчас об этом думать. Я подумаю об этом позже, – произнесла она спасительное заклинание и затолкала нежелательные мысли подальше, на задворки сознания, чтобы они не поколебали ее решимости.

Сегодня вечером она скажет домашним, что собирается в Атланту, постарается занять денег или заложить хозяйство, если потребуется. Вот и все, что им нужно знать, пока не наступит тот злосчастный день, когда им откроется совсем иное.

Ей предстоит действовать. От этой мысли голова сама собой поднялась кверху, а плечи оттянулись назад. Провернуть дело будет нелегко, она это понимала. Если по правилам, то это Ретту следовало просить ее благосклонности, а ей держать его в своей власти. А она оказалась просителем, причем не в том положении, чтобы диктовать условия.

«Но я не пойду к нему как проситель. Я приду как королева, дарующая милости. Он ничего не будет знать!»

Высоко держа голову, она подошла к большому трюмо и посмотрелась. В раме с осыпавшейся позолотой и потрескавшимися резными завитушками она увидела незнакомку. Оказывается, она не видела себя целый год. То есть каждое утро она бросала мимолетный взгляд в зеркало – убедиться, что лицо у нее чисто и волосы в порядке. Она всегда была слишком завалена другими делами, чтобы еще заниматься собой перед зеркалом. Но эта незнакомка... Худая женщина со впалыми щеками... Нет, ну какая же это Скарлетт О'Хара? Не может быть! У Скарлетт О'Хара было хорошенькое, кокетливое, жизнерадостное личико. А то лицо, на которое она сейчас уставилась, хорошеньким уж точно не назовешь. В нем совершенно не было той незабываемой прелести. Бледное, без кровинки, напряженное лицо, черные брови, резко контрастируя с белой кожей, устремляются ввысь, подобно крыльям вспугнутой птицы. В узких, чуть вкось поставленных зеленых глазах застыло загнанное выражение.

– Я недостаточно хороша, чтобы заполучить его, – прошептала она, и отчаяние вновь накрыло ее. – Я тощая, худющая, я же страшно тощая!

Она похлопала себя по щекам и наткнулась на выступающие кости скул. Это навело ее на мысль проинспектировать свой бюст. Ну вот, и груди стали совсем маленькие, почти как у Мелани. Надо бы присборить лиф, чтобы хоть на вид было побольше. А она ведь всегда презирала девчонок за такие ухищрения. Оборочки! Да что там оборочки, а платье? Она посмотрела вниз, на юбку, широко растянув фалды меж рук. Сплошные заплатки! А Ретту нравились женщины хорошо одетые, модные. Она вспомнила с тоской вздымающееся волнами зеленое платье, которое носила, как только вышла из траура. К этому платью она надевала зеленую шляпку с пером, ту, что Ретт привез ей в подарок. Она вспомнила его комплименты и одобрительный взгляд. А еще она вспомнила – со злостью и острой завистью – красное платье из шотландки, красные сапожки с кисточками и красную шапочку блинчиком на Эмми Слэгтери. Все это было кричаще-яркое, но новое и модное и притягивало глаз, естественно. Ох, до чего же ей хочется притягивать глаз! Особенно глаз Ретта Батлера. Если он увидит ее в этом старье, он поймет: в «Таре» что-то не так. Нельзя, чтобы он это понял.

Нет, ну какой надо быть душой, чтобы подумать, что она может поехать в Атланту и заполучить его, потому что он когда-то домогался ее, – это она-то, с этой вот сухой шеей, с глазами голодной кошки и в ношеном-переношеном платье! Если она не способна была вытянуть из него предложение, находясь в расцвете своей красоты и чудесно одеваясь, то теперь-то на что можно рассчитывать, когда она попросту уродлива и одета абы как? Если истории тети Питти правдивы, то он, должно быть, самый богатый человек в Атланте и, вероятно, пользуется бешеным успехом у красивых женщин, порядочных и дурных. «Ну, что ж, – сказала она себе угрюмо, – зато у меня есть нечто такое, чего у большинства красивых женщин не бывает. У меня есть голова на плечах, и если она что-то задумала, то так тому и быть. Только бы мне платье, одно приличное платье...»

Но в «Таре» не было приличного платья. Ни одного. И даже такого, которое не перелицевавали и не подштопали хотя бы раз.

«Такие вот дела», – печалилась она, безутешно уперев глаза в пол. Перед глазами был бархатный, цвета мха ковер Эллен, теперь уже вытертый, чем-то заляпанный и местами совсем

облысевший от бесчисленных солдат, проводивших на нем свои дни и ночи. Вид его подействовал на Скарлетт самым гнетущим образом, потому что ясно показывал, что вся «Тара» такая же изношенная и потертая, как она сама. Сгустившиеся потемки в комнате тоже стали давить на нее. Она подошла к окну, отдернула шторы, подняла раму, отстегнула шеколду и распахнула ставни, впуская в комнату последний свет зимнего заката. Потом закрыла окно и, прислоняясь щекой к зеленому бархату портьеры, посмотрела на лужайку, на блеклое пастбище и дальше – на темную купу кедров у семейного кладбища. Бархат приятно и нежно щекотал лицо, и она блаженно, как кошка, потерлась об него... Замерла. Отстранилась. И уставилась на портьеры.

Минутой позже она уже тащила по полу тяжелый столик с мраморной столешницей; его заржавевшие колесики протестующе скрипели. Она подкатила столик к окну, подоткнула юбки, забралась на него и встала на цыпочки, чтобы дотянуться до массивного карниза. Снять его не удавалось – не хватало роста, и она дернула, так резко и нетерпеливо, что гвозди выскочили из дерева, а шторы, карниз и все остальное рухнуло на пол с громким стуком.

Как по волшебству, дверь гостиной тут же отворилась, и возникла Мамми, каждой морщинкой своего широкого черного лица выражая страстное любопытство и глубочайшую подозрительность. Она очень неодобрительно оглядела Скарлетт, которая в этот момент еще стояла на столе, подняв юбки выше колен, и готовилась спрыгнуть на пол. Радостное возбуждение и предвкушение триумфа, переполнявшие Скарлетт, почему-то очень расстроили Мамми.

– Зачем это вам портьеры мисс Эллен? – потребовала она отчета.

– А зачем это тебе подслушивать под дверь? – весело спросила Скарлетт, ловко спрыгивая на пол и принимаясь собирать полотнища тяжелого пыльного бархата.

– Мне нет нужды подслушивать, – парировала Мамми, настраиваясь на поединок. – А вам нет дела до портьер мисс Эллен. Ишь чего удумали – выдергивать карниз из стены и кидать все на пол, в пыль. Мисс Эллен очень дорожила этими портьерами, и я не думаю, что вам позволительно обращаться с ними подобным образом.

Скарлетт обратила на нее зеленые свои глазищи, сверкающие буйным весельем, как у маленькой проказницы из прежних времен, по которым часто вздыхала Мамми.

– Сбегай скоренько на чердак и достань мою коробку с выкройками, – кричала Скарлетт, легонько подталкивая Мамми к дверям. – У меня будет новое платье!

Мамми разрывалась между негодованием по поводу самой идеи, что ее двести фунтов живого веса должны скоренько куда-то сбежать, тем более на чердак, и проблеском страшного подозрения. С неожиданной живостью она выхватила у Скарлетт полотнища гардин и прижала их, как святыню, к своей монументальной, обширной груди.

– Не видать вам портьер, мисс Эллен, если вы рассчитываете из них сшить себе новое платье. Нет и нет, пока я жива.

Выражение тупого упрямства, которое Мамми определяла для себя словами «вот бычья башка!», мгновенно передалось от няньки к ее молодой госпоже, с минуту они побуравили друг друга глазами, потом Скарлетт улыбнулась, против чего Мамми всегда было очень трудно устоять. Но сейчас эта улыбка не одурачила старую женщину. Она поняла, что мисс Скарлетт пустила в ход свою неотразимую улыбку с единственной целью – обвести ее вокруг пальца, а против этого Мамми решительно возражала.

– Мамми, не будь злокой. Я собираюсь в Атланту занять денег, и мне нужно новое платье.

– Вам не нужно новое платье. Ни одна леди не носит новых платьев. Они носят старое и гордятся этим. И нет причин, почему бы дочке мисс Эллен не ходить в старом, – если ей так хочется, ее все равно будут уважать, словно она вся в шелках.

Выражение «бычьей башки» опять начало напозать на лица. «Господи, это ж прямо смех один, – подумала Мамми, – чем старше делается мисс Скарлетт, тем больше становится похожа на мистера Джералда и меньше – на мисс Эллен».

– Ну, Мамми, ты же знаешь, тетя Питти писала нам, что у мисс Фанни Элсинг свадьба в эту субботу, и я к ней поеду. И мне нужно новое платье.

– Вот то платье, которое на вас, оно и будет в самый раз, не хуже свадебного наряда мисс Элсинг. Мисс Питти написала, что Элсинги сильно бедствуют.

– Но я должна иметь новое платье! Мамми, ты не знаешь, как мы нуждаемся в деньгах. Налоги...

– Нет, мэм, я знаю про налоги, но...

– Ты знаешь?

– Ну, раз Господь дал мне уши, то для чего же еще, как не слушать? Тем более что мистер Уилл никогда не утруждается закрывать за собой двери.

Интересно, существует хоть что-нибудь, чего Мамми не подслушала? Скарлетт диву давалась, что эта грузная туша, под которой сотрясается пол, умеет передвигаться совершенно бесшумно и скрытно, как зверь в лесу, если нужно вызнать что-то про хозяев.

– Ну, раз ты все знаешь, то уж наверняка знаешь и про Джонаса Уилкерсона с этой его Эмми.

– Да, мэм, – кивнула Мамми с застарелой ненавистью в глазах.

– Вот и не упрямясь, как мул. Разве ты не видишь, что мне придется ехать в Атланту, раздобывать деньги на налоги? Я должна найти деньги. И я их найду! – Скарлетт решительно пристукнула маленьким крепким кулачком. – Пойми ты, Мамми, они же выгонят всех нас на улицу, и куда нам тогда податься? Ты препираешься со мной из-за такого пустяка, как мамины шторы, когда эта дрянь, Эмми Слэттери, которая погубила маму, нацелилась перебраться в этот дом и спать в маминой кровати!

Мамми топталась на месте, как обеспокоенная слониха. У нее было смутное ощущение, что ее так обводят вокруг пальца.

– Нет, мэм, я не хочу, конечно, видеть эту дрянь в доме мисс Эллен и не хочу очутиться на улице. Но... – Она вдруг впилась в Скарлетт своим пронзительным оком: – Кто же это такой, у кого вы намерились взять денег, что вам обязательно нужно для этого новое платье? А?

– А это, – заносчиво ответила Скарлетт, поняв, что ее захватили врасплох, – это мое личное дело.

Мамми не спускала с нее пристального взгляда, как делала много лет назад, когда Скарлетт была маленькая и, провинившись, безуспешно придумывала оправдания своим злодеяниям. Вот и сейчас: кажется, Мамми прочтет ее мысли. Скарлетт невольно опустила глаза, впервые ощутив, как к ней подбирается чувство вины за то, что она задумала.

– Значит, вам требуется новое платье, чтобы с его помощью занять денег. Неслыханное дело. И вы не хотите сказать, откуда возьмутся деньги.

– А я вообще ничего не желаю говорить. – Скарлетт разозлилась. – Это мое, и только мое дело. Так ты отдашь мне шторы и сможешь сшить платье?

– Да, мэм, – сказала Мамми покладисто, вызвав у Скарлетт нехорошие подозрения своей внезапной капитуляцией. – Я помогу вам сшить платье, а из атласной подкладки портьер, думаю, выйдет нижняя юбка и панталоны с кружавчиками. – Она отдала бархат Скарлетт, хитро усмехнулась всеми своими морщинками и осведомилась: – А мисс Мелли собирается с вами в Ланту, мисс Скарлетт?

– Нет, – отрезала Скарлетт, начиная понимать, что сейчас последует. – Я еду одна.

– Это вы так думаете, – твердо заявила Мамми. – При вас буду я. При вас и вашем новом платье. Ни на шаг от себя не отпущу.

Скарлетт на минуточку представила себе поездку в Атланту и беседу с Реттом Батлером под недреманным оком Мамми, громоздящейся черным цербером на заднем плане. Она опять улыбнулась и положила руку на плечо старой няньке:

– Мамми, милая, ты такая добрая, это было бы чудесно, если б ты могла поехать со мной и помочь, но как же эти-то будут без тебя? Ведь вся «Тара» на тебе, ты одна здесь все знаешь и умеешь.

– Ха! – сказала Мамми. – Не пытайтесь взять меня лестью, мисс Скарлетт, не выйдет! Я вас знаю с тех пор, как первый раз завернула в пеленки! Я сказала: я поеду с вами в Ланту, и я поеду. Все! Мисс Эллен в гробу перевернется, как узнает, что вы там одна, в этом городе, где полным-полно янки, вольных ниггеров и всякого прочего сброда.

– Но я же буду у тети Питти! – взорвалась Скарлетт.

– Мисс Питти – прекрасная женщина, она думает, что все знает, а вот и нет! – изрекла Мамми и повернулась величественно, как королева, давая понять, что аудиенция закончена. Она выплыла в холл, и стены задрожали от ее голоса: – Присси, малявка! Слетай наверх и притащи с чердака коробку с выкройками для мисс Скарлетт! И ножницы хорошие поищи, только чтоб не до утра!

– Ну, началось, – удрученно пробормотала Скарлетт. – С таким же успехом можно было послать по моему следу ищейку.

После ужина все было быстренько убрано, и Скарлетт с Мамми разложили на обеденном столе выкройки. Тем временем Сьюлен и Кэррин спарывали атласную подкладку со штор, а Мелани щеткой для волос чистила бархат от пыли. Джералд, Эшли и Уилл тоже расселись в столовой, покуривая и снисходительно посмеиваясь над дамской суетой. Приятное возбуждение, исходившее от Скарлетт, передалось всем, хотя и было им непонятно. Лицо у Скарлетт приобрело цвет, глаза ослепительно, непереносимо блестели, она то и дело смеялась. Ее смех радовал домашних: они не слышали его уже многие месяцы. Особенное удовольствие от ее веселости получал Джералд. Глаза более осмысленно, чем обычно, следовали за стремительными перемещениями ее гибкой фигурки, и всякий раз, как она оказывалась в пределах досягаемости, отец одобрительно ее похлопывал. Девушки тоже пребывали в волнении, как перед балом; они что-то отпарывали, кроили и сметывали – и все с таким рвением, будто шили бальные платья самим себе.

Скарлетт собирается в Атланту занять денег или, если возникнет необходимость, заложить «Тару». Ну и что особенного в залоге? Скарлетт сказала, они легко смогут выкупить имение на будущий год, на доход от нового урожая хлопка, и еще деньги останутся. Она произнесла это так бесповоротно, что никто и не подумал приставать с вопросами. А когда кто-то спросил насчет предполагаемого кредитора, она сделала таинственное и хитрое лицо и сказала:

– Не суетись, в пути застрянешь.

Все засмеялись и стали ее дразнить приятелем-миллионером.

– Должно быть, это капитан Батлер, – пошутила Мелани, и все страшно развеселились от подобной нелепости, зная, что Скарлетт его терпеть не может, а когда упоминает о нем, то называет не иначе как «этот скунс Ретт Батлер».

Однако Скарлетт на сей раз не засмеялась, а Эшли, веселившийся вместе со всеми, резко смолк, заметив, что Мамми стрельнула в сторону Скарлетт быстрым бдительным взглядом.

Сьюлен, движимая общим настроением, расщедрилась и достала свою пелерину ирландского кружева, немного залохматившуюся, но все равно красивую, а Кэррин настояла, чтобы Скарлетт надела в поездку ее туфельки, так как они были в лучшем состоянии, чем остальная обувь в «Таре». Мелани упрашивала Мамми оставить ей лоскутков, чтобы хватило обтянуть заново каркас потертой шляпки, и вызвала взрыв хохота, сказав, что старому петуху теперь не долго гордиться своим роскошным хвостом – если не удерет немедленно на болота, то лишится лучшей части перьев, бронзовых и черных с зеленым отливом.

Скарлетт, наблюдая за проворными пальчиками, слушая смешки и легкий разговор, поглядывала на них на всех со скрытой горечью и презрением.

«Они понятия не имеют, что на самом деле произошло со мной, с ними, со всем Югом. Они все еще думают, вопреки очевидности, что ничего действительно страшного не может случиться ни с кем из них: ведь они же О'Хара, Гамильтоны, Уилксы. Даже негры так считают. О, какие глупцы! До них никогда ничего не дойдет! Они всегда будут так думать и всегда будут жить, как жили, и ничто их не изменит. Мелли может ходить в тряпье, собирать хлопок и даже помогать мне убить человека, но это ничего не меняет. Она все та же – застенчивая, благородная миссис Уилкс, истинная леди! И Эшли. Он видел смерть, узнал войну, был ранен, находился в плену, вернулся – и ничего не нашел, меньше чем ничего, но все равно он джентльмен, каким был, когда за ним стояли все «Двенадцать дубов», вся их сила и богатство. Уилл другой. Он понимает действительное положение вещей, впрочем, ему нечего было особенно терять. А что до Сьюлен и Кэррин, то они полагают, что это лишь временные затруднения. Они не переменялись, столкнувшись с изменившимися условиями жизни, потому что убеждены: это все скоро пройдет. Они думают, Господь Бог собирается сотворить чудо, специально для их пользы. А Он не будет. Одно только чудо здесь и может быть сотворено – это если мне удастся обработать Ретта Батлера... А они не изменятся. Наверное, и не могут измениться. Одна я только изменилась – да и я бы не изменилась, если бы могла как-то справиться со всем этим...»

Наконец Мамми выставила мужчин из столовой и закрыла двери, чтобы подготовиться к примерке. Порк помог Джералду подняться наверх и улечься в постель, а Эшли с Уиллом остались одни в круге света от лампы в переднем холле. Некоторое время они провели в молчании, Уилл мирно жевал свой табак, как корова жвачку. Но в душе у него не было ни мира, ни покоя.

– Эта поездка в Атланту, – прервал он молчание, медленно роняя слова. – Не нравится мне эта затея. Ни с какого конца.

Эшли быстро взглянул на Уилла и тут же отвел глаза; он промолчал, но про себя подумал, неужели Бентина мучает то же кошмарное подозрение, что преследует его самого. Нет, это невозможно. Уилл ведь не знает, что произошло сегодня в саду и в какое отчаяние это повергло Скарлетт. Уилл не мог заметить, какое лицо было у Мамми, когда кто-то упомянул Ретта Батлера, и, кроме того, Уилл не знает про деньги Батлера и его дурную репутацию. Точнее говоря, Эшли считал, что Уиллу такие вещи неизвестны. Но за время, проведенное в «Таре», он постепенно пришел к заключению, что и Уилл, и Мамми знают все – хотя им никто не говорил, – и знают заранее, каким-то шестым чувством. Что-то зловещее носилось в воздухе; что именно, Эшли не понимал, и спасти Скарлетт от этого было не в его власти. За весь вечер она ни разу не встретилась с ним глазами, а ее натужная, бросающая веселость просто пугала. Подозрения, терзавшие его, были слишком чудовищны, чтобы облечь их в слова. Он не имел права оскорблять ее вопросом, правда ли это. Он сжал кулаки. В том, что касается ее, у него теперь вообще нет никаких прав. Сегодня днем он потерял их, потерял навсегда. Он не может помочь ей. Никто не смог бы помочь ей. Но вспомнив Мамми и мрачную решимость, с которой она резала шторы, он немного приободрился. Мамми приглядит за Скарлетт, хочет она того или нет.

«Все из-за меня, – думал он в отчаянии. – Я довел ее до этого».

Он вспомнил, как она расправила плечи, удаляясь от него, вспомнил ее упрямо поднятую голову. Сердце выскакивало из груди, стремясь к ней, замирая от восхищения. Он знал, что в ее словаре нет таких слов, как «доблестный рыцарский дух», знал, что она посмотрела бы на него пустыми глазами, скажи он ей, что она и есть воплощенная доблесть и никого отважнее он в жизни не встречал. Она не понимает, как много правды в этих прекрасных словах и как верно он ее чувствует. Она смотрит на жизнь прямо, воспринимает ее, как она есть, противится всем своим упорным, неизощренным умом любому препятствию, какое встанет у нее на пути, и в борьбу вступает с бесповоротной решимостью, не признающей поражений. Она будет продолжать сражение, даже когда увидит, что поражение неизбежно.

Правда, за четыре года он повидал и других, кто отказывался признавать возможность поражения. Навстречу верной гибели они скакали весело, потому что были доблестны и отважны.

Но никогда еще он не встречал такой доблести, как доблесть Скарлетт О'Хара, идущей покорять мир в материнских бархатных шторах и с перьями из петушиного хвоста.

Глава 33

На следующий день, когда Скарлетт с Мамми сошли с поезда, Атланта встретила их неприветливо: налетал порывами пронизывающий, холодный ветер, по небу низко неслись грязно-серые, рваные облака. Вокзал еще не восстановили после пожара, и они очутились на пепелище, среди развалин, по которым только и можно было определить, где они находятся. Однако привычка взяла верх, и Скарлетт повела головой, ища дядю Питера и коляску тети Питти – ведь в годы войны они всегда встречали ее по возвращении из «Тары». Потом спохватилась и фыркнула, сердясь на себя за рассеянность. Естественно, Питера здесь нет и быть не может, она же не предупредила тетю Питти о своем приезде. И самое главное – она вспомнила, что в одном из писем тетушка горько оплакивала смерть старого овра, которого Питер «подобрал» в Мейконе, чтобы доставить ее домой, в Атланту, после капитуляции.

Тогда Скарлетт стала внимательно присматриваться к экипажам и повозкам, колесившим по вокзальной грязи: может быть, попадется кто-то из старых друзей или знакомых и подвезет их до дома тети Питти. Но она никого не узнавала – ни черных, ни белых. Если то, что писала им тетя Питти, было верно, то, скорей всего, никто из прежних друзей не имел больше собственного выезда. Времена настали тяжелые, людей-то трудно прокормить и найти им крышу над головой, не говоря уж о животных. Большинство друзей тети Питти, подобно ей самой, ходили теперь пешком.

На площади было несколько фургонов – они грузились у товарных вагонов, были заляпанные грязью легкие кабриолеты с бандитского вида чужаками на козлах, и только две коляски. Одна закрытая, другая – с откинутым верхом; в ней сидела хорошо одетая дама и офицер янки. У Скарлетт резко перехватило дыхание при виде военной формы. Хоть Питти и писала им, что в Атланте расположен гарнизон и улицы полны солдат, все же первый увиденный синий мундир поразил и напугал ее. Довольно трудно было убедить себя, что война окончена и что мужчина этот не собирается ее преследовать, грабить или оскорблять.

Относительное безлюдье у поезда заставило ее вернуться памятью в то утро 1862 года, когда она приехала в Атланту – молодая вдова, закутанная в креп и одичавшая от скуки. Тогда все это пространство было просто забито фургонами, колясками, санитарными каретами, шум стоял страшный – кучера переругивались и кляли все на свете, пассажиры и встречающие окликали друг друга, приветствовали друзей. Она вздохнула по легкомысленному возбуждению тех военных дней, а потом еще раз вздохнула при мысли о пешей прогулке до дома тети Питти. Правда, она все же надеялась, что на Персиковой улице может встретиться кто-нибудь из знакомых и их подвезут.

Пока она стояла, озираясь по сторонам, к ним подкатила закрытая карета, светлокожий негр средних лет свесился с козел и спросил:

– Карету, леди? Два куска в любой конец Ланты.

Мамми пронзила его уничтожающим взглядом.

– А, наемный экипаж! – пробубнила она. – Ниггер, ты знаешь, кто мы такие?

Мамми принадлежала к сельским неграм, но она не всегда была сельчанкой и знала, что ни одна порядочная женщина не сядет в наемный экипаж – особенно в закрытую карету – без эскорта из мужских представителей своей семьи. Даже присутствие негритянки-прислужницы не удовлетворяло требованиям приличий. Она бросила на Скарлетт грозный взгляд, поскольку видела, что ей хочется сесть в карету.

– Пошли отсюда, мисс Скарлетт! Наемный экипаж и вольный ниггер на козлах! Да уж, хорошенькое сочетание.

– Никакой я не вольный ниггер! – заявил кучер с горячностью. – Я принадлежу старой мисс Тэлбот, это ее карета, а я езжу, чтобы заработать денег для нас.

– Что это за мисс Тэлбот?

– Мисс Сюзанна Тэлбот из Милледжвилла. Мы переехали сюда после того, как старого мистера убили.

– Вы ее знаете, мисс Скарлетт?

– Нет, – ответила с сожалением Скарлетт. – Я очень мало кого знаю из Милледжвилла.

– Тогда мы идем пешком, – сурово изрекла Мамми. – Кати дальше, ниггер.

Мамми подхватила ковровый саквояж, в который были сложены новое бархатное платье, шляпка и ночная рубашка Скарлетт, пристроила под мышку аккуратно перевязанный узелок с собственными вещичками и погнала Скарлетт через широко раскинувшееся пространство мокрой золы. И хотя Скарлетт предпочла бы, конечно, ехать, она не стала спорить по этому поводу, не желая никаких разногласий с Мамми. Со вчерашнего дня, с того самого момента, когда Мамми застала ее с бархатными шторами, ее страж, судя по выражению глаз, находился в состоянии повышенной боевой готовности, что совсем не нравилось Скарлетт. Это предвещало большие трудности при попытке к бегству, и в намерения Скарлетт не входило волновать воинственную кровь Мамми без абсолютной к тому необходимости.

Пока они пробирались узкой пешеходной дорожкой по направлению к Персиковой, Скарлетт все больше овладевало уныние и печаль: Атланта пребывала в запустении и сильно отличалась от воспоминаний. Они прошли мимо бывшего отеля «Атланта», где раньше жил дядя Генри и останавливался Ретт Батлер. От элегантной гостиницы остался только каркас, часть почерневших стен. Пакгаузы, тянувшиеся вдоль путей на четверть мили и хранившие многие тонны военного снаряжения, не подлежали восстановлению; прямоугольные дыры фундаментов под свинцово-серым небом наводили безнадежную тоску. Лишенные строя складов и вагонных депо, поднимавшихся по обеим сторонам полотна, рельсы казались оголенными, бесстыдно выставленными напоказ. Где-то среди этих руин, неотличимые от других, лежали развалины ее собственного склада, доставшегося ей в наследство от Чарльза. Дядя Генри внес за нее прошлогодний налог. Надо будет вернуть ему эти деньги. Еще одна забота на ее шею.

Когда они завернули за угол, на Персиковую, и Скарлетт посмотрела в сторону Пяти Углов, она вскрикнула от потрясения. Вопреки всему, что рассказывал ей Фрэнк Кеннеди про сожженный дотла город, она не могла представить себе картины столь полного разрушения. Сознание упорно хранило прежний облик любимого города: деловые здания лепятся друг к другу и свободно стоят прекрасные особняки. Но Персиковая улица, на которую она сейчас глядела, вовсе лишена была признаков жилья и вообще каких-либо ориентиров; перед ней лежало совершенно незнакомое место, где она никогда не бывала раньше. Эта грязная улица, по которой она тысячу раз проезжала во время войны; страшная улица, вдоль которой однажды во время осады она летела сломя голову, подгоняемая воем рвущихся вокруг снарядов; улица, которую в последний раз она видела в горячке, спешке и муках отступления, – эта улица выглядела сейчас такой чужой – хоть плачь!

Правда, за этот год, после ухода Шермана из пылающего города и после возвращения конфедератов, возникло довольно много новых зданий, но в районе Пяти Углов все еще лежали обширные пустыри, заросшие камышом и бурьяном и заваленные кучами битого, покрытого копотью кирпича. Виднелись остатки зданий, которые она помнила; теперь это были пустые кирпичные коробки без крыш, с зияющими провалами окон и одиноко торчащими трубами. Кое-где на глаза попадались знакомые магазинчики – они выжили за счет кладки и теперь были подлатаны и восстановлены, яркие пятна нового кирпича выделялись на смазанном фоне старых стен. На фасадах новых магазинов и в окнах новых контор красовались имена владельцев; среди них были хорошо ей знакомые люди, но гораздо чаще попадались вовсе неизвестные, особенно врачи, адвокаты, торговцы хлопком. Когда-то она знала в Атланте практически всех и каждого, поэтому вид множества вывесок с чужими именами подействовал на нее угнетающе. Но новые здания, растущие вдоль всей улицы, порадовали.

Да тут их дюжины, и некоторые даже в три этажа высотой! Стройка шла повсюду, и, пока она стояла, присматриваясь к улице, стараясь приспособиться сознанием к новой Атланте, она услышала и веселый перестук молотков, и визг пилы, заметила поднимающиеся леса и людей, карабкающихся по ним с лотками кирпича на плечах. Она смотрела на улицу, которую так любила, и глаза у нее немного затуманились.

«Тебя сожгли, – думала она, – тебя сровняли с землей, но не смогли уничтожить. Ты вырастешь опять и будешь такая же большая, красивая и тенистая, какой была для нас всегда!»

Идя по Персиковой улице, с топающей по пятам вперевалку Мамми, Скарлетт скоро обнаружила, что тротуары так же запружены народом, как было в разгар войны, и воскресающему городу свойственна та самая атмосфера стремительности, суеты и спешки, от которой в ней зазвенела и запела каждая жилочка еще в самый первый приезд к тете Питти. Кажется, и повозок, вязнувших в глубоких колдобинах, теперь не меньше, чем тогда, разве что нет санитарных карет конфедератов. Много лошадей и мулов топчутся у коновязи перед деревянными навесами магазинов и лавчонок. Но, хоть народу было и густо, знакомых лиц Скарлетт не заметила – как и знакомых имен на вывесках над головой. Новые люди, много грубых, неотесанных мужчин и вызывающе одетых женщин. На улице черно от праздных негров: одни стояли прислонясь к стенам, другие сидели на бровке тротуара, наблюдая за экипажами и колясками с наивным восторгом детей, которым показывают цирковой парад-алле.

– Вот они, вольные деревенские негры, – бурчала Мамми. – Приличной кареты в жизни не видали. Да еще и наглые.

Действительно, наглые, признала Скарлетт, поскольку они пялились на нее самым дерзким образом, но она тут же про них забыла, переживая новое потрясение при виде синих мундиров. Город, похоже, битком набит военными янки – были и верховые, и пешие, и в армейских фургонах, и просто болтались по улице, вываливаясь на шатких ногах из баров.

«Никогда я к ним не привыкну, – подумала Скарлетт, сжимая кулачки. – Никогда!» И бросила через плечо:

– Живее, Мамми! Давай выбираться из этой толпы.

– Вот только очищу себе дорогу от этой черной швали, – громко сказала Мамми и замахнулась саквояжем на молодого здоровяка, маявшего от безделья прямо у нее на пути. Тот резво отпрыгнул в сторону. – Не нравится мне этот город, мисс Скарлетт, – продолжала Мамми. – Тут полно янки и дешевого вольного сброда.

– Дальше будет лучше, где не так людно. Вот пройдем Пять Углов, и другое дело.

Они перебрались через Декатур-стрит по скользким камням, служившим мостом в глубокой грязи, и пошли дальше вверх по Персиковой; толпа заметно поредела. Вот и капелла Уэсли, где Скарлетт отсиживалась, восстанавливая дыхание, в тот день, в 1864 году, когда бегала за доктором Мидом. Скарлетт взглянула на часовню и издала смешок, короткий и мрачный. Мамми быстро и подозрительно окинула взглядом свою подопечную, спрашивая глазами, но ее любопытство не было удовлетворено. Скарлетт вспомнила с презрением, какой ужас обуревал ее в тот день. У нее ноги подкашивались от страха, хотелось припасть к земле и ползти ползком, на нее напала омерзительная слабость, она была запугана до безобразия приходом янки и близким уже появлением на свет малыша Бо. Сейчас она недоумевала, чего она так боялась. Вся тряслась, как ребенок, от громкого шума. И каким же она была ребенком, если решила, что янки, пальба и поражение – это и есть самое худшее, что могло случиться с нею в жизни. Как это все мелко и незначительно рядом со смертью Эллен, сумеречным состоянием Джералда, рядом с голодом и холодом, когда живешь словно в кошмарном сне, чувствуя свою полную беззащитность. Как легко сейчас быть храброй перед лицом армии завоевателей! Но как трудно противостоять опасности, угрожающей «Таре». Нет, больше она никогда и ничего не будет бояться – кроме нищеты.

К ним приближалась закрытая карета, ехавшая тоже вверх по Персиковой, и Скарлетт встала на бровку, желая увидеть, кто там сидит, – вдруг они знакомы? Все же до дома тети Питти еще несколько кварталов. Как только карета поравнялась с ними, они с Мамми наклонились вперед, Скарлетт изобразила приветливую улыбку и собралась было окликнуть пассажира; в этот момент в окошке показалась женская головка – чересчур яркие, огненно-красные волосы под прелестной меховой шапочкой. Скарлетт отпрянула. На лицах отразилось взаимное узнавание. Это была Красотка Уотлинг. Скарлетт увидела мельком неприязненно раздутые ноздри, и голова исчезла. Странно: именно Красотка оказалась первым знакомым лицом, встреченным ею в Атланте.

– Кто такая? – подозрительно осведомилась Мамми. – Она вас знает, а не поклонилась. Никогда в жизни не видела волос такого цвета. Даже у Тарлтонов. Выглядит будто... будто крашенная!

– Так и есть, – коротко ответила Скарлетт, убыстряя шаг.

– А вы ее знаете, эту крашеную? Я вас спрашиваю, кто она.

– Дурная женщина, и даю тебе слово, я с ней незнакома, так что замолчи.

– Господь всемогущий! – выдохнула Мамми и, открыв рот, уставилась со страстным любопытством на карету.

Она не видела профессиональных проституток с тех пор, как уехала вместе с Эллен из Саванны, а было это двадцать лет назад, и теперь ужасно жалела, что не рассмотрела Красотку как следует.

– А расфуфырена как, и карета при ней прекрасная, и кучер, – бухтела Мамми. – Не понять мне, о чем там Господь Бог думает, если допускает, чтобы дурные женщины прямо сверкали, на манер вон той, а порядочные чтоб голодали и ходили почти что разутые.

– Господь давно и думать о нас забыл, – жестко сказала Скарлетт. – И не говори мне, что мама в гробу переворачивается от моих речей.

Ей хотелось ощутить свое превосходство и добродетельность рядом с Красоткой, но не получалось. Если ее планы осуществляются, она попадет в то же положение, что и Красотка, причем на содержание к тому же самому мужчине. О своем решении она ни капельки не сожалела, и все же, увидев дело в истинном свете, пришла в замешательство. «Не буду сейчас об этом думать», – сказала она себе и зашагала быстрее.

Они миновали участок, где стоял дом Мидов – от него осталась лишь пара одиноких каменных ступеней и дорожка, ведущая в никуда. На месте дома Уайтингов была голая земля. Ни камней фундамента, ни даже кирпичной печной трубы. Зато виднелись следы телег, на которых это все увозили. Кирпичный дом Элсингов устоял, теперь у него была новая крыша и новый второй этаж. Дом Боннела, кое-как подлатанный, крытый неструганым горбылем вместо гонта, ухитрялся тем не менее производить впечатление обитаемого, при всей своей непрезентабельной наружности. Но ни в одном доме не видно было ни лица в окне, ни человека на крыльце. И Скарлетт была этому рада: сейчас ее не тянуло на разговоры. Вот показалась и новая шиферная крыша теткиного дома, и знакомые красные кирпичные стены. У Скарлетт забилось сердце. Как хорошо со стороны Бога, что не дал сровнять с землей этот дом, а то бы его уже не восстановить. Со двора выходил дядя Питер, на руке у него висела корзинка для покупок. Увидев, что по тротуару семят Скарлетт и Мамми, он засиял всей своей черной физиономией.

«До чего ж я рада его видеть, так бы расцеловала старого дурака!» – весело подумала Скарлетт и крикнула:

– Беги скорей за тетиной обморочной бутылкой, Питер: это и правда я!

В этот вечер на ужин у тети Питти были поданы неизбежная мамалыга и тушеный горох, и, поедая это, Скарлетт дала себе зарок: когда у нее будут деньги, эти два блюда ни в коем

случае не появятся у нее на столе. И не важно, какой ценой, но деньги она достанет, причем больше, чем нужно для уплаты налогов на «Тару». Наступит день, и она будет купаться в деньгах, даже если придется для этого совершить убийство.

В теплом свете лампы в столовой она спросила тетю Питти насчет ее финансовых дел, боясь надеяться и все же надеясь, что семья Чарлза способна ссудить ей необходимую сумму. Вопросы были не слишком тактичные, но Питти, пребывая в несказанном удовольствии, что может поговорить с кем-то из членов своей семьи, даже и не заметила, что ее спрашивают как-то уж очень напрямик. Заливаясь слезами, она пустилась в подробное изложение своих несчастий. Она и знать не знала, куда девались ее фермы, городская собственность и деньги, – все просто улетучилось. По крайней мере, так сказал ей братец Генри. Он был не в состоянии платить налоги на ее владения. Все пропало, кроме дома, в котором она живет, и Питти не перестает думать о том, что дом этот никогда не принадлежал ей, что это совместная собственность Мелани и Скарлетт. Брат Генри просто платит налоги за этот дом. Он выдает ей каждый месяц какую-то малость на жизнь, и она вынуждена брать, хотя это очень унижительно.

– Братец Генри говорит, что не знает, как он будет сводить концы с концами, при его-то нагрузках, да еще налоги такие высокие, но он, конечно, лжет, у него наверняка сундуки денег, он просто не хочет давать мне много.

Скарлетт знала, что дядя Генри не лжет. Те несколько писем, что она получила от него в связи с собственностью Чарлза, ясно показывали положение дел. Старый законник боролся изо всех сил, чтобы спасти дом и хоть часть собственности в нижнем городе, где были склады, чтобы у Скарлетт с Уэйдом осталось что-нибудь после разрухи. Скарлетт знала, что он идет на большие жертвы, внося за нее налоговые сборы.

«Нет у него никаких денег, – подумала Скарлетт уныло. – Что ж, вычеркиваем его и тетю Питти из моего списка. Больше никого не остается, только Ретт. Придется мне пойти на это. Я должна это сделать. Я только думать об этом сейчас не должна... Надо мне вывести ее на разговор о Ретте и как бы случайно подкинуть ей идею пригласить его к нам завтра утром».

Она улыбнулась и слегка сжала пухлые ладошки тети Питти:

– Дорогая тетечка, давайте не будем больше говорить о таких вещах, как деньги. Из-за них одни огорчения. Забудем о них и поговорим о приятном. Вы должны рассказать мне все новости о наших друзьях. Как поживает миссис Мерривезер, как Мейбл? Я слышала, маленький креол вернулся к Мейбл, жив и здоров. А что Элсинги, доктор Мид и его жена?

Питтипэт повеселела от перемены темы, ее детское личико перестало кривиться от слез. Она дала детальные отчеты обо всех соседях – что они делают, что носят, чем питаются и о чем думают. Она рассказала с оттенком ужаса в голосе, что, перед тем как Рене Пикар вернулся с войны, миссис Мерривезер и ее дочь сводили концы с концами, занявшись кондитерским делом: они пекли пироги и продавали их солдатам янки. Представляешь?! Бывало, что на заднем дворе у Мерривезеров стояло до двух дюжин янки в ожидании, пока пироги испекутся. Теперь, когда Рене дома, он каждый день гоняет старый фургон в лагерь к янки и продает им бисквиты и пироги, а раскрошенные бисквиты достаются солдатам. Миссис Мерривезер говорит, что вот соберет еще немного денег и откроет кондитерскую в нижнем городе. Питти не хотела бы ее осуждать, но все-таки в этом что-то такое... что до нее самой, сказала Питтипэт, она скорее умерла бы с голоду, чем заниматься коммерцией с янки. У нее принцип бросать уничижительный взгляд на всякого солдата, который ей встретится на улице, и переходить на другую сторону с самым оскорбительным видом, на какой только она способна. Правда, добавила она, это очень неудобно в дождливую погоду. Скарлетт пришла к выводу, что для мисс Питтипэт не существует жертвы, которую она не могла бы принести во имя Конфедерации, включая даже риск запачкать туфли в грязи и идти дальше в мокрой обуви.

Миссис Мид с доктором лишились дома, когда янки подожгли город, но у них и денег нет, и душа не лежит отстраиваться заново, когда Филадельфия уже нет с ними – оба погибли.

Миссис Мид говорит, ей вообще не нужен дом. Что это за дом – без детей и внуков? Они остались совсем одни и ушли жить к Элсингам, которые восстановили поврежденную часть своего дома. Мистер и миссис Уайтинг тоже у них имеют комнату, и миссис Боннел поговаривает о том, чтобы перебраться к ним, если ей повезет и удастся сдать свой домишко одному офицеру янки с семьей.

– Но как же они там все умещаются? – воскликнула Скарлетт. – Там же миссис Элсинг, Фанни, Хью...

– Миссис Элсинг с Фанни ночуют в гостиной, а Хью – на чердаке, – пояснила Питти, знавшая досконально домашние дела всех своих друзей. – Моя дорогая, мне страшно не хочется говорить тебе это, но миссис Элсинг называет их знаешь как? «Выгодные гости», вот как! – Тут Питти понизила голос: – На самом деле они просто снимают у нее жилье. Жильцы они, понимаешь? Миссис Элсинг управляет пансионом! Разве не ужасно?!

– Я думаю, это прекрасно, – довольно сухо ответила Скарлетт. – Жаль только, что у нас в «Таре» последний год были бесплатные жильцы, а не «выгодные гости». Может быть, мы не докатились бы до такой бедности.

– Скарлетт, как ты можешь говорить подобные вещи! Твоя несчастная мать, должно быть, в гробу переворачивается от одной только мысли, чтобы люди платили деньги за гостеприимство «Тары»! Конечно, миссис Элсинг просто вынуждена так поступать, потому что, пока она брала работу белошвейки, а Фанни расписывала фарфор, а Хью зарабатывал какую-то мелочь разноской дров по домам, им никак не удавалось сводить концы с концами. Вообрази: наш милый Хью вынужден разносить дрова! А мог бы стать прекрасным адвокатом. Мне остается только оплакивать участь наших мальчиков...

Скарлетт представила себе ряды хлопчатника под раскаленным медным солнцем «Тары», ощутила рукоятки плуга в своих непривычных, стертых в кровь ладонях, вспомнила, как ломит спину от бесконечных наклонов к коробочкам, и решила, что Хью Элсинг не заслуживает особого сочувствия. А эта наивная старая дура Питти, несмотря на полную разруху вокруг, сидит себе в тепле и уюте!

– Если ему не нравится носить дрова, отчего ж не заняться адвокатской практикой? Или в Атланте не осталось работы адвокатам?

– О, дорогая, осталось, и много, даже прибавилось! Практически каждый с кем-то судится. Все ведь сгорело, и границы владений в том числе, никто не знает в точности, где его земля начинается и где кончается. Но судебными тяжбами денег не добудешь, потому что денег нет ни у кого. Вот Хью и зарабатывает разноской... Ой, чуть не забыла. Я тебе писала? У Фанни Элсинг завтра вечером свадьба, и тебя тоже, конечно, ждут. Миссис Элсинг очень обрадуется, узнав, что ты в городе. Я надеюсь, у тебя есть еще что-нибудь надеть, кроме этого. Нет, это очень миленькое платье, дорогая моя, но... все-таки видно, что оно чуточку... поношено. О, у тебя есть красивый наряд? Как я рада, ведь это будет первая настоящая свадьба у нас в Атланте с тех пор, как город пал. Пирожные, вино, потом танцы, хотя я не понимаю, как Элсинги все это осилят. Все же они очень бедны.

– Как же получилось, что Фанни Элсинг выходит замуж? Я считала, что после гибели Далласа Маклюра в Геттисбурге...

– Дорогая, ты не должна осуждать Фанни. Никто сейчас не хранит верность покойным, как ты нашему бедному Чарли. Дай-ка вспомнить. Как же его зовут? Никогда не запоминаю имена – просто Том такой-то. Я хорошо знала его мать, мы вместе ходили в женский институт Лагранжа. Она была Томлинсон из Лагранжа, а мать ее была... Дай бог памяти... Паркинс? Паркинс? Паркинсон! Точно. Из Спарты. Очень хорошая семья, но в то же время... Ладно, я знаю, что не следовало бы этого говорить, но я не понимаю, как Фанни может заставить себя выйти за него!

– Он что, пьет или...

– Господи, нет, конечно! У него превосходный характер, но, видишь ли, он был ранен, тяжело, разрывным снарядом, и что-то у него сделалось с ногами. Ноги у него... такие, в общем... Ненавижу это слово, никогда его не употребляю, но он ходит раскорякой. Из-за этого у него ужасно вульгарный вид при ходьбе. Да, красавцем его не назовешь. Не понимаю, почему она за него выходит!

– Надо же девушкам выходить за кого-то.

– Вот уж действительно! – фыркнула Питти и сморщила нос. – Мне почему-то не надо было.

– Ну, полно, дорогая. Я не вас имела в виду. Все знают, как вы были популярны, да и до сих пор! Пожалуйста – старый судья Карлтон все время строил вам глазки, пока я...

– Ох, Скарлетт, ш-ш-ш! Старый глупец! – Питти хихикнула, хорошее настроение восстановилось. – Все же Фанни пользовалась большим успехом, она могла бы сделать партию получше. Не верю я, что она любит этого Тома, как его там. И не думаю, что она очень уж переживала из-за покойного Далласа Маклюра, но она ведь не как ты. Это ты, милочка, по-прежнему остаешься верна бедному Чарли, хотя могла бы сто раз замуж выскочить. Мы с Мелли часто говорили, как ты чтить его память, это пусть кто угодно другой называет тебя бессердечной кокеткой.

Скарлетт пропустила мимо ушей это бестактное доверительное сообщение и продолжала искусно переводить Питти с одного знакомого на другого, сгорая от лихорадочного нетерпения начать, наконец, разговор о Ретте Батлере. Но ей никак нельзя было спрашивать о нем напрямую, тем более едва порог переступив. От этого мысли Питти могли потечь в направлении, которого лучше не касаться. Еще будет достаточно времени, чтобы у Питти поднялись подозрения – если Ретт откажется жениться.

А тетя Питти все сыпала словами, довольная, как ребенок, что есть кому рассказать. Дела в Атланте, по ее мнению, хуже некуда, и все благодаря подлости республиканцев. Ужас, что творят, и конца их деяниям не видно, а что хуже всего, так это как старательно они забивают головы бедняжкам неграм своими идеями.

– Моя дорогая, они хотят разрешить черным голосовать! Нет, ты слышала что-нибудь глупее? Хотя... я прямо и не знаю... ведь если подумать, то у нашего Питера куда больше здравого смысла, чем у любого республиканца, и манеры гораздо лучше, да только Питер слишком хорошо воспитан, чтобы хотеть голосовать. Но сама идея так подействовала на негров, что они просто помешались. И некоторые ведут себя очень нагло. Ты уже не можешь быть спокойна за свою жизнь после наступления темноты, и даже среди бела дня они пихают дам с тротуара в грязь. А если найдется джентльмен и будет протестовать, его хватают и... Моя дорога-ая! Я не говорила тебе, что капитан Батлер сидит в тюрьме?

– Ретт Батлер?

И хоть новость была поразительна, Скарлетт все равно возблагодарила в душе тетю Питти, что избавила ее от необходимости самой вплести в разговор его имя.

– Ну да, правда! – От возбуждения щечки Питти сделались пунцовыми, и она выпрямилась на стуле. – Вот в этот самый момент он находится в тюрьме за убийство негра, и его могут повесить! Вообрази: повесить капитана Батлера!

Скарлетт как-то болезненно охнула, дыхание перехватило, она только и могла, что молча тарашиться на старую толстушку, которая даже и не скрывала удовольствия, наблюдая эффект, произведенный ее заявлением.

– У них нет пока доказательств, но кто-то убил негра, который оскорбил белую женщину. И янки очень расстроены, поскольку за недавнее время убито много наглых негров. Нельзя доказать, что причастен капитан Батлер, но им нужен кто-то в качестве примера – так говорит доктор Мид. Доктор сказал, что, если они таки повесят его, это будет с их стороны первый добрый и честный поступок, но я... Нет, не знаю... Подумать только, капитан Батлер был

здесь всего неделю назад, привез мне в подарок чудненькую перепелочку¹ и справлялся о тебе. Бойтся, что обидел тебя, еще когда шла осада, и что ты никогда его не простишь.

– И долго ему сидеть в тюрьме?

– Никто не знает. Может быть, до дня казни, но может и так быть, что они окажутся не в состоянии приписать ему это убийство. Однако мне представляется, что янки не будут утруждаться и выяснять, виновны люди или нет, им лишь бы повесить кого-нибудь. Они сейчас очень встревожены, – Питти понизила голос, – насчет ку-клукс-клана. У вас есть клан, в вашем графстве? Дорогая моя, я уверена, что должен быть, Эшли просто не говорит ничего, чтобы вы, девочки, не волновались. О клане вообще не говорят. Они устраивают рейды по ночам, одетые с головой в белое, как призраки, ищут саквояжников, которые наживаются на людских бедствиях, и негров, которые обнаглели. Иногда просто пугают и предупреждают, чтоб уехали из Атланты, но если они не слушаются, то их бьют кнутом, а то и... – Питти перешла на шепот, – да, таких иногда убивают и оставляют на видном месте, где их легко найти, а сверху карточка ку-клукс-клана... Янки очень злы и хотят найти кого-нибудь для примера – в общем, козла отпущения... Но Хью Элсинг говорил мне, он не думает, что повесят капитана Батлера. Потому что янки считают, что ему известно, где деньги, просто он не хочет сказать. Они стараются заставить его заговорить.

– Деньги?

– А ты не знаешь? Разве я тебе не писала? Моя дорогая, да ты совсем похоронила себя в «Таре»! Город весь гудел, когда капитан Батлер вернулся в карете, с прекрасной лошастью, денег – полны карманы, и это в то время, когда никто из нас не знал, где и на что добыть продуктов на следующую еду. Всякий придет в ярость, согласишься, если заядлый спекулянт, который всегда говорил гадости про Конфедерацию, имеет так много денег, а мы все бедствуем. Всем загорелось узнать, как он ухитрился спасти свои деньги, но никому не хватило храбрости спросить у него – кроме меня, а он просто засмеялся и сказал: «Разумеется, нечестным путем, можете быть уверены». Ты ведь знаешь, как трудно добиться от него вразумительного ответа.

– Он наживался на блокаде, и это совершенно очевидно.

– Конечно, солнышко, но только это всего лишь капля в море по сравнению с тем, что этот человек действительно имеет. Все, в том числе и янки, уверены, что у него где-то припрятаны миллионы долларов золотом, принадлежащие правительству Конфедерации.

– Миллионы... золотом?

– Сама подумай, солнышко, куда ушло все золото Конфедерации? У кого-то ведь оно должно быть, и один из них определенно капитан Батлер. Янки считали, что это президент Дэвис прихватил его с собой, когда собирался уйти через Ричмонд. Но – беднягу арестовали, а у него едва ли наскреблось несколько центов. Так что, когда война закончилась, в казне денег не оказалось, и все думают на контрабандистов: захватили и помалкивают.

– Миллионы – в золоте! А как же?..

– Разве капитан Батлер не брал хлопок тысячами тюков и не переправлял в Англию и в Нассау для продажи в пользу Конфедерации? – торжествующе произнесла тетя Питти. – Не только собственный свой хлопок, но и правительственный. А ты знаешь, какие доходы принесли хлопок во время войны! Цены – сколько запросишь! Он был свободный агент, действующий в интересах правительства, и предполагалось, что он продает хлопок, а на эти деньги закупает для нас оружие. Ну и вот, а когда блокада слишком ужесточилась, провозить оружие стало невозможно. В любом случае он не смог бы потратить и сотой доли хлопковых денег, так что капитан Батлер и прочие контрабандисты просто поместили миллионы долларов в английские банки до той поры, пока не прекратятся блокадные строгости. Ты ведь не станешь утверждать, что они делали вклады на счет Конфедерации? Они вносили деньги на собственное имя, и

---

¹ Игра слов: в американском сленге перепелками именуют также старых дев.

золото до сих пор где-то там... После капитуляции все только об этом и говорят, и контрабандистов этих блокадных осуждают очень сурово. А когда янки арестовали капитана Батлера за убийство негра, до них, должно быть, тоже дошла эта молва, вот они и добиваются от него, чтобы сказал им, где деньги. Видишь ли, все фонды Конфедерации принадлежат теперь янки – во всяком случае, сами янки так думают. Но капитан Батлер говорит, что он знать ничего не знает... Доктор Мид говорит, они просто обязаны его повесить, правда, виселица – это слишком хорошо для такого вора и рвача... Господи, да что это с тобой? Тебе плохо? Я расстроила тебя такими разговорами? Я помню, он был когда-то твоим кавалером, но мне казалось, ты порвала с ним давным-давно. Лично я никогда его не одобряла, проходимца этакого...

– Он мне вовсе не друг, – с усилием выговорила Скарлетт. – Мы поссорились во время осады, после вашего отъезда в Мейкон. А где... где он находится?

– В пожарном депо, около городского сквера.

– В пожарном депо?

– Ну да! – Питтипэт согнулась от смеха. – У янки теперь там военная тюрьма. Они разбили лагерь вокруг ратуши в сквере, а депо в самом конце улицы, вот там и держат капитана Батлера. Да, Скарлетт, я вчера услышала презабавную историю про него. Не помню, кто мне рассказал. Ну, не важно. Ты же помнишь, как он всегда был ухожен, вылощен просто, настоящий денди, – а тут его держат в депо и не дают помыться, а он настаивает, что должен принимать ванну каждый день. И вот, представь, выводят они его из камеры в сквер. А там такая длинная поилка для лошадей, в ней целый полк мылся, в одной воде! И ему говорят, что он тоже может тут помыться, а он отвечает: нет, он предпочитает не смешивать свою собственную грязь южанина с грязью янки, а они...

Веселый лепет все журчал и журчал, Скарлетт слышала, но не слушала. В голове у нее отложились две идеи: что у Ретта гораздо больше денег, чем она могла надеяться, и что он в тюрьме. Тот факт, что он сидит в тюрьме и, вполне возможно, кончится все виселицей, некоторым образом менял дело, в смысле – задача выглядела проще, а перспективы – блистательными. Она не слишком переживала по поводу того, что его могут повесить. Ее так отчаянно прижала нужда, что все остальное вообще не имело значения, тем более какой конец приготовила Ретту судьба. Кроме того, она разделяла мнение доктора Мида, что виселица – это еще слишком хорошо для него. Да любой мужчина заслуживал бы болтаться на виселице, если бы бросил женщину в затруднительном положении, одну, среди ночи, между двумя армиями – и все из-за какой-то прихоти! Приспичило ему, видите ли, идти сражаться за Правое Дело, уже, кстати, проигранное!.. Вот бы ухитриться женить его на себе, пока он в тюрьме. Тогда все эти миллионы перешли бы к ней, к ней одной – если его казнят. А если брак исключается, то, может быть, ей удастся получить у него заем, пообещав выйти за него замуж после освобождения или пообещав... Ох, да что угодно можно наобещать! И если его повесят, то для нее день расчета не наступит никогда!

Ее воображение воспламенилось мыслью стать вдовой по милости благодетельного вмешательства правительства янки. Миллионы золотом! Да на эти деньги она смогла бы восстановить «Тару», нанять работников и целые мили засадить хлопчатником. И чудесно бы одевалась, и ела бы что захочется. И Сьюлен с Кэррин тоже. И Уэйда кормили бы хорошо, как и полагаются кормить детей, чтобы впалые щечки опять стали пухленькими и румяными; у него была бы теплая одежда, гувернантка, учитель, а впоследствии университет. А то вырастет босоногим невеждой, как крекер. Папу наблюдал бы хороший врач, а для Эшли – чего только она не сделала бы для Эшли!

Монолог Питтипэт прервался неожиданно, полувопросом:

– Да, Мамми?

Вернувшись с неба на землю, Скарлетт увидела Мамми: она стояла в дверях, руки сложены под фартуком, глаза настороже, так и стараются проникнуть насквозь. Скарлетт прики-

нула, давно ли она там стоит и много ли успела услышать и заметить. Судя по блеску в старческих глазах – все.

– У мисс Скарлетт усталый вид. Не пора ли ей в постель? – Мамми не спрашивала, она утверждала.

– Да, я устала, – вздохнула Скарлетт, поднимаясь и заготавливая специально для Мамми по-детски беспомощную мордашку. – И боюсь, не подхватила ли вдобавок простуду. Тетя Питти, вы не возражаете, если я завтра отлежусь немного и не пойду с вами наносить визиты? Для визитов у меня еще будет время, но я очень хочу попасть завтра вечером на свадьбу к Фанни. А если моя простуда разыграется, я не смогу пойти. Денек в постели будет для меня самым лучшим лекарством!

Мамми потрогала руки Скарлетт, внимательно к ней присмотрелась; подозрительность сменилась легким беспокойством. У Скарлетт определенно был больной вид. Возбуждение, вызванное мечтами, быстро прошло, оставив ее бледной и дрожащей.

– Деточка моя, у вас ручки как лед. Ложитесь-ка вы в постель, а я заварю вам травяного чая и принесу горячий кирпич, к ногам устрою, вот и станет вам лучше.

– Вот ведь голова какая безмозглая, – причитала пухленькая старая леди, выбираясь из своего кресла и хлопывая Скарлетт по плечам. – Болтаю и болтаю, а о тебе и не подумала. Душенька, тебе надо завтра весь день провести в постели, отдохнуть и поправиться, а мы с тобой вволю посплетничаем. Ах, боже мой, нет, не получится! Я не смогу побыть с тобой. Завтра я обещала посидеть с миссис Боннел. Она слегла с гриппом, и кухарка ее тоже. Мамми, как я рада, что ты здесь. Утром ты должна пойти к ним со мной и помочь.

Мамми заторопила Скарлетт наверх, бормоча что-то возмущенно по поводу холодных рук и легких туфелек, Скарлетт при этом выглядела слабой, вялой и покорной, будучи в душе очень довольна таким оборотом дела. Если только ей удастся усыпить подозрения Мамми и спровадить ее утром из дому, тогда все будет хорошо. Тогда она сможет пойти к янки в тюрьму и повидать Ретта. Пока она поднималась по лестнице, откуда-то издали донесся глухой раскат грома. Как похоже на осадную канонаду. Скарлетт вся покрылась мурашками. Звуки грозы теперь навсегда будут связаны для нее с обстрелами и войной.

Глава 34

Утром проглянуло солнце. Светило оно, правда, с переборами: холодный сильный ветер быстро гнал по небу темные рваные облака, по временам закрывая его сияющий лик. Ветер дребезжал оконными рамами, тихонько подвывал где-то в коридорах. Скарлетт воздала короткую благодарственную молитву, что хоть дождь прекратился. Он хлестал всю ночь, она от этого и проснулась, а потом лежала без сна, вслушиваясь в дождь и понимая, что это конец ее бархатному платью и шляпке. Но теперь, ловя летучие проблески солнца, она воспрянула духом. Ей стоило большого труда валяться в постели, изображать томность и старательно чихать, пока тетя Питти с Мамми и Питером не вышли из дому, направляясь к миссис Боннел. Когда же наконец захлопнулась со стуком калитка и в доме осталась только кухарка, напевавшая у себя на кухне, Скарлетт выпрыгнула из постели и сняла с крючков свои новые одежды.

Сон освежил ее и придал сил, а из холодного, твердого ядра, таившегося на дне души, она черпала отвагу. Перспектива схватки на сообразительность с мужчиной – с любым мужчиной – ее возбуждала всегда, это была ее стихия, ее конек. И то, что после многих месяцев обескураживающей, безрезультатной борьбы неизвестно с кем и с чем ей будет, наконец, противостоят реальный противник, кого она может выбить из седла ценой собственных усилий, – о, это бодрило необыкновенно!

Одеваться без посторонней помощи было трудно, но она все-таки справилась со всеми тесемками, шнурками и крючочками и, надев шляпку с задорно торчащими перьями, побежала в комнату тети Питти поглядеться в большое зеркало. Как мило она выглядит! Петушиные перья придавали ей озорной и дерзкий вид, а на фоне тускло-зеленого бархата шляпки глаза казались поразительно светлыми и блистали, как изумруды. А платье – нет слов! Такое богатое, пышное и вместе с тем очень достойное! Великолепное ощущение – опять надеть нарядное новое платье! А как приятно сознавать, что ты ужасно хорошенькая и притягательная! Она импульсивно наклонилась вперед и поцеловала свое отражение в зеркале, а потом засмеялась над собственной глупостью. Она взяла кашемировую шаль Эллен, чтобы закутаться на улице, но старый платок потерял свежесть цвета и не сочетался с мшисто-зеленым бархатом платья, даже придавал ему чуточку потертый вид. Открыв шкаф тети Питти, она достала черную накидку тонкого сукна, надеваемую тетушкой исключительно по воскресным дням, и набросила себе на плечи. В проколотые ушки легко скользнули бриллиантовые серьги, которые она взяла с собой из «Тары». Откинув голову, она оценила эффект. Серьги приятно позвякивали, очень, очень приятно, и Скарлетт подумала, не забыть бы почаще вскидывать голову, когда будет у Ретта. Танцующие сережки всегда манят мужчин, а девушкам прибавляют живости и задора.

Какой стыд, что у тети Питти нет других перчаток, кроме тех, что сейчас на ее пухлых ручках! Ни одна женщина не может почувствовать себя истинной леди, если на ней нет перчаток, но у Скарлетт вообще не было перчаток с тех пор, как она покинула Атланту. За долгие месяцы тяжелого труда в «Таре» руки ее загрубели, и назвать их красивыми теперь никто бы не решился. Ну что ж, с этим ничего не поделаешь. Она взяла маленькую муфточку тети Питти и спрятала свои голые руки. Скарлетт решила, что только этого мазка и недоставало для совершенной, законченной картины элегантности. Теперь никто не заподозрит, что бедность и нужда дышат ей в спину.

Самое главное, чтобы этого не заподозрил Ретт. Он должен думать, что ею движут нежные чувства, и только.

Осторожно, на цыпочках, она спустилась вниз и вышла из дома, пока кухарка беззаботно горланила на кухне свои песни. Оказавшись за калиткой, она кинулась по Бейкер-стрит, дабы избежать всевидящего ока соседей, а за углом присела на каретный камень напротив сгорев-

шего дома и стала ждать, не поедет ли какая коляска или фургон, который мог бы ее подвезти. Солнце то скрывалось за торопливо бегущими облаками, то появлялось вновь, заливая улицу обманчиво яркими лучами, не дающими тепла, а ветер заигрывал с кружевами панталон. Было холодно – холоднее, чем она ожидала; Скарлетт вся завернулась в тонкую тетину накидку и нетерпеливо передернула плечами. И вот, когда она уже приготовилась встать и пешком пуститься в дальний путь через весь город в расположение янки, появился изрядно побитый фургон. В нем сидела старуха: под носом табак, лицо, привыкшее к любой погоде, на голове – подобие чепца от солнца. Старый мул едва переставлял ноги. Фургон двигался в направлении ратуши, и хозяйка нехотя взяла с собой Скарлетт. Было очевидно, что бархатное платье, шляпка и меховая муфточка не встретили с ее стороны особого одобрения.

«Она считает меня шлюхой, – подумала Скарлетт. – И может быть, она права».

Когда наконец они добрались до городского сквера и впереди замаячил высокий белый купол ратуши, Скарлетт поблагодарила женщину, спустилась на землю и понаблюдала за удаляющимся фургоном. Осторожно оглядевшись – не видит ли кто, она пощипала себя за щеки, чтобы придать им цвет, и покусала губы – с той же целью. Поправила шляпку, пригладила волосы. Потом внимательно осмотрела площадь. Двухэтажное, сложенное из красного кирпича здание ратуши выжило во время пожара, но вид имело запущенный и обшарпанный. Окружая здание со всех сторон и полностью занимая весь участок, центром которого была ратуша, здесь стояли ряд за рядом армейские палатки, истрепанные и заляпанные ошметками грязи. Повсюду слонялись солдаты янки, и Скарлетт поглядывала на них неуверенно, понемногу теряя свой запал. И как это, интересно, она собиралась отыскивать Ретта во вражеском лагере?

Она поискала взглядом пожарное депо. Широкие ворота под аркой были накрепко закрыты тяжеленным засовом, а по обеим сторонам прохаживались двое часовых. Ретт там, внутри. И что она скажет этим солдатам янки? И что они скажут ей? Она расправила плечи. Уж если она не побоялась убить одного янки, тем более нечего бояться просто поговорить с другим.

С большими предосторожностями она перебралась по камням через грязную дорогу и пошла прямо вперед, пока застегнутый от ветра на все пуговицы караульный не остановил ее.

– В чем дело, мэм?

Странно было слышать здесь немного гнусавый выговор уроженца Среднего Запада, впрочем, вопрос был задан вежливо и уважительно.

– Я хочу видеть одного человека, он заключенный.

– Ну, я не знаю, – сказал караульный и поскреб в затылке. – Тут очень придирчиво относятся к посетителям, а... – Он прервался и вперился глазами в ее лицо. – Боже правый! Только не плачьте, леди! Подойдите вон к посту у штаба и спросите кого-нибудь из офицеров. Вам разрешат повидаться с ним, готов поставить!

Скарлетт, вовсе не имевшая намерения плакать, одарила его сияющей улыбкой. Он обернулся к другому караульному, который медленно вышагивал вдоль своего участка:

– Эгей, Билл! Давай сюда.

Второй часовой, крупный мужчина, закутанный в синюю куртку с поднятым воротником, над которым злодейски торчали черные усы и баки, зашлепал к ним напрямик, по топкой грязи.

– Проводишь леди к штабу.

Скарлетт поблагодарила и пошла следом за часовым.

– Смотрите под ноги, тут лодыжку легко подвернуть, на этих камнях, – проговорил солдат и подал ей руку. – И лучше бы вам поддержать немного юбки, чтоб не волочились по грязи.

Голос, исходивший из злодейских усов, обладал той же гнусавостью, что и у первого, однако был приятен на слух; в нем чувствовалась доброта, а в руке – твердость и почтительность. Это что ж такое: янки не все сплошь негодяи?

– Очень холодно сегодня, денек явно не для прогулок, – сказал сопровождающий. – Вы издалека приехали?

– О, можно сказать, с другого конца города, – откликнулась Скарлетт, греясь в тепле его голоса.

– Совсем, совсем не та погодка, чтобы дамы выходили из дому, – пожурил он ее. – Тем более грипп гуляет. Ну, вот и пришли. Командный пост, леди. Что случилось?

– Этот дом... В этом доме и помещается ваша штаб-квартира?

Скарлетт смотрела на красивый старый особняк, выходящий фасадом на площадь, и чуть не плакала. В этом доме она так часто бывала на вечерах во время войны. Это был приветливый богатый дом, здесь было хорошо, весело, а сейчас... сейчас над ним полощется большой флаг Соединенных Штатов.

– Так что же случилось?

– Ничего... Просто... Просто я привыкла к людям, которые здесь жили.

– Да, это очень печально. Я думаю, они и сами не узнали бы своего дома, если б увидели. Там внутри все ободрано. А теперь, мэм, ступайте туда и спросите капитана.

Она взошла по ступеням, лаская ладонью поломанные белые перила, и толкнула парадную дверь. В холле было темно и холодно, как в склепе. Дрожащий часовой прижался к дверям, за которыми в лучшие времена была столовая.

– Я хочу видеть капитана, – сказала Скарлетт.

Он отворил дверь, и она вошла – с бьющимся, как у зайца, сердцем и пылающим лицом. В комнате стоял крепкий солдатский дух: табак, дым, кожа ремней, отсыревшая шерсть мундиров, немые тела. Ей смутно запомнились голые стены с обрывками обоев, на гвоздях – ряды синих курток, плащей и шляп с обвисшими полями, ревуший огонь в камине, посреди комнаты – длинный стол, заваленный бумагами, и группа офицеров: яркие медные пуговицы на синем фоне.

Она проглотила комок в горле и обрела голос. Нельзя допустить, чтобы эти янки почувствовали ее страх. Она должна быть в своей лучшей форме – ей надо выглядеть и быть неотразимо хорошенькой и совершенно не отягощенной заботами молодой особой.

– Капитан?

– Есть такие, – отозвался толстяк в расстегнутом кителе.

– Я хочу видеть заключенного, капитана Ретта Батлера.

– Опять Батлера? – засмеялся толстяк и вынул изо рта изжеванную сигару. – А на него спрос, на этого мужика! Вы ему родственницей приходитеесь, мэм?

– Да, я... я его сестра. Он опять засмеялся:

– Я смотрю, сестренка у него полным-полно, одна из вас была тут вчера.

Скарлетт вспыхнула. Конечно, какая-нибудь из тех, с кем Ретт якшается. Вероятно, та самая Уотлинг. А янки подумали: вот еще одна, такая же. Нет, это невыносимо. Даже ради «Тары» она не может оставаться здесь больше ни минуты и терпеть оскорбления. Разгневанная, она повернулась к двери и уже взялась за ручку, когда рядом с ней оказался другой офицер. Молодой, чисто выбритый, глаза веселые и доброжелательные.

– Минуточку, мэм. Не хотите ли пока присесть возле огня, побыть в тепле? А я схожу узнаю, чем вам помочь. Как ваше имя? Он отказался видетсья с той... леди, что приходила вчера.

Скарлетт опустилаь в предложенное кресло, глядя с видом победителя на поверженного в прах тучного капитана, и назвала себя. Милый молодой офицер взял свою шинель и быстро вышел, остальные сгрудились у дальнего конца стола и принялись вполголоса что-то обсуждать, перекладывая бумаги. Скарлетт блаженно вытянула к огню ноги, только сейчас поняв, как же они замерзли, и жалея, что не додумалась подложить кусочек картона в одну туфельку, чтобы прикрыть дырку в подошве. Некоторое время спустя снаружи донеслись голоса, и она

узнала смех Ретта. Дверь отворилась, в комнату потянуло холодом, и появился Ретт – с непокрытой головой, в небрежно наброшенном на плечи длинном плаще. Он был грязен, небрит, без галстука и все равно непостижимым каким-то образом ухитрялся выглядеть стильно. Черные глаза стрельнули в ее сторону и моментально загорелись.

– Скарлетт!

Он взял ее руки в свои, и, как всегда, она ощутила в его пожатии нечто животворное, жаркое и возбуждающее. Она еще не освоилась с тем, что Ретт – вот он, здесь, рядом, а он уже склонился над ней и поцеловал в щеку, кольнув ее усами. Тело ее напряглось, непроизвольно стараясь отдалиться от него, он это почувствовал, крепко обнял ее и воскликнул:

– Моя любимая маленькая сестричка!

Глядя на нее сверху вниз, он ухмылялся, смакуя удовольствие от ее беспомощности – ей ведь нельзя противиться его ласке! Она не могла даже отплатить ему насмешкой – сама же дала ему преимущество, и он, конечно, им воспользовался. Что за мошенник! Тюрьма несколько его не изменила.

Толстый капитан бурчал на молодого, жуя сигару:

– Не по правилам. Грубейшее нарушение. Ему положено быть в пожарном депо. Ты знаешь порядки.

– Ой, да перестань ты, ради бога, Генри! Леди закоченела бы там, в сарае.

– А, ну замечательно, ну хорошо. Под твою ответственность.

– Я заверяю вас, джентльмены, – произнес Ретт, оборачиваясь к ним, но все еще обнимая Скарлетт за плечи, – поверьте, моя... сестра не принесла ничего, чтобы способствовать моему побегу: ни пил, ни напильников.

Все дружно рассмеялись, а Скарлетт скоренько огляделась вокруг. Святые угодники, это что же получается – разговор с Реттом в присутствии шестерых офицеров янки?! Неужели он так опасен, что с него не спускают глаз? Уловив ее тревогу, молодой офицер распахнул какую-то дверь и тихо сказал несколько слов двум рядовым, вскочившим при его появлении. Они взяли свои винтовки и вышли в холл через другую дверь, плотно закрыв ее за собой.

– Если желаете, можете побыть здесь, в дежурке, – предложил молодой командир. – И не пытайтесь прорваться через ту дверь. Солдаты как раз за ней.

– Вот видишь, Скарлетт, какая у меня отчаянная репутация, – заметил Ретт. – Благодарю, капитан. Чрезвычайно любезно с вашей стороны.

Он взял Скарлетт под мышки, поставил на ноги и живо отбуксировал в дежурку. Ей ничем особенно не запомнилось это помещение – просто маленькая, грязноватая, полутемная комната, далеко не слишком прогретая, по стенам расклеены написанные от руки бумажки, сиденья стульев покрыты воловьими шкурами. Едва закрыв дверь, Ретт шагнул к Скарлетт и навис над ней. Понимая его желание, она быстро отвернула голову, но при этом лукаво улыбнулась ему уголком глаза.

– Теперь я могу поцеловать вас по-настоящему?

– В лобик, как добрый братец, – ответила она скромно.

– Благодарю вас, нет. Предпочитаю ждать в надежде на лучшее. – Он отыскал взглядом ее губы и на минуту задержался на них. – Но как хорошо, что вы решились навестить меня, Скарлетт. Вы первая из уважаемых горожан, кто заглянул ко мне со времени моего заключения. А посидев в тюрьме, начинаешь по-иному ценить друзей. Когда вы прибыли в город?

– Вчера, во второй половине дня.

– И сегодня утром вышли из дому? Ну-у, моя дорогая, это даже больше, чем просто хорошо.

Он улыбался ей с выражением искренней радости – она такое видела впервые. Скарлетт победно улыбнулась в душе, но и взволновалась. На всякий случай она потупила голову, как бы от смущения.

– Конечно, я сразу сюда. Тетя Питти рассказала мне о вас вчера вечером, и я... я всю ночь не спала, все думала, как это ужасно. О, Ретт, я так расстроена!

– Вы ли это, Скарлетт?

Мягкий его голос чуть дрогнул; она подняла глаза к его смуглому, темному лицу – и не нашла в нем ни малейшего скепсиса, ни следа издевки или злого юмора, очень хорошо ей знакомого. Она не выдержала его прямого взгляда и опять опустила голову, на сей раз действительно смешавшись. Дело идет даже лучше, чем она надеялась!

– Увидеть вас, услышать то, что вы сейчас сказали, – ради этого стоит сесть в тюрьму. Я ушам своим не поверил, когда мне назвали ваше имя. Видите ли, я никак не ожидал, что вы простите мне тот мой ночной патриотический порыв на дороге в Джонсборо. Однако, если я правильно понял, ваш приезд означает, что я прощен?

При мысли о той ночи, пусть теперь уже далекой, в ней вскипел гнев, но она его подавила, откинула голову и потрясла ею энергично, пока не затанцевали сережки.

– Нет, я не простила вас, – молвила она и надула губки.

– Крах очередной надежды. И это после того, как я добровольно вызвался защищать свою страну, сражался босиком в снегах у Франклина и подхватил дизентерию в самой жестокой форме, какая вам и не снилась! Такова, значит, награда за мои страдания?

– Мне нет дела до ваших... страданий. – Она все еще дула губки, однако приподнятые лукаво уголки глаз уже улыбались ему. – По-моему, вы были совершенно несносны в ту ночь, и не ждите, что я когда-нибудь вас прощу. Оставить меня одну, когда что угодно могло со мной случиться!

– Да ведь не случилось же. Вы должны признать: моя вера в вас вполне оправдалась. Я же говорил, что вы благополучно доберетесь до дому, и Бог в помощь тому несчастному янки, который попадется вам на пути.

– Ретт, скажите мне, вот скажите, зачем вам понадобилось делать этакую глупость – вступать в армию в последнюю минуту, определенно зная, что вы идете на верное поражение? Не вы ли сами говорили об идиотах, которые уходят, чтобы получить пулю в лоб?

– Скарлетт, пощадите! Я и так всегда стораю от стыда, как подумую об этом.

– Что ж, рада узнать, что вы устыдились своего поступка по отношению ко мне.

– Вы неверно меня поняли. С сожалением должен сказать, что корю себя вовсе не за то, что бежал от вас. А вот представьте себе картину: является в армию новобранец, в начищенных сапогах, в белом полотняном костюме, вооруженный парой дуэльных пистолетов... А эти долгие мили в снегах, когда сапоги мои износились вконец, а пальто у меня вообще не было, есть нечего... Вот я и не могу понять, почему я тогда-то не бежал? Чистейшее ведь безумие вся эта затея. Но – зов крови, против него не пойдешь. Южанин не может не ввязаться в гиблое дело. Так и тянет его... Ладно, не важно, какие у меня были резоны. Достаточно того, что я прощен.

– Вам нет прощения. Я думаю, вы по натуре гончий пес. Однако последним словам она придала такое нежное звучание, как будто произносила «любимый».

– Не прикидывайтесь. Вы простили меня. Из одного лишь милосердия юные леди не рискнут заговорить с караулом и попросить свидания с заключенным. И не станут ради этого наряжаться в бархат и украшать себя перьями и котиковой муфточкой. Вы прелестно смотрите, Скарлетт! Слава богу, вы не в обносках и не в трауре. Меня тошнит от женщин, одетых кое-как и постоянно с крепом на шляпке. А вы – как картинка на рю де ля Пэ! Ну-ка, покрутитесь, моя дорогая, дайте мне полюбоваться вами как следует!

Так. Платье он заметил. Конечно, будучи Реттом, он обязан замечать подобные вещи. И все равно приятно – ее охватила теплая волна возбуждения, она засмеялась и закружилась на мысочках, раскинув руки в стороны и раскачав юбку колоколом, так что видны стали отделанные кружевом панталоны. Его черные глаза вбирали в себя, впитывали ее всю, от шляпки

до каблучков. Это был тот самый прежний дерзкий, раздевающий взгляд, который ничего не упустил, и от этого у нее всегда мурашки бежали по коже.

– У вас вполне процветающий вид и очень, очень аппетитный. Так и съел бы. Если б не янки, там, за дверью... Но вы в совершенной безопасности, моя дорогая. Присядьте. Я не воспользуюсь своим преимуществом, как в последний раз, когда мы виделись с вами. – Он потер щеку, изображая скорбь. – Честно, Скарлетт, вам не кажется, что вы были чуточку слишком эгоистичны в ту ночь? Подумайте о том, что я сделал ради вас: я рисковал жизнью, я украл лошадь – и какую лошадь! Я бросился на защиту Нашего Славного Дела! И что я имел за свои муки? Несколько крепких слов и один, но очень крепкий, удар в лицо!

Она села. Разговор развивался совсем не в том направлении, как ей было желательно. Ретт казался таким славным, когда только увидел ее, и так искренне обрадовался ее приходу. Даже производил впечатление обычного человека, а не того порочного, извращенного негодяя, которого она хорошо знала.

– А вы всегда должны получать что-то за свои муки?

– А как же, разумеется! Я же монстр, я чудовищно себялюбив, и вам следовало бы это знать. Я ничего не делаю просто так, я всегда жду вознаграждения за то, что даю.

От этих слов ее пробрал легкий озноб, но она тут же собралась и звякнула сережками.

– О, на самом деле в вас не так уж много дурного, Ретт. Вам просто нравится разыгрывать комедию.

– Честное слово, вы переменялись! – Он засмеялся. – Что же сделало из вас добрую христианку? Я пытался как-то снестись с вами посредством мисс Питтипэт, по крайней мере быть в курсе ваших дел, но она ни намеком не дала мне понять, что вы обрели этакую женственную кротость. Расскажите мне о себе, Скарлетт. Как вы жили, что подельвали с тех пор, как мы расстались?

Раздражение и неприязнь, которые он всегда вызывал в ней, приблизились к точке кипения, Скарлетт ужасно хотелось наговорить ему колкостей, но вместо этого она улыбнулась и показала ямочку на щеке. Он придвинул себе стул и устроился рядом, она наклонилась и коснулась легкой ручкой его рукава – как бы случайно, ничего не значащим жестом.

– О, у меня все благополучно, спасибо, и «Тара» теперь в прекрасном состоянии. Конечно, мы пережили ужасный период после нашествия Шермана, но... все-таки дом наш уцелел, а негры спасли почти весь скот, успели угнать его на болота. И последний урожай мы собрали очень приличный – двадцать тюков. Конечно, это ничто по сравнению с тем, что может дать «Тара», но ведь и полевых работников не так много. Папа уверен, что на будущий год дела пойдут лучше. Но знаете, Ретт, в деревне теперь такая скука! Вообразите: никаких балов и барбекю, а единственное, о чем люди могут говорить, – это какие трудные настали времена. Нет уж, я сыта по горло! А последняя неделя окончательно вогнала меня в тоску, и папа сказал, что мне надо уехать, развеяться, хорошо провести время. И вот я здесь: приехала заказать себе туалеты, а потом отправлюсь с визитом в Чарлстон, к тетушке. Так чудесно будет снова потанцевать на балах!

«Ну и довольно, – сказала она себе с гордостью. – Речь – в самый раз: мы не слишком богаты, но и далеко не бедны. И выступила я хорошо: легкомысленно и беззаботно».

– В бальных платьях, сердце мое, вы неотразимы и сами это знаете, мне на беду. Полагаю, истинная цель этой поездки с визитами – провести смотр сельским пастушкам и где-нибудь на дальних пастбищах набрать новых рекрутов в свою свиту.

У Скарлетт мелькнула мысль, что Ретт, слава тебе господи, провел несколько месяцев за границей и лишь недавно вернулся в Атланту. А то бы он ни за что не сморозил такую чушь. Она представила себе «милых сельских пастушков» графства: обносившихся и озлобленных маленьких Фонтейнов, бьющихся на грани нищеты братьев Манро, женихов из Джонсборо и Фейетвилла, с головой ушедших в пахоту, установку изгородей, уход за старым, недужным

скотом. Они вообще забыли, что на свете существуют такие приятные вещи, как танцы и флирт. Она захлопнула дверцу в тайники своей памяти и самодовольно хихикнула, как бы признавая правильность его предположения, хотя и сказала с оттенком пренебрежения:

– Ах, бросьте!

– Вы бессердечное создание, Скарлетт, но это только придает вам шарма. – Он улыбался обычной своей кривой ухмылкой, опустив уголок рта, но она видела, что нравится ему и он делает ей комплименты. – Вам известно, конечно, что вы обладаете куда большим обаянием, чем допустимо по закону. Даже я подпал под него, я, закаленный в боях подобного рода. Я часто задумывался, что же такое заложено в вашу природу, что заставляет меня постоянно помнить о вас. Я ведь знавал немало женщин, которые были красивее вас, безусловно, умнее и в нравственном смысле, боюсь, тоже превосходили вас достоинствами. Тем не менее я всегда помнил о вас. Даже эти месяцы после капитуляции, когда я жил во Франции и в Англии, не видя вас и ничего о вас не зная, наслаждаясь обществом прекрасных дам, – я все равно вспоминал о вас и пытался представить себе, чем вы сейчас заняты.

Она готова была вспыхнуть от возмущения: как он посмел сказать, что есть женщины красивее ее?! Умнее и достойнее?! Но вспышка эта моментально погасла, сглаженная удовольствием: ведь он помнил ее, помнил ее обаяние! Вот! Она не забыта! Что ж, дело подвигается. И он ведет себя очень славно, почти так, как и должен вести себя джентльмен в подобных обстоятельствах. Теперь все, что от нее требуется, – это ловко перевести разговор на него самого так, чтобы дать ему понять, что она тоже о нем не забывала, а потом...

Она осторожно сжала пальчики, все еще лежавшие на его рукаве, и опять поиграла ямочкой.

– О, Ретт, вы так гладко говорите, а на самом деле просто меня дразните, морочите голову бедной деревенской девушке. Я прекрасно понимаю, что вы обо мне и думать забыли. Бросили меня там, на дороге, и все. И не надо говорить, что вы вспоминали меня, когда вас окружали толпы хорошеньких англичанок и француженок. Но я не для того проделала весь этот путь сюда, чтобы выслушивать всякие глупости о себе самой. Я приехала... Я приехала потому...

– Почему же?

– Ах, Ретт, я ужасно расстроена и тревожусь за вас! Я боюсь за вас! Когда вас выпустят из этого кошмарного места?

Он быстро накрыл ее руку своей ладонью.

– Вы не зря расстроились. О том, чтобы мне выйти отсюда, и речи нет. Разве что веревку натянут потуже.

– Веревку?

– Да. По всей вероятности, мой исход отсюда состоится не иначе как на конце веревки.

– Ну не повесят же вас, в самом-то деле!

– Еще как. Если найдут свидетельства против меня.

– О, Ретт! – воскликнула она, приложив руку к сердцу.

– Вам будет жаль меня? Если посожалеете обо мне достаточно, я упомяну вас в своем завещании.

В черных глазах смеялось удалство, рука крепко сжимала ее ладошку.

Завещание! Она поспешно опустила глаза долу, боясь, как бы они ее не выдали, но чуточку, видимо, промедлила, потому что у него во взгляде внезапно появился блеск любопытства.

– По мнению янки, у меня должно быть очень приличное завещание. Они проявляют значительный интерес к моим финансам. Каждый день меня волокут к очередному столу для дознания и задают дурацкие вопросы. Кажется, ходят слухи, что я дал деру с мифическим золотом Конфедерации.

– Ну... ведь так и было?

– Вот так вопрос, прямо в яблочко! Вы не хуже меня знаете, что Конфедерация использовала печатный станок, а не пресс для чеканки.

– А откуда же тогда взялись все ваши деньги? Из спекуляций? Тетя Питти сказала...

– Что за вопросы вы задаете! Как следователь.

Провалиться ему! Конечно, у него есть деньги. Она пребывала в таком возбуждении, что ей стало трудно вести с ним разговор о милых пустяках.

– Ретт, я очень огорчена тем, что вы здесь. Вы считаете, у вас нет шансов выйти на свободу?

– «Nihil desperandum!»² – вот мой девиз.

– Что это означает?

– Это означает «Все может быть», моя очаровательная невежда.

Она взмахнула своими густыми ресницами, чтобы поглядеть на него, и снова опустила.

– О, вы слишком умны, чтобы дать им себя повесить. Я уверена, вы придумаете какой-нибудь хитрый способ, как их надуть и выйти отсюда. А когда выйдете...

– А когда я выйду... – повторил он мягко, склоняясь к ней.

– Ну, я... – Она изобразила прелестное смущение и зарумянилась. Зарумяниться труда не составило – у нее дух захватывало от волнения, и сердце выстукивало барабанную дробь. – Ретт, я так жалею о том, что наговорила вам тогда – вы помните, там, на дороге, ночью. Я была... ох, как же я была напугана и растеряна, а вы... вы... – Она посмотрела вниз и увидела его смуглые руки, лежащие поверх ее рук. – И я решила, что никогда, никогда не прощу вас! Но вчера, когда тетя Питти сказала мне, что вам грозит виселица, я... на меня что-то нахлынуло, это было сильнее меня, и я... я... – Она быстро вскинула на него глаза и вложила в этот молящий взгляд все муки разбитого сердца. – О, Ретт, я умру, если вас повесят! Я этого не переживу! Вы же видите, я...

И поскольку невозможно было выдержать дольше его обжигающего взгляда, ее ресницы тихо затрепетали и опять опустились.

«Еще бы секунда, и я бы расплакалась, – подумала она, изумляясь собственному волнению. – А может, и правда всплакнуть? Вышло бы более натурально».

Он быстро проговорил:

– Бог мой, Скарлетт, неужели вы хотели сказать, что вы... – И он крепко, до боли сжал ее руки.

Она зажмурилась, стараясь выдавить слезы, но не забыв при этом слегка приподнять лицо, чтобы ему было удобнее целовать ее. Вот сейчас, через мгновение, его губы коснутся ее, твердые, настойчивые губы – неожиданно она вспомнила их так живо, что сразу сделалась податливой и слабой. Но он не стал ее целовать. Разочарование странным образом взбудоражило ее, она чуть-чуть приоткрыла глаза и решила украдкой понаблюдать за ним. Черная голова склонилась к ее рукам. Вот он поднял одну руку и легонько ее поцеловал, потом взял другую и провел ею по своей щеке. Она ожидала напора, грубой силы; этот ласковый жест влюбленного поразил ее. Интересно, какое у него сейчас лицо. Но лицо было скрыто от нее, она видела только затылок.

Она еще плотнее занавесилась ресницами, а то, не дай бог, он взглянет на нее и моментально все поймет. Триумф! Ее всю пронизывало острое и уверенное ощущение одержанной победы, и она знала, что чувства ее легко читаются по глазам. Вот сейчас, не пройдет и минуты, он попросит ее стать его женой или по крайней мере скажет, что любит ее, и тогда... Пока она наблюдала за ним из чащи ресниц, он перевернул ее руку ладонью вверх, чтобы поцеловать и там тоже, но вдруг дернулся, быстро и прерывисто вздохнул. Взглянув вниз, она увидела свою собственную ладонь – впервые за целый год по-настоящему увидела свою руку, и

² Никогда не отчаиваться (лат.).

холодный тошнотворный страх охватил ее. Это была чужая кисть, ничего общего не имеющая с мягкой, беленькой, в ямочках, беспомощной ручкой Скарлетт О'Хара. Эта рука загрубела от работы, потемнела от солнца, сплошь покрылась какими-то пятнами. Ногти поломаны, неровные, неправильной формы. На подушечках ладони образовались твердые наросты, на большом пальце – незаживший волдырь. В прошлом месяце она обожглась кипящим маслом, след так и остался – яркий и безобразный. Едва взглянув на эту жуть и не успев даже ничего придумать, она сжала руку в кулак.

Он все еще сидел, не поднимая головы. Она все еще не видела его лица. Он безжалостно и бесцеремонно расцепил ее кулачок и уставился в ладонь. Поднял другую руку и, держа их вместе, перед собой, молча их изучал.

– Посмотрите на меня, – сказал он наконец, подняв голову; голос был очень тих. – И бросьте эту приторную скромность.

Против воли она встретила с ним глазами; она смотрела с вызовом, полная смятения и злости. Он поднял брови, глаза заблестели.

– Значит, дела в «Таре» идут лучше некуда, правда? Выручили столько денег за хлопок, что можете ехать с визитами. Что вы делали этими своими руками? Пахали, что ли?

Она пыталась вырваться от него, но он держал ее крепко и водил большими пальцами по заскорузлым ладоням.

– У леди таких рук не бывает, – сказал он и отшвырнул их ей на колени.

– А, да заткнись ты! – крикнула она, повинувшись мгновенному, непреодолимому порыву и испытывая безмерное облегчение оттого, что можно выплеснуть свои чувства. – Кому какое дело до моих рук и того, что я ими делаю!

«Что же я за дура! – тут же обругала она себя со всей страстью. – Надо было попросить перчатки у тети Питти, да хоть украсть! Но я же не представляла себе, что мои руки выглядят так скверно. А Ретт, конечно, должен был заметить. И заметил. Я потеряла лицо. Я, кажется, все потеряла и все разрушила. И надо же было такому случиться, когда он был уже готов!»

– Мне, безусловно, нет никакого дела до ваших рук, – холодно произнес Ретт и откинулся на спинку стула с ленивым и праздным видом. Лицо было безмятежно и ничего не выражало.

Вот как. Он, значит, у нас крепкий орешек. Что ж, придется и это снести с полной покорностью, пусть ей и претит такая роль; но надо – если она намерена вырвать победу. Может быть, если с ним посюсюкать...

– По-моему, вы настоящий грубиян – взять и отшвырнуть мои бедные ручки. Только из-за того, что я на прошлой неделе поехала кататься верхом без перчаток и...

– Кататься верхом, черта с два, – сказал он ровным голосом. – Вы работали этими самыми руками, вы работали, как негр. Что скажете? Почему вы мне лгали, что в «Таре» все распрекрасно?

– Ну, будет вам, Ретт...

– Предположим, мы докопаемся до правды. Какова же действительная цель вашего визита? Ведь вы меня почти убедили своим кокетством, что питаете ко мне нежные чувства и очень меня жалеете.

– О, все так, я действительно очень вас жалею!

– Ничего подобного. Да пусть меня повесят выше, чем Амана³, – вам наплевать. Это отпечталось у вас на лице так же четко, как тяжелый труд – на ваших руках. Вам что-то нужно от меня, нужно позарез, ради этого вы даже устроили здесь форменное шоу. Почему вы не пришли открыто и не сказали мне, что вам нужно? У вас было бы гораздо больше шансов получить желаемое, потому что если я и ценю что-то в женщинах, то только искренность. Но

---

³ Аман – библейский персонаж, злобный и завистливый министр персидского царя Артаксеркса, построивший для своего врага виселицу высотой в пятьдесят локтей и сам же на ней повешенный.

нет, вам приспичило звякать сережками, делать губки бантиком и резвиться, как проститутка с перспективным клиентом.

Он не повысил голоса на последних словах, вообще никак их не выделил, но для Скарлетт они были как удар бича, и она с отчаянием увидела крах своих надежд на предложение руки и сердца. Если бы он взорвался, накричал на нее, дал волю ярости и уязвленному самолюбию, то есть повел бы себя подобно другим мужчинам на его месте, она бы легко с ним сладила. На нее навел оторопь именно ровный и спокойный его голос. Она растерялась совершенно и не могла сообразить, что же дальше-то делать. Внезапно ей открылось, что он хоть и арестант, которого стерегут янки в соседних помещениях, но он все равно Ретт Батлер, и дурачить его опасно.

– Кажется, память меня подводит. Мне следовало бы знать, что мы с вами одной породы и вы тоже ничего не делаете просто так, не имея скрытого мотива. Дайте-ка подумать. Что вы там прячете в рукаве, миссис Гамильтон? Не могли же вы так заблуждаться на мой счет, чтобы ожидать матримониального предложения?

Она залилась краской до корней волос и ничего не ответила.

– Вы ведь не забыли мою часто повторяемую реплику, что я не из тех, кто женится?

Она по-прежнему молчала, и он повторил, неожиданно жестко:

– Вы не забыли? Отвечайте же.

– Не забыла, – с трудом выдавила она.

– Ну какой из вас игрок, Скарлетт! – Он откровенно над ней глумился. – Вы увидели свой шанс в моем аресте! Решили, что несчастный узник, лишенный женского общества, клюнет на вас, как форель на червя?

«А ты как раз и клюнул, – подумала злорадно Скарлетт. – И если б не мои руки...»

– Теперь мы выяснили почти все. Все, кроме ваших резонов. Посмотрим, сумеете ли вы сказать мне правду: зачем вам понадобилось подвести меня к супружеству.

В голосе уже слышалась мягкая, учтивая нотка, с оттенком даже игривости, и Скарлетт воспрянула духом. Может быть, не все еще потеряно. Конечно, с надеждами на замужество покончено, она сама все себе напортила, но, пожалуй, оно и к лучшему: чем-то он страшил ее, этот неподвижный, невозмутимый человек, и мысль о браке с ним тоже стала пугающей. Но может быть, если она поведет себя умно и сыграет на его сочувствии, на воспоминаниях, то сумеет получить заем. Она состроила по-детски просительную мордашку:

– О, Ретт, вы можете поддержать меня, как никто, только будьте милым!

– Вот это я люблю больше всего на свете – быть... милым.

– Ретт, ради нашей старой дружбы, прошу, мне нужна опора, я пришла за помощью.

– Наконец-то леди с мозолистыми руками приступила к своей истинной миссии. Я уж испугался, что вы взяли себе роль благодетельницы, навещающей узников, страждущих в темницах. Это совсем не ваша роль. Так чего же вы хотите? Денег?

Грубая прямота вопроса развеяла надежду подобраться к сути дела путем околичностей и сантиментов.

– Не будьте гадким, Ретт, – попросила она жалобно. – Да, мне нужны деньги. Я хочу, чтобы вы ссудили мне триста долларов.

– Вот она, правда. Разговоры о любви, а мысли о деньгах. Как это по-женски! И вы остро нуждаетесь в деньгах?

– О да... То есть не так чтобы ужасно, но я бы могла употребить их с пользой.

– Три сотни долларов. Куча денег. Зачем они вам?

– Заплатить налоги на «Тару».

– Итак, вы хотите занять некую сумму. Раз вы подходите к этому по-деловому, я тоже поступлю как деловой человек. Что вы даете мне в коллатераль?⁴

⁴ Дополнительное обеспечение (лат.).

– Что... во что?

– Коллатераль. Гарантия моих инвестиций. Я ведь не хочу потерять свои деньги.

Голос его стал обманчиво мягким, почти шелковистым, но она не обратила внимания. Может, все выйдет чудненько в конце концов.

– Вот эти серьги.

– Я не интересуюсь серьгами.

– Я выдам вам закладную на «Тару».

– И что прикажете мне делать с фермой?

– Ну-у, вы могли бы... могли бы... Это хорошая плантация. И вы ничего не теряете. Я расплачусь с вами из будущего урожая хлопка.

– Я не столь уверен. – Он потянулся сидя и засунул руки в карманы. – Времена нынче трудные, и с деньгами туго.

– Ой, Ретт, вы меня дразните! У вас-то миллионы, всем известно.

Он проинспектировал ее всю, и в глазах заплясали злые угольки.

– Значит, дела у вас идут прекрасно и острой нужды в деньгах вы не испытываете. Что ж, рад слышать. Приятно знать, что у старых друзей все в порядке.

– Ох, Ретт, бога ради... – запричитала она в отчаянии, в один миг утратив и мужество, и самообладание.

– Тоном ниже, прошу. Вы не хотите, надеюсь, чтобы вас услышали янки. Интересно, вам говорили когда-нибудь, что у вас глаза как у кошки? У кошки в темноте?

– Ретт, перестаньте! Я вам все расскажу. Мне очень нужны деньги, позарез. Я... солгала, сказав, что у нас все хорошо. У нас все плохо, хуже некуда. Отец, он... не в себе. Он находится в этом странном состоянии с тех пор, как умерла мама, и от него мне помощи никакой. Он совсем как ребенок. У нас нет ни единого полевого работника, хлопком заниматься некому, зато кормить есть кого. Нас тринадцать человек. И налоги! Они стали такие высокие! Ретт, я расскажу все, до конца. Больше года мы живем на грани голода, если не за гранью. О, вы не знаете, что это такое! Вам не понять. Мы ни разу не наедались досыта, и этот постоянный ужас – просыпаться от голода и голодными ложиться спать. Теплой одежды нет вообще, дети вечно с простудой...

– Где же вы взяли это прелестное платье?

– Сшили из маминых гардин, – ответила Скарлетт, настолько отчаявшись, что уже не могла солгать хотя бы про этот позор. – Я выдержала бы и холод и голод, но сейчас... Сейчас саквояжники повысили нам налоги. И деньги требуется выплатить немедленно! А у меня нет денег, одна только золотая монета в пять долларов. Я должна достать деньги на налоги! Разве не ясно? Если я не уплачу, я потеряю «Тару». Мы потеряем. А нам нельзя ее терять! Я не могу допустить, чтобы ее не стало у нас!

– Почему же вы сразу не рассказали мне об этом? Зачем вам понадобилось мое восприимчивое сердце, такое слабое, когда дело касается прекрасных дам? Нет, Скарлетт, вот плакать не надо. Вы уже испробовали на мне все свои штучки, кроме слез, и я не думаю, что смогу вынести еще и это. Мои чувства и без того исполосованы в клочья: вообразите, какое разочарование я испытал, обнаружив, что вам нужны мои деньги, а вовсе не мое чарующее «я».

Вдруг Скарлетт вспомнила, что он довольно часто, насмехаясь над людьми, а заодно и над самим собой, говорил о себе голую правду. А если и сейчас?... Она метнула в него быстрым взглядом. Что, его чувства действительно задеты? Она действительно дорога ему? Был ли он готов переступить черту и сделать ей предложение, но остановился, увидев ее руки? Или опять все свелось бы к тому непристойному предложению, которое он делал раньше? Если она на самом деле небезразлична ему, то, может быть, она сумеет еще его умиловить. Однако в черных глазах, буравивших ее, никакой любви не замечалось. Он тихонько посмеивался.

– Мне не подходит ваше дополнительное обеспечение. Я не плантатор. Что еще вы имеете предложить?

Да, придется все-таки на это пойти. Теперь даже на это! Она сделала глубокий вдох и встретила с ним глазами – открыто и прямо, безо всякого кокетства, без игры, бросаясь очертя голову в схватку, которой боялась больше всего.

– У меня есть... только я сама.

– Ну и?..

Она вся вытянулась струной, упрямый подбородок сделался квадратным, глаза превратились в изумруды.

– Помните ту ночь, на крыльце у тети Питти, во время осады? Вы сказали... сказали, что хотите меня.

Небрежно откинувшись на спинку стула, он смотрел в ее напряженное лицо. Его собственное лицо было темно и непроницаемо. Что-то мелькнуло в глазах, какая-то искра, но он промолчал.

– Вы говорили... что ни одной женщины не желали так сильно, как меня. Если вы все еще хотите меня, вы можете меня получить. Ретт, я сделаю все, что скажете, только, ради бога, умоляю, выпишите мне чек. Мое слово верное. Клянусь. Я не пойду на попятный. Могу обещать в письменном виде, если угодно.

Он смотрел на нее как-то странно, по-прежнему непостижимый, а она торопилась договорить и не могла понять, то ли это его забавляет, то ли отталкивает. Или он побежден? Хоть бы он что-нибудь сказал, ну хоть что-нибудь! Она почувствовала, что к щекам приливает жар.

– Деньги мне нужны срочно, Ретт. Нас выгонят на улицу, а этот чертов надсмотрщик, папин бывший, станет владельцем! А...

– Минуточку. Что заставляет вас думать, что я все еще желаю вас? Что наводит вас на мысль, что вы можете стоить триста долларов? Большинство женщин не запрашивают так много.

Она покраснела до корней волос. Унижение было полным.

– И зачем вам это? Почему бы не отдать ферму и не поселиться в городе, у мисс Питтипэт. Ведь половина этого дома принадлежит вам.

– Господи боже! – воскликнула она. – Вы что – глупец? Я не могу упустить «Тару». Это же дом, мой родной дом! Нет, я не могу отдать «Тару». И буду держать ее до последнего вздоха!

– Ирландцы – упрямейший народ, – сказал он, усаживаясь ровно и вынимая руки из карманов. – Вы придаете громадное значение пустым ценностям. Например, своему клочку земли. А земля, она и есть земля, что тот кусок, что этот, какая разница! Хорошо, а сейчас позвольте мне уточнить. Вы являетесь ко мне с деловым предложением: я даю вам триста долларов, вы становитесь моей любовницей.

– Да.

Теперь, когда мерзкое слово было произнесено, ей отчего-то стало легче, и вновь пробудилась надежда. Он сказал: «Я даю вам». Вот только этот дьявольский блеск у него в глазах, словно он отлично развлекается.

– И однако же, когда я имел бесстыдство сделать вам подобное предложение, вы отказали мне от дома. Вы сопроводили свой отказ множеством очень сильных выражений, называли меня весьма нелестными именами и заметили мимоходом, что не желаете иметь целый выводок сорванцов в награду. Нет, моя дорогая, я не намерен растравлять рану. Я только удивляюсь причудливым поворотам вашего ума. Вы поступаете так не ради собственного удовольствия, но единственно для того, чтобы не пустить нужду на порог. Это доказывает верность моей точки зрения, что всякая добродетель – просто вопрос цены.

– О, как вас занесло, Ретт! Что ж, хотите меня оскорблять – вперед, но только дайте мне денег.

Ей уже дышалось свободнее. Будучи тем, кто он есть, Ретт, естественно, захочет помучить ее и сильнее уязвить, чтобы расквитаться за прошлые обиды и за сегодняшнюю попытку провести его. Ладно, она это снесет. Она снесет что угодно. «Тара» стоит того. На краткий миг для нее настало лето: жаркий день, в высокой синеве небес плывут сказочные дворцы из белых облаков, сама она лежит в полудреме на мягком клевере лужайки, окутанная ароматом цветов и деловитым гудением пчел. День близится к закату, вокруг тишина, и где-то далеко слышен скрип повозок, везущих домой работников с распаханых спиралями красных полей. Это стоит всего и даже больше.

Скарлетт вскинула голову:

– Так вы собираетесь дать мне денег?

У него был вид человека весьма собой довольного, а когда заговорил, в голосе прозвучала учтивая жестокость.

– Нет, не собираюсь, – сказал он.

До нее не сразу дошел смысл его слов.

– Я бы не мог дать их вам, даже если бы хотел. У меня при себе нет ни цента. И ни доллара в Атланте. У меня есть деньги, да, но не здесь. Я не говорю где и сколько. Но если я попробую выписать чек, янки склюют меня, как утка майского жука, и тогда никому из нас они не достанутся. А вы как считаете?

Она позеленела до безобразия, на носу вдруг выступили веснушки, а рот свело судорогой, как у Джералда в моменты убийственной ярости. Она вскочила с нечленораздельным криком, от которого сразу стих ровный гул голосов в соседней комнате. Ретт, как пантера, метнулся к ней и зажал ей рот своей тяжелой ладонью. Свободной рукой он крепко обхватил ее за талию. Она совершенно обезумела – пыталась укусить его за руку, лягнуть ногой, ей хотелось вопить от злости, отчаяния, ненависти, от мук сломленной гордости. Она извивалась в железных объятиях, сердце колотилось бешено, тугой корсет перекрывал дыхание. Ретт удерживал ее крепко и грубо, ей было больно, да еще эти пальцы жестко впились ей в щеки, стискивая челюсти. Лицо его побледнело под загаром, взгляд был тяжел и тревожен. Он оторвал ее от пола, подбросил себе на грудь и сел в кресло, зажав ее в коленях.

– Милая, голубушка, ради бога! Перестань! Тихо! Не кричи. Закричишь – они сразу вбегут. Успокойся. Ты же не хочешь, чтобы янки увидели тебя в таком состоянии?

Ей было все равно, кто и как ее увидит, сейчас для нее ничего не существовало, кроме острого желания уничтожить его, но тут ее одолело головокружение. Она не могла вздохнуть – так он сдавил ее, и корсет стал похож на быстро сжимающийся стальной обруч. Чувствуя на себе его руки, она затряслась от бессильной ярости. Затем голос его стал слышен смутно, а лицо над ней искривилось в тошнотворном тумане, который делался все гуще, пока не скрыл от нее и это лицо, и все остальное.

Когда же сознание слабыми точками стало возвращаться к ней, она ощущала только бесконечную усталость и растерянность. Она лежала в кресле, шляпки не было, Ретт похлопывал ее по запястью и с тревогой всматривался в ее лицо. Милый молодой капитан попытался влить ей в рот бренди из стакана, но пролил на шею. Другие офицеры топтались без толку вокруг, перешептываясь и разводя руками.

– Я, кажется, была в обмороке, – выговорила Скарлетт, и собственный голос испугал ее – такой он был чужой и далекий.

– Выпей-ка этого, – сказал Ретт, поднося стакан к ее губам.

Теперь она все вспомнила и хотела испепелить его взглядом, но вышло слабо – она слишком устала.

– Пожалуйста, ради меня, – просил Ретт.

Она глотнула, задохнулась и закашлялась, но он опять подставил стакан. Она сделала большой глоток, горячая жидкость обожгла горло.

– Думаю, ей теперь лучше, джентльмены, – сказал Ретт. – Я вам очень благодарен. Понять, что меня действительно ждет виселица, – это для нее оказалось чересчур.

Группа в синем зашаркала ногами и приобрела несколько смущенный вид. Энергично покашляв для порядка, офицеры ретировались. Молодой капитан задержался в дверях:

– Если я могу еще чем-то быть полезен...

– Нет, благодарю вас.

Он вышел и закрыл за собой дверь.

– Выпейте еще немного, – предложил Ретт.

– Нет.

– Пейте.

Она глотнула как следует, и тепло начало растекаться по всему телу, дрожащие ноги медленно стали наполняться силой. Она оттолкнула стакан и попробовала встать, но он придавил ее к креслу.

– Убери свои руки. Я ухожу.

– Нет еще. Подожди минутку. У тебя опять может случиться обморок.

– Пусть лучше на улице, чем здесь, с тобой.

– И все равно я не хочу, чтобы ты падала в обморок на улице.

– Пусти меня. Я тебя ненавижу.

Он чуть улыбнулся:

– Вот это уже больше похоже на вас. Должно быть, вам и правда лучше.

С минуту она лежала расслабленно, стараясь призвать себе на помощь гнев, стараясь собраться с силами. Но она слишком устала. Она так устала, что не имела сил для ненависти и любви. И даже для гордости. Это смерть. Конец ее последней надежде. И «Таре» конец, и всем им. Она лежала на спине, с закрытыми глазами, слыша рядом его тяжелое дыхание, а жар бренди постепенно завладевал ею, давая ложное ощущение сил и тепла. Когда она открыла глаза и посмотрела ему в лицо, гнев опять поднялся в ней. Ее летящие брови опустились, сошлись на переносице, и Ретт привычно усмехнулся:

– Ну вот, уже лучше. Это видно по тому, как вы нахмурились.

– Да, я в полном порядке. Ретт Батлер – ты мерзкий, ненавистный скунс, каких свет не видел! Я еще не начинала говорить, а ты уже прекрасно знал, что я собираюсь сказать, и знал, что денег мне не дашь. И однако, позволил мне договорить до конца. А мог бы ведь избавить меня...

– Избавить вас и пропустить такое представление?! Ни за что. У меня здесь так мало развлечений. Не знаю, когда бы я еще услышал нечто подобное и столь же греющее душу! – И неожиданно рассмеялся глумливым своим смехом. От этого звука она вскочила на ноги и схватилась за шляпку. Он взял ее за плечи: – Еще не пора. Вы достаточно хорошо себя чувствуете, чтобы рассуждать здраво?

– Отпустите меня!

– Да, вижу, с вами все хорошо. Тогда скажите мне одну вещь. Вы только одну железку на огне держали, чтобы ковать? – Он впился в нее внимательным и цепким взглядом, от которого не ускользнула бы ни одна перемена в ее лице.

– Вы о чем?

– Я был единственный мужчина, кого вы намеревались использовать таким образом?

– Разве это ваше дело?

– Даже больше, чем вам представляется. Имеются еще мужчины на вашем поводе? Говорите!

– Нет.

– Невероятно! Я не могу вообразить вас без пяти-шести резервистов. Ну, ничего, я уверен, кто-нибудь да подвернется принять ваше интересное предложение. И потому чувствую себя обязанным дать вам один маленький совет.

– Я не нуждаюсь в ваших советах.

– И тем не менее я вам его дам. Похоже, совет – это единственное, что я могу преподнести вам в подарок. Прислушайтесь к нему, потому что это хороший совет. Когда вы добиваетесь чего-то от мужчины, не выбалтывайте это напрямик, как мне. Постарайтесь действовать тоньше и коварнее, быть соблазнительной и нежной. Это дает лучшие результаты. Все приемы вы знаете в совершенстве. Но именно сейчас, когда вы предлагали мне свой... коллатераль за мои деньги, вы словно гвозди заколачивали. Такой взгляд я видел однажды поверх дуэльного пистолета, в двадцати шагах от меня, и ничего приятного он мне не сулил. Такой взгляд не пробуждает страсти в груди мужчины. Это не способ вертеть мужчинами, моя дорогая. Вы забываете свой прежний тренинг, теряете навык.

– Мне не нужны ваши уроки поведения, – промолвила она и усталым жестом надела шляпку.

Ее удивляло, как он может сыпать шутками, когда у самого веревка на шее, да и она предстала перед ним в столь жалких обстоятельствах. Она не заметила, что руки у него засунуты в карманы и крепко сжаты в кулаки, словно он изо всех сил сдерживает злость на собственную беспомощность.

– Выше нос! – сказал он напоследок, пока она завязывала ленты шляпки. – Вы можете прийти на мое повешение, после чего будете чувствовать себя много лучше. Это покроет все прежние обиды, нанесенные вам мною, – даже сегодняшнюю. А я впишу вас в свое завещание.

– Благодарю, но ведь вас могут и не повесить до истечения срока оплаты налогов, – ответила она неожиданно в тон ему. Только она не шутила, она это и имела в виду.

Глава 35

Когда она вышла из штаба янки, шел дождь и небо было хмурым. Солдаты на площади попрятались в свои бараки, улицы опустели. Ни одного экипажа, ни одной телеги в поле зрения, и Скарлетт поняла, что весь долгий путь домой ей предстоит пройти пешком.

Пока она шла, тепло от бренди куда-то исчезало. Холодный ветер пронизывал до дрожи, бил в лицо острыми иголками ледяного дождя. Тонкая накидка тети Питти быстро промокла и облепила ее холодными липкими складками. Бархатное платье безвозвратно испорчено, это ясно, а что до перьев на шляпке, то они теперь наверняка повисли, как в те времена, когда их бывший обладатель расхаживал в «Таре» по мокрой траве заднего двора.

Кирпичи, из которых сложен был тротуар, местами выкрошились, а то и вовсе отсутствовали, причем на довольно больших участках. Ямы эти заполнились грязью по щиколотку, туфли то и дело вязли в глинистой жиже и спадали с ног. Всякий раз, как она наклонялась, чтобы выудить их, подол платья падал в грязь. Она уж и не старалась обходить лужи, угрюмо и тупо шлепала прямо вперед, не разбирая дороги и волоча за собой отяжелевшие юбки. Она чувствовала у лодыжек противный холод влажных панталон и нижней юбки, но ей было сейчас не до костюма, на который она поставила так много. Она промерзла, застыла, впала в уныние.

Каково ей теперь будет вернуться в «Тару» и посмотреть им всем в лицо – после своих-то храбрых речей? Как она скажет им, что они все должны уехать из «Тары», уехать неизвестно куда? И как она сама сможет покинуть все это – красные поля, высокие сосны, сумрачные болота в низине и тихое кладбище, где под сенью кедров покоится Эллен?

Она ковыляла ухабистой дорогой, и ненависть к Ретту все сильнее разгоралась в ее сердце. Что за подлый мерзавец! Хорошо бы его повесили, тогда он уж точно не попадется больше на ее пути, этот тип, знающий о ее позоре и унижении. Уж конечно, он сумел бы достать для нее денег, если б захотел. О, такого подлого мало повесить! Слава богу, что хоть сейчас он ее не видит – одежда мокрая, впору выжимать, прическа сбилась, зубы клацают от холода! Жуткий, должно быть, видик, вот бы он потешился!

Ей встретилась кучка негров, они нагло скалились и пересмеивались, наблюдая, как она скользит и утопает в грязи, как торопится, задыхается, теряет туфли и останавливается, чтобы водворить их на место. Да как они смеют, черные обезьяны! Как они смеют скалить зубы над Скарлетт О'Хара! Она бы приказала выпороть их всех кнутом, до крови! Какое зло сотворили янки, дав им волю – волю глумиться над белыми людьми! Она шла по Вашингтон-стрит, и тоскливый ландшафт некогда богатой улицы еще глубже погружал ее в уныние. Ни намек на оживленную суету, какую она отмечала у себя на Персиковой. Здесь раньше стояли красивые, внушительные здания, и только очень немногие из них были восстановлены. Покрытые копотью и пеплом фундаменты и одиноко торчащие трубы – «часовые Шермана», как их называли в городе, – попадались с надрывающей сердце регулярностью. Запущенные дорожки вели к местам бывших домов, теряясь в густом бурьяне, завладевшем лужайками; у дороги встречались каретные камни с именами хозяев – она хорошо знала этих людей; попадались столбы коновязи – на них теперь уж никто не накинёт связанные узлом поводья. Как озябли мокрые ноги и как же далеко еще до дому!

Она услышала чавканье лошадиных копыт за спиной и дернулась подальше от края узкого тротуара, чтобы ошметки грязи не заляпали накидку тети Питти. Лошадь, запряженная в кабриолет, медленно нагоняла ее, и она обернулась посмотреть, твердо решив напроситься в пассажиры, если лошадь будет править белый. Дождь мешал рассмотреть человека, но, когда коляска поравнялась с нею, Скарлетт увидела, что из-под брезента, натянутого от бортов до самого подбородка, в нее вперились глаза, показавшиеся странно знакомыми. Тогда она сту-

пила прямо на дорогу, чтобы разглядеть лицо ближе, и вдруг услышала смущенное покашливание. Хорошо знакомый голос произнес недоверчиво и с радостным изумлением:

– Кого я вижу! Мисс Скарлетт, неужели это вы?

– О, мистер Кеннеди! – воскликнула она, прошлепала через дорогу и прислонилась к облепленному грязью колесу: ей больше не было дела до вреда, какой может быть нанесен таким обращением тетиной накидке. – Я никому и никогда так не радовалась за всю мою жизнь!

Очевидная искренность ее слов так его тронула, что он зарделся от удовольствия. Сплюнув струю табачной жвачки за противоположный борт коляски, он пружинисто спрыгнул на землю, пожал руку Скарлетт, придержал брезент и помог ей забраться внутрь.

– Мисс Скарлетт, что вы делаете в подобном месте, да еще одна? Вы разве не знаете, что это опасно, в наши-то дни? И промокли насквозь. Вот, возьмите-ка полость, заверните ноги.

Он хлопотал вокруг нее, суетился, кудахтал, как курица над цыпленком, а она предавалась забытой роскоши – быть кем-то опекаемой. Как все-таки славно иметь рядом мужчину, который может поднять такую суматоху, так раскудахтаться и разволноваться из-за тебя – пусть даже это всего лишь Фрэнк Кеннеди, старая дева в штанах. После грубости Ретта это действовало особенно утешительно. А как приятно встретить земляка, будучи далеко от дома! Он хорошо одет – она это сразу отметила, и коляска у него новая. И лошадь на вид молодая и на хороших кормах. А вот сам Фрэнк выглядел значительно старше своих лет, старше, чем в то Рождество, когда приезжал к ним в «Тару» со своими людьми. Он был худ и желт лицом, водянистые глаза ввалились, окруженные мешками обвисшей кожи. Рыжая борода, со следами налипшей табачной жвачки, еще поредела и висела клочками, словно ее непрестанно щипали, дергали и когтили. Тем не менее он сиял и бодрился, составляя отрадный контраст печальным, озабоченным, усталым лицам, которые Скарлетт встречала повсеместно.

– Я очень доволен, что вижу вас, – сердечно сказал Фрэнк. – Я и не знал, что вы в городе. Мисс Питтипэт ничего не говорила мне о ваших намерениях, а ведь мы виделись с ней только на прошлой неделе. А что... э... кхм... не приехал ли с вами кто-нибудь еще из «Тары»?

Это он про Сьюлен, тупой старый дурак.

– Нет, – ответила Скарлетт, кутая в теплую полость ноги и стараясь подтянуть ее повыше, к самой шее. – Я одна приехала. И тетю Питти заранее не предупреждала.

Фрэнк тронул лошадь, и коляска медленно заколыхалась по скользкой, ухабистой дороге.

– В «Таре» все здоровы?

– Да, более-менее.

Надо придумать, о чем говорить, вот только говорить трудно. Она еще была во власти своего поражения, и все, чего ей сейчас хотелось, – это лежать, закутавшись в эту теплую полость, и твердить себе: «Я не буду пока думать о «Таре». Подумаю потом, позже, когда будет не так больно». Хорошо бы натолкнуть его на какую-нибудь тему, которой он будет держаться всю дорогу, так чтобы ей оставалось только бормотать в паузах: «Ах, как мило!» или «Как замечательно придумано!».

– Мистер Кеннеди, я очень удивилась, встретив вас. Признаю, я была плохая девочка – не поддерживала связей со старыми друзьями, но я ведь не знала, что вы здесь, в городе. Кажется, кто-то говорил мне, что вы в Мариетте.

– У меня там дела, в Мариетте, куча дел! А разве мисс Сьюлен не рассказывала вам, что я обосновался в Атланте? И о лавке моей не рассказывала?

У нее осталось смутное воспоминание – Сьюлен что-то болтала про Фрэнка и какую-то лавку; но стоит ли обращать внимание на лепет Сьюлен, мало ли что она там наговорит. Главное, что Фрэнк жив и в один прекрасный день Скарлетт сбудет с рук свою сестру.

– Нет, ни слова, – солгала она. – А что, у вас есть лавка? Какой вы предприимчивый!

Фрэнк немного обиделся, узнав, что Сьюлен не предала гласности такую потрясающую новость, но от лести просиял.

– Да, у меня есть лавка, и очень, доложу я вам, хорошая лавка! Мне все говорят, я прирожденный коммерсант. – И он засмеялся самодовольно весьма противным смехом, похожим и на кудахтанье, и на хрюканье. Скарлетт это всегда раздражало. «Ну, расчванился, старый осел», – подумала она, но вслух произнесла, конечно, другое:

– О, вы можете добиться успеха в любом деле, за что ни возьметесь, мистер Кеннеди. Но как вы начинали, с чего? Когда вы у нас были, на позапрошлом Рождество, вы сказали мне, что потеряли все до цента.

Он основательно прокашлялся, подергал себя за бакенбарды и улыбнулся в обычной своей манере – нервно и робко.

– Это долгая история, мисс Скарлетт...

«Слава тебе господи, – обрадовалась в душе Скарлетт. – Может, ему хватит на всю дорогу». И вслух:

– Рассказывайте!

– Хорошо. Вы вспомнили, как мы приезжали в «Тару», охотясь за провиантом для армии. Ну и вот, вскоре после этого я перешел в действующие войска. То есть стал участвовать в сражениях. Какое уж там интендантство! В нем вообще не было нужды, мисс Скарлетт, ведь мы ничего не могли добыть для армии, и я подумал, что для крепкого мужчины самое место на передовой. Я прослужил какое-то время в кавалерии, недолго, пока не получил пулю в плечо.

Он выглядел очень горделиво, и Скарлетт откликнулась:

– Какой ужас!

– А, ничего особенного, кость не задета, – отмахнулся он. – Меня отправили дальше на юг, в госпиталь, и когда я уже почти поправился, янки устроили налет! Ну и горячее было времечко! Нас никто не поднимал по тревоге, но все ходячие помогали освобождать армейские склады и перетаскивать к путям провиант, амуницию и госпитальное оборудование, чтобы все это переправить в другое место. И едва мы успели загрузить один состав, как янки вошли в город! Вот так и было: с одного конца идут янки, а с другого мы удираем на всех парах. Какое горькое зрелище! Мы сидели поверх грузов на платформах этого поезда и видели, как янки поджигают припасы, которые нам пришлось бросить у вокзала. Знаете, мисс Скарлетт, они устроили пожар на полмили – все сожгли, что мы сложили вдоль путей. Мы сами-то еле ноги унесли.

– Какой ужас!

– Именно. Самое подходящее слово: ужас. Потом наши снова вошли в Атланту, и наш поезд тоже направили сюда. До конца войны оставалось всего ничего. И вот представьте себе, мисс Скарлетт: пришел состав, полный коек, одеял, матрасов, посуды, и никто на это добро не претендует. Я думаю, по правилам это все принадлежало янки. По-моему, таковы условия капитуляции, если не ошибаюсь. Да?

– М-м-м, – ответила Скарлетт неопределенно; она пригласилась и впала в дремотное состояние.

– Я до сих пор не знаю, правильно ли я поступил, – продолжал он довольно нудно. – Но я рассуждал как: все это добро им ни к чему, они бы, скорей всего, сожгли его. А наш народ заплатил за это солидные деньги, и, на мой взгляд, оно по-прежнему должно принадлежать Конфедерации или конфедератам. Понимаете, что я имею в виду?

– М-м-м...

– Я рад, что вы согласны со мной, мисс Скарлетт. Все-таки это на моей совести. Сколько людей говорили мне: «А, да брось ты, Фрэнк, забудь!» – а я не могу. Я не смог бы держать высоко голову, если бы считал, что сделал что-то противоправное. А вы считаете, я правильно поступил?

– Конечно, – сказала она, недоумевающая, о чем толкует этот старый болван. Какая-то борьба с совестью. Раз человек дожил до таких лет, как Фрэнк Кеннеди, значит, он просто обязан

был научиться не обращать внимания на такую чепуху. Но он всегда такой. Взбивает пыль по пустякам и вообще ведет себя как старая дева.

– Я счастлив слышать это от вас. После капитуляции у меня было десять долларов серебром, и все. Вы же знаете, во что янки превратили Джонсборо, а там был мой дом и лавка. Я просто не знал, что делать. Но десять-то долларов у меня были. И я их употребил на то, чтобы покрыть крышей старую лавку у Пяти Углов. Туда я перетащил госпитальное оборудование и стал его продавать. Всем нужны кровати, посуда, матрасы, а я продавал дешево, потому что полагал, что это добро столько же мое, сколько и всех прочих жителей Атланты. Но я заработал на этом деньги и прикупил еще товаров, так что дела в лавке идут превосходно. Думаю, что сумею сделать на этом хорошие деньги, если возьмусь как следует.

При слове «деньги» сознание Скарлетт прояснилось до кристальной четкости, и все мысли сосредоточились на Фрэнке.

– Вы сказали, что выручили деньги?

Он прямо на глазах вырос от ее интереса. За исключением Сьюлен, очень немногие женщины уделяли ему хоть какое-то внимание, ограничиваясь обычно простой вежливостью. И ему необыкновенно было приятно, что такая красавица, как Скарлетт, прислушивается к его словам. Он придержал лошадь, чтобы не добраться до дому раньше, чем он dokonчит свою историю.

– Я не миллионер, мисс Скарлетт, да и по сравнению с теми деньгами, которые я привык иметь, нынешние кажутся малостью. Но как-никак, а тысячу долларов я за год сделал. Естественно, пять сотен из них ушли на закупку нового товара, на ремонт помещения, на аренду. Но пятьсот чистыми – это уже что-то, и если дела уверенно пойдут в гору, то в следующем году я должен получить две тысячи долларов. И я уже знаю, на что их употребить: видите ли, я положил в огонь еще одну железку.

Интерес ее резко подскочил; Скарлетт прикрыла глаза частым лесом ресниц и придвинулась к нему чуть-чуть поближе.

– Что это означает, мистер Кеннеди?

Он засмеялся и шлепнул вожжами по лошадиному крупу.

– Догадываюсь, как я утомил вас, мисс Скарлетт: все о делах да о делах. Зачем хорошенькой молодой девушке вроде вас знать что-то о бизнесе?

– О да, я, конечно, гусыня беспросветная в том, что касается бизнеса, но мне ужасно интересно! Пожалуйста, расскажите мне, что вы задумали, а если я не пойму, вы объясните.

– Ну хорошо. Другая моя заготовка – это лесопилка.

– А что это?

– Такое предприятие, где пилят бревна, строгают доски – делают строительный материал. Я еще не купил, но собираюсь. Тут есть некий Джонсон, вот у него как раз имеется лесопилка, за городом, на Персиковой дороге, и ему загорелось ее продать. Срочно понадобились наличные, потому и хочет продать, но остается там моим управляющим, за недельную оплату. В этой местности, мисс Скарлетт, лесопилок теперь очень мало, янки почти все уничтожили. Так что тот, кто владеет лесопилкой, владеет, можно сказать, золотым прииском. В наши дни он может запрашивать за древесину любые цены. Янки здесь спалили так много домов, жить людям негде, вот они и помешались на восстановлении. А материалов мало, и отстроиться быстро ни у кого не получается. Народ сейчас хлынул в Атланту, в основном из сельских районов – без негров люди не могут вести фермерское хозяйство, а тут янки и саквояжники – эти готовы обглодать нас до костей. Уверяю вас, Атланта скоро станет крупным городом. А для строительства всем нужна древесина, потому-то я и намерен купить эту лесопилку как можно... как только мои вложения окупятся. На будущий год к этому времени у меня с деньгами должно стать намного легче. Я думаю, вы догадываетесь, почему я так стремлюсь побыстрее скопить денег?

Он покраснел и опять закудаhtал.

«Только Сьюлен у него на уме», – подумала Скарлетт с отвращением. Некоторое время она размышляла, не попросить ли у него в качестве ссуды триста долларов, но сама же отвергла эту идею. Он будет смущен, ошарашен, предложит оправдания, но денег не даст. Они тяжело ему достались, он трудился, чтобы весной сыграть свадьбу, а если он своим достоянием поделится, женитьба его будет отложена на неопределенный срок. Даже если она сыграет на его симпатиях, на сочувствии, на долге по отношению к будущей семье и вытянет из него обещание, то Сьюлен уж точно ничего подобного ему не разрешит. Сьюлен все больше и больше беспокоит тот факт, что она живет практически старой девой; она сейчас готова перевернуть небо и землю, лишь бы ничто не помешало ее свадьбе.

Вот что он в ней нашел, старый дурень, чтобы так страстно желать свить для нее гнездышко? Плаксивая, нудная девица, и все! Сьюлен не заслуживает любящего мужа и доходов от лавки и лесопилки. В тот же момент, как Сью наложит руки на денежки, она напустит на себя нестерпимо заносчивый вид и не даст ни цента, чтобы поддержать «Тару». От Сьюлен не дождешься! Она только и думает, как оттуда выбраться, а что будет с «Тарой» – да гори она синим пламенем, ей все равно, если у нее будут нарядные платья и слово «миссис» перед именем.

Размышляя об обеспеченном будущем Сьюлен и зыбких перспективах для «Тары» и ее самой, Скарлетт разгневалась на несправедливость жизни. Она поскорей отвернулась, выглянула из коляски и принялась осматривать грязную улицу, чтобы Фрэнк, не дай бог, не заметил, какое у нее лицо. Она теряет все, между тем как Сьюлен... Решение родилось внезапно.

Не видать Сьюлен Фрэнка с его лавкой и лесопилкой!

Сьюлен этого не заслужила. Лучше она сама возьмет все это. Подумав о «Таре», она вспомнила Джонаса Уилкерсона, эту ядовитую гремучую змею, в одном шаге от ступеней парадного крыльца; вспомнила – и ухватилась за последнюю соломинку, проплывающую над ней после крушения всей жизни. С Реттом она потерпела поражение, но Господь послал ей Фрэнка.

«А сумею ли я его получить? – Пальцы ее крепко сплелись, невидящий взгляд упирался в завесу дождя. – Сумею ли я заставить его забыть о Сьюлен и быстро сделать мне предложение, действительно быстро? Впрочем, если я Ретта почти подвела к этой черте, то уж Фрэнка я точно получу!» Взгляд вернулся к нему, ресницы затрепетали. «Не красавец, определенно, – думала она холодно. – Скверные зубы, дурно пахнет изо рта, и по возрасту вполне годится мне в отцы. Кроме того, нервный, робкий и очень благоразумный – я не знаю, что может быть хуже этого для мужчины. Но он по крайней мере джентльмен и для совместной жизни подходит больше, чем Ретт. Управляться с ним уж точно будет легче. Да и в любом случае нищие не выбирают».

Ну да, он считался женихом Сьюлен, и что такого? Совесьть нисколько ее не мучила. Пережив полное моральное падение с этой поездкой в Атланту, к Ретту, на присвоение сестриного жениха она смотрела как на ничтожный пустяк, из-за которого вообще не стоило беспокоиться, тем более в такое время.

С возрождением надежды она окрепла духом и забыла даже про свои замерзшие, мокрые ноги. Сузив глаза, она изучала Фрэнка так упорно и пристально, что он встревожился, и она живо спрятала глаза, вспомнив слова Ретта: «Такой взгляд, как у вас, я видел однажды над дулом дуэльного пистолета... Это не пробуждает страсти в груди мужчины».

– Что случилось, мисс Скарлетт? Вы озыбли?

– Да, – ответила она беспомощно. – Вы не против... – Она оробела, заколебалась... – Вы не против, если я положу руку в карман вашего пальто? А то ужасно холодно, а муфта моя промокла насквозь.

– Ну что вы, как я могу быть против? Да вы еще и без перчаток! Ай-ай-ай, как это жестоко с моей стороны, еду себе потихоньку, рассуждаю, совсем голову потерял, а вы у меня, должно

быть, оледенели и только и мечтаете о камине. Наддай, Салли! Кстати, мисс Скарлетт, я так увлекся, все о себе да о себе, даже не спросил, как вы-то оказались в этом месте в такую непогоду.

– Я была в главном штабе у янки, – ответила она не подумав.

От изумления соломенные брови поползли на лоб.

– Да как же так, мисс Скарлетт... Там солдаты... И зачем, почему?..

«Пресвятая Дева Мария, Матерь Божия, помоги мне срочно придумать хорошую, правдоподобную ложь!» – взмолилась Скарлетт. Нельзя дать Фрэнку заподозрить, что она ходила к Ретту. Фрэнк считает Ретта отпетым негодяем, пройдохой из пройдох и убежден, что порядочной женщине даже говорить с ним небезопасно.

– Я ходила туда... ходила узнать... не купит ли кто из офицеров мое рукоделие – послать домой, своим женам. Я умею вышивать, и премило.

Он в ужасе отшатнулся; возмущение боролось в нем с замешательством.

– Вы ходили к янки... Но, мисс Скарлетт! Разве можно? Вам не следовало... Зачем же... И конечно, ваш папенька ничего не знает. И мисс Питтипэт...

– О, я умру, если вы расскажете тете Питти! – закричала она, действительно испугавшись, и бросилась в слезы.

Плакать было нетрудно, потому что она промерзла и была ужасно несчастна, но эффект вышел поразительный. Фрэнк не мог бы сильнее смутиться и оробеть, даже если бы она вдруг начала перед ним раздеваться. Он поцокал языком, промямлил свое любимое «ай-ай-ай» и произвел массу бестолковых, суетливых телодвижений. Явилась дерзкая мысль – притянуть к себе на плечо ее головку и нежно погладить, но он никогда прежде не проделывал подобного ни с одной женщиной и не знал, как к этому подступиться. Скарлетт О'Хара, такая красавица, такая всегда задорная, жизнерадостная, – плачет у него в кабриолете! Скарлетт О'Хара, гордычка из гордычек, пытается продать свои вышивки солдатам янки. Душа его горела.

А она все плакала, все рыдала, вставляя иногда какие-то слова, и он сообразил, что в «Таре» все неладно. Мистер О'Хара по-прежнему «не в себе, совсем не в себе», и не хватает еды на столько ртов, вот она и вынуждена была поехать в Атланту, попробовать заработать немного денег для себя и своего мальчика. Фрэнк опять пощелкал языком и неожиданно обнаружил ее голову на своем плече. Он понятия не имел, как она там оказалась. Он ее туда не помещал, это точно, но вот же она, ее голова, а вот и сама Скарлетт – сотрясает рыданиями его узкую грудь. Какое волнующее, совершенно новое переживание! Он робко коснулся ее плеча, погладил – сначала осторожно, почти что по воздуху; поскольку она не отпрянула, не оттолкнула его, он осмелел и стал поглаживать ее твердой рукой. Какая она милая, беспомощная малышка! Какая женственная! Смелая и глупенькая – пытается своими руками, с помощью иголки добыть деньги! Однако иметь дело с янки – это уж чересчур.

– Я не скажу мисс Питтипэт, но вы должны мне обещать, мисс Скарлетт, что больше ничего подобного делать не станете. Сама мысль о том, что дочь вашего отца...

Влажные зеленые глаза устремились к нему искательно и беспомощно.

– Но мне же надо что-то предпринять, мистер Кеннеди! Я должна заботиться о своем бедном малыше: ведь теперь за нас никто ничего не сделает.

– Вы храбрая маленькая женщина, – изрек он, – но я не хочу, чтобы вы занимались такими вещами. Ваша семья умрет со стыда.

– Тогда что же мне делать?

Полные слез глаза смотрели на него так, точно он знал все на свете и все на свете сейчас зависело от его слов.

– Я затрудняюсь сказать так сразу. Но буду думать. Что-нибудь соображу.

– О, я уверена, я знаю! Вы очень умный... Фрэнк.

Раньше она ни разу не назвала его просто по имени, и он воспринял это как приятный сюрприз. Впрочем, бедная девочка очень расстроена и, наверное, сама не заметила, как у нее это вырвалось. Он ощутил в себе силы, и бездну доброты по отношению к ней, и желание оберегать ее. Если он может что-то совершить ради сестры Сьюлен О'Хара, он это совершит. Вытащив большой красный носовой платок, он протянул его ей. Она промокнула глаза, и на губах у нее задрожала неуверенная улыбка.

– Я такая глупая гусыня, – произнесла она извиняющимся тоном. – Пожалуйста, простите меня.

– Никакая вы не гусыня и вовсе не глупая. Вы храбрая маленькая женщина, но пытаетесь тащить слишком тяжелую ношу. Боюсь, от мисс Питтипэт вам большой помощи не будет. Я слышал, она потеряла чуть не всю свою собственность, а мистер Генри сам в плохом состоянии. Желал бы я иметь возможность предложить вам свой дом, но вы должны помнить, мисс Скарлетт, что, когда мы с мисс Сьюлен поженимся, под нашим кровом всегда будет место для вас и для Уэйда Хэмптона, разумеется, тоже.

Вот он, момент! Несомненно, святые и ангелы наблюдали за ней, чтобы подарить такой, поистине Небом посланный случай. Она изобразила крайнее изумление, потом смущение, открыла уже рот, как бы намереваясь выпалить что-то, замерла на миг и захлопнула рот, клацнув зубами.

– Не хотите же вы мне сказать, будто не знали, что нынешней весной я стану вашим родственником? – произнес он с нервическим смешком. Потом заглянул ей в глаза, быстро наполнявшиеся слезами, и встревожился: – В чем дело? Мисс Сьюлен, надеюсь, здорова?

– О да, да!

– И все же что-то не так. Вы должны мне сказать.

– Не могу! Я же не знала! Я уверена была, что она вам написала! Ох, как нехорошо получилось!

– Да что такое, мисс Скарлетт?

– Ой, Фрэнк, я не хотела, я проговорила нечаянно, но я же думала, вы знаете! Она обязана была написать вам...

– О чем? О чем она должна была написать мне?

Его трясло.

– Так поступить – и с кем? С таким прекрасным человеком, как вы!

– Что она натворила?

– Значит, она вам не написала? О, я догадываюсь, она устыдилась сообщать вам. И ей есть чего стыдиться! И мне тоже – иметь такую гадкую сестру!

Теперь Фрэнк боялся даже спрашивать. Он сидел, посерев лицом, уставив в нее недвижный взгляд; вожжи вяло свисали у него из рук.

– Она выходит замуж за Тони Фонтейна, в будущем месяце. Мне так жаль, Фрэнк! Жаль, что мне выпало сообщить вам. Она просто устала от ожидания и боялась остаться старой девой.

Когда Фрэнк помогал Скарлетт выйти из кабриолета, Мамми стояла на парадном крыльце. Судя по всему, она уже давно стояла там – тюрбан ее пропитался водой, и старая шаль, тоже мокрая, плотно облепила мощные тела. Морщинистое черное лицо дышало гневом и мрачными предчувствиями. Губа выпятилась вперед самым невероятным образом – на памяти Скарлетт такого не случалось. Мамми жадно впиалась глазами в фигуру Фрэнка, но, когда поняла, кто это, лицо ее переменялось, отразив удовольствие, некоторое замешательство и что-то похожее на сознание вины. Она заколыхалась навстречу Фрэнку, радостно его приветствуя и широко улыбаясь; она даже присела, изображая книксен, когда он пожимал ей руку.

– До чего же я люблю, когда люди в доме! Как поживаете, мистер Кеннеди? По мне так вы прямо раскрасавец, и дела, видать, лучше не бывает. Знать бы мне, что мисс Скарлетт с вами,

то и не волновалась бы так. А то возвращаюсь домой, сюда вот, а ее и след простыл, ну, я совсем голову потеряла, мечусь по двору, как курица, а в мыслях только одно: ходит она, милая, одна-одинешенька по городу, а тут эта голытьба черная, вольноотпущенная, по улице не пройти! Почему же вы не сказали мне, душа моя, что собираетесь из дому? Ох, да вы никак простыли!

Скарлетт тайком подмигнула Фрэнку, и он, хоть и пребывал в расстройстве от только что сообщенной ему дурной вести, улыбнулся в ответ, поняв, что она приказывает ему молчать и таким образом делает соучастником некоего приятного заговора.

– Беги наверх, Мамми, и приготовь мне сухую одежду. И чаю горячего!

– Господи, а ваше-то новое платье совсем испорчено, – заворчала Мамми. – Мне нужно время, высушить его и вычистить, чтобы к вечеру было готово и вы надели его на свадьбу.

Она скрылась в доме, а Скарлетт подошла вплотную к Фрэнку и зашептала:

– Обязательно приезжайте сегодня к ужину. Нам так одиноко. А потом вместе поедем на свадьбу, вы будете нас сопровождать! И пожалуйста, не говорите ничего тете Питти про... про Сьюлен. Она очень огорчится, и мне тоже будет невыносимо, если она узнает, что моя сестра...

– Я не скажу! Ничего не скажу! – торопливо заверил ее Фрэнк, содрогаясь от одной только мысли.

– Вы такой милый сегодня, вы сделали мне столько добра, я просто возродилась, я опять храбрая!

На прощание она сжала ему руку и направила на него шквальный огонь своих неотразимых глаз.

Мамми, поджидавшая за дверью, вид имела непроницаемый. Пыхтя и отдуваясь, она двинулась следом за хозяйкой наверх, в спальню. За все время, пока она стаскивала с нее мокрые одежды и развешивала их на спинки кресел, пока укладывала Скарлетт в постель и укутывала одеялами, она не произнесла ни слова. И только когда принесла чашку горячего чая и нагретый кирпич, завернутый во фланель, взглянула на Скарлетт и заговорила, причем такой интонации Скарлетт у нее в голосе тоже раньше не слышала – Мамми как будто упрекала, но и оправдывалась:

– Козочка моя, что же вы сразу-то не сказали родной своей Мамми, что у вас на уме? Тогда бы я не пустилась в эту даль, в эту вашу Ланту. Стара я уж стала и толста – бегать тут за вами.

– Что ты имеешь в виду?

– Сладкая моя, вам ли меня дурачить. Уж я-то вас знаю. И мистера Фрэнка я только что видела, и лицо его, когда он на вас смотрел. И ваше лицо тоже видела, а по вашему лицу я умею читать, как дьячок по Библии. И я слышала ваш шепоток насчет мисс Сьюлен. Да я и понятия не имела, что вам нужен был мистер Фрэнк. Знала бы, так и сидела бы дома, где мне самое место.

– Ладно, – коротко буркнула Скарлетт, уютно устраиваясь под одеялами и понимая, что бесполезно даже пытаться сбить Мамми со следа. – А ты на кого подумала?

– Ничего я не знала, детонька, просто мне лицо ваше вчера очень не понравилось. И я вспомнила: мисс Питтипэт писала мисс Мелли, что у этого бездельника Батлера куча денег, а если я чего услышу, то не забываю. Но мистер Фрэнк, он джитмен, пусть и не красавец.

Скарлетт метнула в нее острый взгляд, и Мамми выдержала его спокойно, с сознанием собственной правоты.

– Ну и что ты собираешься со всем этим делать? Разболтаешь Сьюлен?

– Я собираюсь помогать вам с мистером Фрэнком, всеми способами, какие знаю, – заявила Мамми, укрывая Скарлетт потеплее и закутывая ей шею.

Некоторое время Скарлетт лежала тихо, пока Мамми хлопотала в комнате. Какое все-таки облегчение, что между ними все ясно без слов. Никаких тебе требовательных вопросов, никаких объяснений, ни одного упрека. Мамми все поняла и умолкла. В Мамми Скарлетт

обнаружила еще более стойкого прагматика, чем в себе самой. Мудрые старые глаза проникали глубоко, они видели четко и ясно самую суть вещей. Это был простой и непосредственный взгляд дикаря или ребенка: их не собьешь с толку рассуждениями о совести, когда любимому существу грозит опасность. Скарлетт – ее детеныш, ее дитяtko, и если дитя чего-то хочет, то непременно получит, пусть даже чужое – Мамми уж постарается. Справедливо ли это по отношению к Сьюлен и Фрэнку – Мамми такими вещами себе голову не забивала, она вообще об этом не думала, разве что иногда мрачно про себя посмеивалась. Скарлетт попала в беду и бьется изо всех сил, чтобы выбраться, а Скарлетт – это дитя мисс Эллен. И Мамми без малейших колебаний встала на ее сторону.

В ее молчании Скарлетт почувствовала поддержку, и, по мере того как жар от горячего кирпича в ногах разливался по телу, та искра надежды, что промелькнула еще там, на холоде, на пути к дому, – эта искра разгоралась в самое настоящее пламя. Она вся горела этой надеждой, сердце забилося сильнее и быстрыми, мощными толчками стало гнать кровь по жилам. Силы возвращались к ней вместе с неудержимым возбуждением – ей вдруг стало весело, хотелось смеяться, громко, беспричинно.

– Дай-ка мне зеркальце, Мамми.

– Только плечи не открывайте, пусть под одеялом, – приказала Мамми, протягивая ей ручное зеркальце и чему-то улыбаясь толстыми губами.

Скарлетт посмотрелась.

– Белая, как привидение, – заключила она, – а волосы косматые, как конский хвост.

– Да, вид у вас не самый лучший.

– Хм... А что, дождь очень сильный?

– Вы же видите: льет как из ведра.

– Что ж, все равно придется тебе сходить для меня в город.

– Пока дождь, не пойду.

– Очень даже пойдешь, не то я пойду сама.

– Чего такого вам еще загорелось получить, и подождать нельзя? Сдается мне, вам и так уже через край досталось, для одного-то дня.

– Мне нужен флакон одеколона, – говорила Скарлетт, тщательно изучая себя в зеркале. – Ты вымоешь мне волосы и сполоснешь одеколоном, а чтобы лежали гладко, купишь баночку геля из семечек айвы.

– Я не буду мыть вам голову в такую погоду и не дам поливаться одеколоном, точно вертихвостка какая! Не бывать тому, пока жив дух в моем теле!

– Ну а я такая и есть. Загляни в мою сумочку, достань золотую монету в пять долларов и ступай в город. Да, и... э... когда будешь в городе, ты можешь найти там для меня... э... руж, маленькую баночку.

– А это что такое? – осведомилась подозрительная Мамми.

Скарлетт встретила ее взгляд с холодностью, которой вовсе не чувствовала в себе. Мамми непредсказуема – никогда не знаешь, до каких пор можно ее шпынять.

– Не твое дело. Просто спроси, и все.

– Я не покупаю неведомо что.

– Ну хорошо, это краска, если тебе любопытно знать! Краска для лица. Ну что ты стоишь тут и раздуваешься жабой? Ступай.

– Краска! – выдохнула Мамми. – Краска для лица! Ну вот что: не такая уж вы и большая, чтоб я не могла отлупить вас! Какой скандал! Позорище! Вы все ваши манеры растеряли! Мисс Эллен в эту минуту в гробу переворачивается! Раскрасить лицо, как...

– Ты же знаешь прекрасно, что бабушка Робийяр красилась и...

– Да, мэм, и надевала только одну нижнюю юбку, и водой ее мочила, чтобы к телу липла и форму ног показывала, но вам-то разве было велено делать что-нибудь в этом роде? Такие

бесстыдные были времена, когда старшая мисс была молоденькая, но времена-то меняются, и очень даже...

– Ну, все! – закричала Скарлетт, откидывая одеяла. Больше она не могла сдерживать свой нрав. – Честное слово, я сейчас же отправлю тебя обратно в «Тару»!

– Вы не можете отослать меня в «Тару», если только я сама не пожелаю. Я свободная! – заявила Мамми с горячностью. – И я остаюсь здесь. Быстро в постель! Не хватало вам только воспаления легких. Оставьте в покое корсет! Положите его, душенька. Будет вам, мисс Скарлетт, ну куда вам идти в этакую непогодь? Великий Боже! Как же вы похожи на своего отца! Давайте-ка в постель. Не буду я покупать никаких красок! Я ж со стыда помру – все поймут, что это для моей деточки! Мисс Скарлетт, вы и так миленькая и хорошенькая, не нужно вам никакой краски. Солнышко мое, да ведь никто не пользуется этой штукатуркой, только дурные женщины.

– Зато они имеют результат, разве нет?

– Господи Иисусе, что она говорит! Козочка моя, не говорите таких вещей, это нехорошо. Оставьте в покое свои мокрые чулки, детка. Не могу я допустить, чтобы вы сами покупали это все для себя. Мне мисс Эллен привидится. Давайте-ка в постель. А я уж схожу. Может быть, найду лавку, где нас не знают.

В тот вечер у миссис Элсинг, когда Фанни должным образом сочеталась браком и старый Леви со своими музыкантами настраивал инструменты для танцев, Скарлетт оглядывалась вокруг, полная счастливого возбуждения. Это так волнующе – вновь оказаться на вечере, на большом, настоящем приеме! Приятно было и то, как тепло ее встретили. Когда она, под руку с Фрэнком, вошла в дом, все бросились к ней с радостными возгласами. Ее целовали, обнимали, жали руку, говорили, что соскучились по ней ужасно и чтобы она никогда больше не уезжала в «Тару». Мужчины были очень галантны – они, кажется, забыли, что в былые дни она пускала в ход все свои чары, чтобы разбить им сердца, а девушки так приветливы, словно это не она соблазняла их кавалеров. Даже миссис Мерривезер, миссис Уайтинг, миссис Мид и прочие видные дамы, державшиеся с ней крайне холодно в последний период войны, решили забыть о легкомысленном ее поведении и своем неодобрении. Они помнили лишь о том, что она пострадала в их общем поражении, что она племянница Питти и вдова Чарлза. Матроны нежно ее целовали, говорили со слезами на глазах об уходе ее дорогой матушки и подробно расспрашивали об отце и сестрах. Все интересовались, как там Мелани с Эшли, и непременно хотели знать причину, по которой они не возвращаются в Атланту.

Несмотря на удовольствие от оказанного ей приема, Скарлетт испытывала все же некоторую неловкость – тщательно скрываемую неловкость из-за своего испорченного бархатного платья. Оно все еще было влажно до колен, и низ юбки весь в пятнах – грязь отчистилась, а пятна остались, и это вопреки соединенным усилиям Мамми и кухарки. Чего только они с ним не делали: и над кипящим котлом отпаривали, и волосяной щеткой чистили, и усердно махали юбкой перед открытым огнем. Скарлетт опасалась, что кто-нибудь заметит, в каком состоянии ее платье, поймет, что оно было перепачкано, и догадается, что это у нее единственный прекрасный наряд. Немного утешал тот факт, что у большинства гостей одежда выглядела гораздо хуже. Сплошное старье, выношенное, переделанное, аккуратно подштопанное и заглаженное. У нее-то, по крайней мере, платье целое и новое, пусть и влажное. По сути, из всего собрания только она одна и была в новом, не считая, конечно, новобрачной в белом атласе.

Вспомнив, что говорила тетя Питти о финансах Элсингов, Скарлетт удивилась, откуда ж взялись деньги на атласное платье, а также на закуски, напитки и музыкантов. Это должно влететь им в хорошенькую сумму. Заняли денег, вероятно, или весь клан Элсингов скинулся, чтобы устроить Фанни эту пышную свадьбу. Такая свадьба в эти трудные времена представлялась Скарлетт расточительным сумасбродством, наравне с надгробиями братьев Тарлтон;

она опять ощутила раздражение, как и на том семейном кладбище. Прошли те времена, когда можно было беззаботно сорить деньгами. Почему эти люди так держатся за обычаи прежних дней, если прежние дни давно миновали?

Но она поборолла в себе это мимолетное раздражение. Деньги не ее, и она не будет портить себе удовольствие от вечера досадой на людскую глупость.

Выяснилось, что жениха она хорошо знает: это был Томми Уэллберн из Спарты, в 1863-м она выхаживала его, он был ранен в плечо. Тогда это был видный молодой парень, за шесть футов ростом, забросивший изучение медицины ради службы в кавалерии. А сейчас он выглядел маленьким старичком – так согнуло его ранение в поясницу. Ходил он с трудом и при этом широко расставлял ноги, раскорякой, – по мнению тети Питти, «очень вульгарно». Но, кажется, он вообще не задумывался о своей внешности – то ли не знал, как это смотрится, то ли это его не трогало. Держался он как мужчина, который ни у кого не просит снисхождения. Надежду на продолжение медицинского образования он оставил и работал подрядчиком – собрал по контракту бригаду ирландцев и строил новый отель. Тяжело ему, наверное, справляться со столь обременительными обязанностями в таком состоянии, подумала Скарлетт, но спрашивать не стала, лишь криво усмехнулась про себя: нужда заставит – сделаешь и невозможное, она-то это знает.

Пока отодвигали мебель и расставляли стулья вдоль стен, освобождая место для танцев, Скарлетт стояла с Томми, Хью Элсингом и маленьким, юрким, как обезьянка, Рене Пикаром. Хью она видела последний раз в 1862 году, и с тех пор он не переменялся. Все тот же тонкий, чувствительный мальчик с непослушной прядью светло-каштановых волос, спадающих на лоб, и нежными, на вид неумелыми и какими-то бесполезными руками. А вот Рене изменился после той краткой побывки, когда он женился на Мейбл Мерривезер. Нет, конечно, галльский лукавый огонек еще горел в черных глазах, и креольского вкуса к жизни он явно не утратил, однако, при всей его легкости и смешливости, в лице проступила твердость, которой не было в начале войны. И теперь на нем не было умопомрачительной формы зуава, а вместе с нею исчез бесследно и вид надменной элегантности, присущий ему в ту пору.

– Щечки как розы, глазки как изумруды! – сказал он, целуя ей ручку и воздавая должное румянам, наложенным на лицо. Говорил он с французским акцентом, делая ударения в конце слов и путаясь с временами глаголов. – Красавица, как в первый раз, когда я вижу вас на базаре. Вы помните? Никогда не забывал, как вы швырк свое обручальное кольцо мне в корзину. Это было здорово! Смело! Но я и в мыслях не имел, что вы так долго будете ждать следующего кольца!

В глазах у него заплясали чертики, и он заехал локтем Хью под ребра.

– А я никак не думала, что вы станете водить фургон с пирогами, Ренни Пикар, – парировала Скарлетт.

Прилюдно уличенный в таком низменном занятии, Рене Пикар не только не устыдился, а раскатисто рассмеялся и хлопнул Хью по спине.

– Туше!⁵ – воскликнул он. – Моя бэль-мэр⁶, мадам Мерривезер, она меня заставила, это первая работа у меня в жизни, у меня, Рене Пикара, кому полагалось состариться, выращивая скаковых лошадей и играя на скрипке. И вот я вожу фургон с пирогами, и мне это нравится! Мадам бэль-мэр, она может заставить мужчину сделать все, что угодно. Ей следовало быть генералом, тогда бы мы выиграли войну, а, Томми?

«Отличная идея, – подумала Скарлетт. – Полюбить править фургоном с пирогами, после того как твои родные имели в своем владении миль десять земель вдоль Миссисипи и вдобавок большой дом в Новом Орлеане!»

---

⁵ Фехтовальный термин – укол (*фр.*).

⁶ Теща (*фр.*).

– Если бы в наших рядах были наши тещи, мы бы побили янки за неделю, – согласился Томми, следя глазами за тонкой фигуркой своей неукротимой, только что обретенной тещи. – Единственная причина, почему мы держались так долго, – это то, что за нами были наши женщины: они не желали сдаваться.

– Они бы и не сдались никогда, – поправил Хью и улыбнулся с гордостью, но как-то немного криво. – Здесь нет ни одной дамы, которая капитулировала, и не важно, как поступили их мужчины в Аппоматоксе. На них это сказалось много хуже, чем даже на нас. Мы-то хоть выходили из войны в сражениях.

– А они – в ненависти, – закончил Томми. – Эй, Скарлетт! Ведь это правда? Мужчины побеждены, а наших дам это затронуло во много раз сильнее, чем нас самих. Хью полагалось стать судьей, Рене – играть на скрипке перед коронованными особами Европы... – Он быстро отклонился в сторону, видя, что Рене нацелился дать ему тумака. – А я должен был стать врачом, но...

– Дайте нам время! – закричал Рене. – Я стану Принц Пирогов всего Юга! А ты, мой добрый Хью, ты будешь Король Растопки! А ты, Томми, будешь владеть ирландскими рабами вместо негров. Какие перемены – вот потеха! Ну а для вас чем это обернулось, мисс Скарлетт? И для мисс Мелли? Доить корову, убирать хлопок – все сами, да?

– Нет, конечно, – холодно ответила Скарлетт, неспособная разделить веселье, с которым Рене воспринимал тяготы жизни. – Это делают наши негры.

– Я слышал, мисс Мелли дала своему сыну имя Борегар. Передайте ей: я, Рене, очень одобряю и говорю, что, кроме Иисуса, нет имени лучше.

И хотя он улыбался, глаза загорелись гордостью при упоминании отчаянного храбреца, героя Луизианы.

– Ну почему же, есть еще Роберт Эдвард Ли, – заметил Томми. – Поверь, я не стараюсь принизить авторитет вашего Борегара, Старины Бо, но мой первый сын будет носить имя Боб Ли Уэллберн.

Рене засмеялся и пожал плечами.

– Я расскажу тебе шутку, но это правдивая история. И ты поймешь, что думают креолы про наш бравый Борегар и ваш генерал Ли. В поезде недалеко от Нового Орлеана едет человек из Виргинии, человек генерала Ли, и встречается он креола из армии Борегара. И вот человек из Виргинии говорит, говорит, говорит – как генерал Ли сделал то-то и как генерал Ли сказал то-то. А креол, он смотрит так вежливо и молчит. Потом морщит лоб, будто бы силится что-то вспомнить, улыбается и говорит: «Генерал Ли! Ах да! Теперь я понимаю! Это тот человек, о котором очень хорошо отзывался генерал Борегар».

Скарлетт старалась из вежливости присоединиться к общему смеху, но она не видела изюминки в этой истории; она поняла только одно: что креолы – такие же надутые индюки, как жители Саванны или Чарлстона. Кроме того, она считала, что сын Эшли должен носить имя своего отца.

Музыканты настроились, проиграли отрывками несколько мелодий и ударили «Старик Дэн Такер». Томми обернулся к ней:

– Хотите танцевать, Скарлетт? Я-то не смогу доставить вам удовольствия, но Хью или Рене...

– Нет, благодарю вас. Я еще в трауре по матери, – поспешно проговорила Скарлетт. – Я лучше посижу. – Она нашла глазами Фрэнка и кивнула ему, отвлекая от миссис Элсинг. – Я буду сидеть вон в той нише. Если вы принесете мне туда чего-нибудь освежающего, мы сможем славно поболтать, – сказала она Фрэнку, когда та тройца отошла от нее.

Он кинулся принести ей стакан вина и ломтик торта толщиной в бумажный лист, а она тем временем устроилась в угловой нише и тщательно расположила складки на юбках, так чтобы скрыть самые заметные пятна. Унизительные события утренней встречи с Реттом были

оттеснены за задний план и забыты; ее охватило радостное возбуждение – вокруг столько людей, и она вновь слышит музыку! Завтра она будет думать о поступке Ретта, о своем позоре и снова съжится от стыда. Завтра она будет прикидывать, какое впечатление произвела на Фрэнка, на его сердце, в которое сама же вселила боль и смутение. Но не сегодня. Сегодня вечером она расцвела, она живет, вся, до кончиков пальцев, все ощущения обострены надеждой, глаза ее искрятся и мерцают.

Из своей ниши она смотрела в большой, высокий зал, наблюдая за танцующими, и вспоминала, как прекрасна была эта гостиная в ее первый приезд в Атланту во время войны. Полы сияли, как стекло, а над головой висела люстра со множеством свечей и сотнями хрустальных висюлек-призм; они ловили и отражали каждый лучик, и яркие зайчики света прыгали повсюду, как от бриллианта; пламя и сапфиры – вот что такое был тогда этот зал. Лики на старых портретах по стенам, исполненные величия и благородства, взирали на гостей с видом радушных хозяев. Здесь были диванчики розового дерева, мягкие и манящие, а одна софа, самая большая, полукруглая, была установлена на почетном месте, в той самой нише, где сейчас сидела Скарлетт. Это было ее любимое местечко на вечерах. С этой точки открывался превосходный вид на парадную гостиную и расположенную дальше столовую: виден был овальный стол на двадцать персон, изящные узкие тонконогие стулья скромно стояли у стен, массивный буфет и стойка ломились под тяжестью серебра, канделябров о семи рожках, разнообразных бутылочек, соусников, графинов, бокалов и маленьких сверкающих стаканчиков. В первый год войны Скарлетт частенько сживала на этой софе, всегда с каким-нибудь красивым офицером, и слушала сладкоголосую скрипку и густой рев контрабаса, аккордеон и банджо... И как волнующе действовали на нее ритмичные звуки ног, скользящих в танце по навощенному, отполированному до зеркального блеска паркету!

Теперь же люстра висела темная. Она перекосилась набок, большая часть висюлек была побита – такое впечатление, что янки, занимавшие дом, сделали эту красоту мишенью для своих сапог. Зал освещался масляной лампой, несколькими свечами да ревушим огнем в широкой пасти камина. В неровном свете видно было, как непоправимо изуродованы полы – тусклый старинный паркет был исцарапан и местами выщерблен, на растопку, что ли? На выцветших обоях остались сохранившие первоначальный цвет прямоугольники – свидетельства того, что здесь раньше висели портреты, а широко разбежавшиеся трещины в штукатурке напоминали о том дне во время осады, когда снаряд попал прямо в дом и снес часть крыши и второго этажа. Солидный стол красного дерева, уставленный графинами и блюдами с пирожными, по-прежнему главенствовал в заметно опустошенной столовой, но и он был поцарапан, а отбитые ножки хранили следы грубой, топорной починки. Стойка, серебро, высокие изящные стулья – все исчезло. Отсутствовали и тяжелые шелковые драпри цвета тусклого золота, прикрывавшие арочные французские окна в дальнем конце комнаты. Остались только кружевные занавеси, чистые, но явно сшитые из кусков и кое-где подштопанные.

На месте полукруглой софы, которая ей так нравилась, стояла твердая скамья, далеко не уютная. Скарлетт устроилась на ней со всей возможной грацией, жалея, что юбки для танцев совершенно не годятся. А как было бы хорошо – опять потанцевать! Впрочем, с Фрэнком в этой уединенной нише она сумеет достичь большего, чем в захватывающей дух кадрили; она будет восхищенно слушать его рассуждения и подбадривать его на еще большие полеты глупости.

Да, но как манила музыка! Ее туфелька сама собой притопывала в такт с широкой, расплющенной ступней старого Леви, который наяживал на банджо и объявлял фигуры кадрили. Двойная линия танцующих сходилась, расходилась, закручивалась спиралью, взлетали и топали ножки, руки сплетались арками.

Старик Дэн Такер колобродил
(партнеры кружат друг друга)!

Упал в камин, чурбан подбросил
(леди, легкие прыжки)!

После тоскливых, изматывающих месяцев в «Таре» так отрадно было вновь услышать музыку, ловить движения ног в танце, видеть вновь знакомые дружелюбные лица, смеющиеся в зыбком свете, дразнящие, задорные, кокетливые, приятно вспоминать старые шутки и модные словечки. Все равно что вернуться в жизнь после смерти. Почти казалось, что светлые дни пятилетней давности наступили снова. Почти... Если бы еще закрыть глаза и не видеть изношенных, перелицованных платьев, старых стоптанных сапог и побывавших в починке туфель; если бы в памяти не всплывали постоянно лица мальчиков, которых здесь нет и не будет, то можно было бы подумать, что почти ничего не переменялось. Но она не закрывала глаз, она смотрела – и видела стариков, сбившихся в кучку около графина в столовой, видела матрон, тихонько переговаривающихся у стен, неловко прикрывая рты руками без вееров; видела юных резвых танцоров – и внезапно к ней пришло осознание, холодное и пугающее, что все переменялось, и переменялось так сильно, словно перед нею не давно знакомые лица, а призраки.

На вид – те же самые люди, но они были совсем другими. В чем же дело? Только ли в том, что они стали на пять лет старше? Нет, тут нечто большее, чем просто течение времени. Что-то ушло из них, из всего их мира. Пять лет назад они жили в атмосфере спокойствия и неизблемости, которая окутывала их так мягко и бережно, что они и знать не знали об этом. Они просто цвели в своей теплице. Все это ушло, унеслось в пропадающую даль, а вместе с теплом и уютом тех дней исчезло и трепетное ощущение чего-то радостного и волнующего, что ждет тебя где-то рядом, да вот прямо за этим углом. Пропала былая беспечная роскошь их жизненного уклада.

Скарлетт знала, что тоже изменилась, но не так, как они, и это ее озадачивало. Она сидела, наблюдала за ними и чувствовала себя в их среде иностранкой, настолько им чуждой и одинокой, словно явилась с другой планеты, где говорят на другом языке, которого они не понимают, как и она не понимает, о чем говорят они. Странно, что точно такое же чувство она испытывала рядом с Эшли. С ним и с людьми его типа – а в ее мире они составляли большинство – она чувствовала себя изгоем, она была за пределами... чего? – некоего магического круга? Этого она не могла постичь.

Лица их изменились мало, а манеры и вовсе нет, но ей казалось, что это и все, что осталось от ее давних знакомых. Нестареющее достоинство, не подверженная времени галантность – это было им присуще и теперь, и пребудет с ними до конца дней. Но и вселенскую горечь им тоже придется нести в себе до могилы, горечь столь глубокую, что ее нельзя излить в слова. Они разговаривали мягко, но могли и вспылить, они устали, они потерпели поражение, но ничего не хотели знать об этом, подрубленные под корень, но твердо решившие стоять прямо, раздавленные и беспомощные граждане завоеванной провинции. Они смотрели на землю, которую любили, видели, как топчет ее враг, как мошенники превращают закон в посмешище, их бывшие рабы несут угрозу, мужчин лишают гражданских прав, женщин оскорбляют. И они не забывают родных могил.

В их старом мире переменялось все – но не традиции. Они продолжают вести себя так, как привыкли, должны продолжать. Они продолжают крепко держаться понятного и привычного – того, что больше всего любили в прежние дни. Манеры праздных людей, приятная непринужденность в общении и самое главное – поза изысканной учтивости и покровительства по отношению к женщинам. Верные традиции, в которой были воспитаны, мужчины были подчеркнута вежливы, почтительны, нежны и почти преуспели в создании тепличной атмосферы для своих дам, оберегая их от всего того, что, по их мнению, было не для женских глаз. Скарлетт считала это верхом нелепости, поскольку теперь уж очень мало осталось такого, чего не

видели и не узнали женщины за последние пять лет. Они ухаживали за ранеными, закрывали глаза покойникам, они выстрадали войну, пожары и разруху, познали ужасы бегства и голода.

Но не важно, какие зрелища представляли их глазам, не важно, что им приходилось справляться с немислимо тяжелыми задачами, – они все равно леди и джентльмены, коронованные особы в изгнании, они такими и останутся – с горечью в душе, одинокие, замкнутые, любезные друг к другу, твердые, как алмаз, блестящие и хрупкие, как хрусталь из разбитой люстры над головой. Прежние времена ушли, но эти люди будут жить по-своему, как будто и не знают, что времена изменились: чарующе медлительные, ленивые, они ни в коем случае не станут кидаться в общую свалку и драться, как янки, ради пенсов, они определенно решили не расставаться ни с одной из привычек старого уклада.

Да, Скарлетт очень изменилась. Иначе она не сумела бы сделать того, что сделала с тех пор, как последний раз была в Атланте; иначе не обдумывала бы сейчас тот шаг, на который решилась с отчаяния, и надеялась, что все у нее получится. Она была тверда, но это была другая твердость, не та, что у них. А в чем заключалась разница, она не могла бы точно сказать. Может быть, в том, что для нее не существовало ничего, на что она не могла бы пойти, а для них, наоборот, существовала уйма вещей, которые они не совершили бы ни при каких обстоятельствах – лучше умереть. А возможно, разница состояла в том, что они уже утратили всякую надежду, но по-прежнему улыбались жизни, изящно с нею, с жизнью, раскланивались – и пусть себе идет мимо. А этого Скарлетт себе позволить не могла.

Не могла она игнорировать жизнь. Ее надобно прожить, и нечего даже пытаться улыбками навести глянец на ее ухабы: жизнь повернулась к ней самой своей грубой и враждебной стороной. Скарлетт не усматривала ничего привлекательного в неуступчивой гордости и показной стойкости своих друзей. Она видела только глупую надменность, которая свысока взирает на явления жизни, улыбается и отказывается посмотреть им в лицо.

Уставив неподвижный взгляд в танцоров, раздумывавшихся от кадрили, она удивлялась: неужели события никогда не загоняли их в угол, не ставили в тупик, как произошло с ней? Ведь все это было – погибшие возлюбленные, искалеченные мужья, вечно голодные дети, ускользающая из рук земля, чужаки, вьющие себе гнездо под твоим родным кровом. Да, конечно, беды преследовали всех и многие бывали в безвыходном положении. Обстоятельства их жизни известны ей досконально, почти как свои. Их потери – это и ее потери, их лишения – это ее лишения, и проблемы у них те же, что у нее. Просто у них иное восприятие. Лица, мелькающие перед ней в зале, – это и не лица вовсе, это маски, отличные маски, которые вообще не снимаются.

Но если они, подобно ей, столь же остро зажаты в тиски жестоких обстоятельств – а так оно и есть, – то как им удастся делать вид, что им весело и легко на сердце? Это было уже за пределами понимания и вызывало смутное раздражение. Она не смогла бы так. Она бы не сумела пережить крушение своего мира с таким видом, будто это ее не касается. К ней больше подходит другой образ: так загнанная лисица со всех ног бежит к своей норе, сердце вот-вот выскочит, но ей надо, надо успеть добежать и нырнуть в нору, прежде чем собаки ее настигнут.

И неожиданно все вокруг стали ей ненавистны – потому, что отличались от нее, потому, что несли свои потери с такой миной, какой она не могла бы напустить на себя, да и не хотела. Все стало ей противно – эти улыбочивые, легконогие незнакомцы, горделивые дураки, которые кичатся утраченным прошлым. Такое впечатление, что они гордятся даже самим фактом потери. Женщины держатся, как подобает леди, они и есть леди, хотя мужская работа сделалась их каждодневной повинностью, и они представления не имеют, где, откуда, на какие деньги достать новую одежду взамен этого изношенного тряпья. Все кругом – сплошные леди! Но она-то не может почувствовать себя леди, несмотря на свой бархат и надушенные волосы, несмотря даже на то, что она настоящая леди по праву рождения – ведь она происходит из знатной и когда-то богатой семьи. Грубое соприкосновение с красной землей «Тары» счистило с нее всю

знатность, и она понимала, что не почувствует себя снова леди до тех пор, пока ее стол не будет ломиться от серебра и хрусталя, от обилия аппетитных, ароматных яств, пока в конюшне у нее не появятся собственные лошади с экипажами, а хлопок в «Таре» будут собирать черные, а не белые руки.

«Да, в этом-то и разница! – подумала она, сопя от злости. – Они даже в бедности чувствуют себя дамами, а я нет. Эти тупицы, кажется, не в силах понять, что ты не можешь быть леди без денег!»

Сквозь вспышку бунтарского гнева она смутно осознавала, что, возможно, при кажущейся глупости, они все же занимают верную позицию. Эллен считала бы именно так. Это беспокоило Скарлетт. Она знала, что следовало бы разделять чувства и убеждения этих людей, но не могла. Она знала, что следует принять безоговорочно, как приняли они: леди по происхождению всегда останется леди, пусть даже доведенная до нищеты. Но сейчас она не могла заставить себя поверить в это.

Всю жизнь она слышала презрительные насмешки над янки, потому что их претензии на благородство базировались на богатстве, а не на родовитости. Но в этот момент, хоть это и было крайне неприятно, она ничего не могла поделать с мыслью, что как раз в этом отношении янки были абсолютно правы – только в этом, а в остальном совсем наоборот. Быть леди – это требует денег. Эллен, ясное дело, упала бы в обморок, услышь она такие слова от собственной дочери. Эллен не считала, что это стыдно, позорно – оказаться в бедности, даже в нищете. А Скарлетт было именно стыдно. Она стыдилась того, что бедна, что доведена до такой нужды, что должна всячески изворачиваться и выполнять работу, которую следует делать неграм.

Она раздраженно передернула плечами. Может быть, эти люди правы, а она нет, но все равно – эти гордые глупцы не смотрят вперед, а вот она смотрит, у нее все нервы натянуты, она рискует честью и добрым именем, чтобы вернуть то, что они утратили. Многие считают ниже своего достоинства включиться в драку из-за денег, а времена-то настали жестокие и грубые, и тот, кто хочет побеждать, обязан принять вызов на жесткую и грубую борьбу. Скарлетт знала, что фамильная традиция заставляет многих уклоняться от борьбы, поскольку ее целью общепризнанно считаются деньги. Все здесь полагают крайне вульгарным зарабатывать деньги и даже говорить о деньгах. Правда, есть исключения. Миссис Мерривезер со своей пекарней и Рене, который правит фургоном с пирогами. Хью Элсинг рубит и продает дрова, Томми – подрядчик на стройке. У Фрэнка хватило практической сметки открыть лавку. Ну а в массе своей что они будут делать? Плантадоры вцепятся зубами и когтями в жалкие оставшиеся акры и будут прозябать в бедности. Адвокаты и врачи вернуться к практике и будут ждать клиентов, которые неизвестно еще, придут ли. А остальные, те, что привыкли жить на доходы и проводить дни свои в лени и праздности? Что станет с ними?

Но она не собирается всю жизнь мириться с нуждой. Не будет она сидеть сложа руки и терпеливо ждать чуда. Она ворвется в жизнь и сама отвоюет все, что сможет. Ее отец начинал бедным мальчишкой-иммигрантом и выиграл обширные земли «Тары». А раз он сумел, его дочь сумеет тоже. Она не похожа на этих людей, которые поставили все на какое-то, видите ли, Дело; его больше нет, этого их Дела, а они довольствуются гордостью за свою потерю – ведь такое стоило любых жертв! Они черпают свое мужество из прошлого, а она – из будущего. На данный момент ее будущее – это Фрэнк Кеннеди. По крайней мере, у него есть лавка и наличные деньги. Вот только бы женить его на себе и наложить свои ручки на эти денежки – и все, она спокойно сможет сводить концы с концами у себя в «Таре» весь следующий год. А потом Фрэнк должен купить лесопилку. Скарлетт представила себе, как быстро отстраивается город: действительно, тот, кто будет иметь дело с лесоматериалами, при такой-то малой конкуренции, будет владеть золотой жилой! Откуда-то из дальних закоулков сознания вдруг выплыли слова Ретта, сказанные в первые годы войны, что он сделал деньги на блокаде. В то время она не дала себе труда вникнуть в их смысл, зато теперь они показались совершенно ясными, и она недо-

уменно спрашивала себя, что же помешало ей тогда оценить их по достоинству – молодость или просто глупость?

«Большие состояния делаются на крушении старой цивилизации, равно как и на рождении новой» – примерно так говорил Ретт. Вот оно, то самое крушение, которое он предвидел. И он был прав, думала Скарлетт. Как раз сейчас любой может сделать состояние, если не боится работать... или хапать.

Увидев Фрэнка, идущего к ней через зал со стаканом ежевичного вина в руке и с крошечным кусочком торта на блюдечке, она тотчас мило заулыбалась. Она не задавалась вопросом, а стоит ли «Тара» того, чтобы выйти за Фрэнка. Она знала, что «Тара» того стоит, и никогда не задумывалась по второму разу об одном и том же.

Она потягивала вино и улыбалась Фрэнку, зная прекрасно, что румянец у нее на щеках ничуть не бледнее, чем у танцоров. Переместив свои юбки, чтобы дать ему сесть рядом, она вынула из саше платочек и теперь небрежно им обмахивалась: легкий аромат одеколона должен был достигь его носа. Она очень была довольна одеколоном, потому что больше ни одна женщина во всем доме не догадалась надушиться, и Фрэнк это заметил. В порыве храбрости он прошептал ей на ушко, что она свежа, румяна и благоуханна, как роза.

Если бы не эта его робость! Он напоминал ей старого, боязливого полевого кролика. Ему бы галантности и страсти братьев Тарлтон или пусть бы даже наглой напористости Ретта Батлера! Хотя нет: если бы он обладал этими свойствами, то, вероятней всего, у него хватило бы ума разглядеть отчаяние, скрываемое трепетом скромно опущенных ресниц. Впрочем, если он и заметил, это ничего не меняло: он плохо разбирался в женщинах и даже подозревать не мог, что она задумала. В этом смысле ей, конечно, повезло, но авторитета ему в ее глазах не прибавило.

Глава 36

Две недели спустя она вышла замуж за Фрэнка. Период ухаживания пролетел молниеносно, и она, краснея, призналась ему, что у нее дух захватывает от накала его страсти и она не в силах противостоять ему дольше.

Он не знал, что эти две недели она по ночам вышагивала у себя в комнате, скрипя зубами от его медлительности. Не помогали ни намеки, ни поощрения. Она молилась, как бы он не получил неожиданного письма от Сьюлен, и благодарила Бога, что сестра у нее совсем не мастер вести переписку: ей нравится получать письма, но противно писать их. Однако нельзя исключать никаких случайностей, они существуют всегда... И Скарлетт продолжала терзаться долгими ночными часами, шлепая из конца в конец холодной спальни и плотно завернувшись поверх ночной рубашки в старую шаль Эллен. Фрэнк не ведал о том, что она получила лаконичное письмо от Уилла с сообщением о новом визите Джонаса Уилкерсона в «Тару»; узнав, что Скарлетт уехала в Атланту, Джонас так разбушевался, что Уиллу с Эшли пришлось вытолкать его взащей. Своим посланием Уилл вбивал ей в голову мысль, которая и без того не оставляла ее ни на минуту: что последний срок уплаты дополнительного налога приближается с устрашающей быстротой. Она понимала, что драгоценные дни ускользают, и порой в приступе дикой ярости ей хотелось схватить песочные часы и держать их так, чтобы песчинки прекратили свой невидимый бег.

Однако свои подлинные чувства она скрывала так хорошо, а свою роль играла так искусно, что Фрэнк ни о чем не догадывался; он видел лишь то, что лежит на поверхности, и не более. Хорошенькая, милая вдова Чарлза Гамильтона, такая юная и незащищенная, принимает его каждый вечер в гостиной мисс Питтипэт и внимает ему, едва дыша от восхищения, а он рассказывает ей, какие у него виды на будущее лавки и сколько денег принесет ему лесопилка, когда он будет в состоянии купить ее. Ее сочувственный интерес к каждому его слову, ясно читаемый в широко раскрытых, светлых, сияющих глазах, проливался бальзамом на рану, нанесенную предполагаемым отступничеством Сьюлен. Он страдал; его самолюбие, робкое, мнительное самолюбие старого холостяка было глубоко уязвлено. Он не мог написать Сьюлен и укорить ее за неверность – сама мысль об этом повергала его в трепет. Но он мог облегчать душу в разговорах о ней со Скарлетт. Ни единым словом не предавая Сьюлен, она сумела внушить ему, что понимает, как дурно обошлась с ним ее сестра и что он заслуживает самого лучшего отношения со стороны женщины, которая оценит его по достоинству.

Какое чудо эта розовощекая крошка, миссис Гамильтон! Порой она меланхолически вздыхала, задумываясь о превратностях судьбы, но тут же и заливалась серебристым смехом, мелодичным, как звон колокольчиков, когда Фрэнк позволял себе немного пошутить, стремясь вызвать в ней оживление. Ее зеленое платье (Мамми теперь уж совсем его отчистила) превосходно обрисовывало стройную фигурку с тонюсенькой талией. А как чарующе притягателен был этот легкий аромат, что всегда витал вокруг ее платочка и безукоризненно уложенных волос! Просто стыд, что этой прелестной малышке приходится жить одинокой и беспомощной в окружении настолько грубом и опасном, что она даже не понимает всей его жестокости. И нет ни мужа, ни брата, а теперь и отца, чтобы оберегать ее. Фрэнк считал этот мир слишком грубым местом для одинокой женщины, и Скарлетт молчаливо, но всем сердцем старалась укрепит его в этой мысли.

Он заходил к ним каждый вечер, потому что атмосфера в доме Питти была приятной и успокаивающей. Открывая ему дверь, Мамми улыбалась ему особой улыбкой, зарезервированной для самых почетных гостей, Питти сервировала ему кофе с капелькой бренди и все порхала, порхала вокруг него, а Скарлетт с восторгом ловила каждое слово, что он изрекал. Иногда после обеда он брал с собой Скарлетт, когда выезжал по делам в своем кабриолете.

Эти прогулки приносили ему радость несказанную, потому что она задавала массу глупейших вопросов, «так по-женски», говорил он себе, одобрительно на нее поглядывая. Он не мог удержаться от смеха, видя ее полное невежество в деловых отношениях, и она смеялась тоже и оправдывалась:

– Ну и что же, вы ведь не могли ожидать, чтобы женщина, да еще такая глупышка, как я, разбиралась в мужских делах.

До сих пор он жил старой девой, и вот впервые она заставила его почувствовать себя мужчиной, сильным, стойким, уверенным в себе мужчиной, которого Господь соорудил из более благородного материала, нежели остальных: он создан, чтобы оберегать глупеньких, беспомощных женщин.

Когда же они встали наконец перед алтарем и ее маленькая рука доверчиво легла ему на руку, опущенные долу ресницы отбрасывали густую тень на пунцовые щеки, он все еще не понимал, как это произошло. Только одно он знал – что впервые в жизни совершает нечто романтическое и необыкновенно волнующее. Он, Фрэнк Кеннеди, увлек это восхитительное создание и взял в свои крепкие руки. Это было главное чувство.

Ни друзья, ни родные не стояли рядом с ними во время бракосочетания. Свидетелями были незнакомцы, позванные с улицы. На этом настояла Скарлетт, и он согласился, правда против желания. Ему хотелось бы, чтобы в такой момент рядом были сестра и зять из Джонсборо. И прием в гостиной мисс Питти, с тостами в честь новобрачной, в кругу счастливых друзей его бы очень порадовал. Но Скарлетт и слышать не хотела даже о присутствии мисс Питти.

– Только мы двое, Фрэнк, – лепетала она, сжимая его руку. – Как будто мы сбежали. Мне всегда хотелось убежать и обвенчаться тайно. Пожалуйста, сердце мое, ради меня!

Такое интимное словечко, совсем еще новое для его слуха, вкупе со сверкающими озерными слез, готовыми перелиться через край из прозрачно-зеленых, умоляющих глаз, не могло не одержать победу. В конце концов, мужчина обязан идти на уступки, особенно на свадьбе, ведь женщины придают громадное значение всяким сентиментальным штучкам.

И, не успев опомниться, он стал женатым человеком.

Фрэнк выдал ей триста долларов, смущенный ее нежной настойчивостью и поначалу упираясь, так как это означало конец его надеждам приобрести лесопилку безотлагательно. Но не мог же он спокойно смотреть, как ее семью выселяют из родного дома! Впрочем, его разочарование быстро таяло в лучах ее счастья, а потом и вовсе исчезло, когда она своей любовью с лихвой «воздала» ему за щедрость. У Фрэнка раньше не бывало женщины, которая «воздавала бы ему с лихвой», и он пришел к убеждению, что деньги в конце концов потрачены не зря.

Скарлетт командировала Мамми в «Тару» без промедления и с тройной целью: отдать деньги Уиллу, объявить о ее браке и привезти Уэйда в Атланту. Через два дня Уилл прислал ей короткую записку, которую она всюду носила с собой, при каждом случае читая и перечитывая со все возрастающей радостью. Уилл сообщал, что налоги уплачены, а Джонасу Уилкерсону, когда он узнал об этом, было «здорово паршиво», но с новыми угрозами он пока не выступал. Заканчивалось письмо пожеланием ей счастья – лаконичной формулой без комментариев. Скарлетт стало ясно, что Уилл все понял – и что она сделала, и почему она это сделала, и он не винит ее, но и не хвалит. «А Эшли? Что должно прийти в голову Эшли? – метались в голове беспорядочные мысли. – Вот как он должен обо мне думать после всего того, что я наговорила ему там, в саду, и совсем недавно?»

Получила она письмо и от Сьюлен – безграмотное, написанное неразборчивыми каракулями, оскорбительное, закапанное слезами, полное яда и таких точных наблюдений относительно характера старшей сестры, что Скарлетт никогда не смогла бы ни забыть, ни простить

ей этого. Но даже мерзкие слова Сьюлен не в силах были омрачить ее счастья: «Тара» спасена, «Таре» ничто не угрожает, по крайней мере в ближайшем будущем.

Но было почти непостижимо, как это может быть, что теперь Атланта, а не «Тара» станет ее постоянным домом. В отчаянном стремлении достать налоговые деньги она забыла обо всем на свете, мысли ее были только о «Таре», о судьбе, ожидавшей родное гнездо. Даже в момент заключения брака не мелькнула мысль, что ценой, которую она платит за спасение «Тары», будет вечное изгнание. Теперь, когда дело было сделано, к ней пришло полное осознание этого факта – пришло и накрыло тяжелой волной тоски по дому. Но что ж теперь барахтаться. Она заключила сделку и намерена соблюдать ее условия. И она была так благодарна Фрэнку за спасение «Тары», что даже почувствовала к нему горячую нежность и столь же горячую решимость не допустить, чтобы он когда-нибудь пожалел о своей женитьбе.

Дамы Атланты были сведущи в делах соседей, как в своих собственных – разве только чуточку меньше. Им всем было известно, что у Фрэнка Кеннеди уже несколько лет как установилось «взаимопонимание» со Сьюлен О’Хара. Да что там, он даже признавался застенчиво, что весной у них ожидается свадьба. Поэтому ничего удивительного, что сразу за объявлением о его тихой женитьбе на Скарлетт последовал настоящий вал слухов, сплетен, догадок и далекоидущих подозрений. Миссис Мерривезер, которая никогда не оставляла надолго свое любопытство неудовлетворенным, если могла как-то ему помочь, спросила Фрэнка открытым текстом, что бы это значило и с какой стати он женился не на той сестре, с какой был помолвлен. Она доложила миссис Элсинг, что в ответ на свои терзания получила лишь глупый взгляд и тупое молчание. Но со Скарлетт сама даже миссис Мерривезер – уж на что отважная душа – не осмеливалась даже близко подойти к этому предмету. Скарлетт казалась в те дни довольно славной и скромной, только по глазам было заметно, что ей хорошо и она собой довольна, а это, сами понимаете, действует на людей раздражающе. И еще было заметно, что она набросила на плечи кольчугу, всю в острых шипах. В общем, ни у кого не возникло желания ее задевать.

Она знала, что вся Атланта обсуждает и осуждает ее, но не волновалась по этому поводу. В самом деле, что такого безнравственного в том, чтобы выйти замуж. «Тара» в безопасности. А люди пусть говорят. У нее и без того много забот. Самое главное – как бы потактичнее внушить Фрэнку, что его лавка должна приносить больше дохода. После того как она натерпелась страха от Джонаса Уилкерсона, ей не будет покоя до тех пор, пока у них с Фрэнком не наберется приличная сумма про запас. Даже если не произойдет ничего непредвиденного, Фрэнку все равно необходимо зарабатывать больше, чтобы она могла скопить достаточно на налоги будущего года. Кроме того, у нее засело в голове, что там Фрэнк говорил насчет лесопилки. На этом Фрэнк мог бы сделать кучу денег. Любой бы смог, при нынешних-то ценах на древесину. И она безмолвно мучилась, потому что денег Фрэнка не хватило сразу на два дела – на налоги и покупку лесопилки. Нет, он должен, обязан каким-то образом выжать из лавки больше денег, и сделать это быстро, пока кто-нибудь более расторопный не выхватил ее у них из-под носа. Она понимала, что это – очень выгодная сделка.

Будь она мужчиной, она бы уже имела эту лесопилку: можно ведь заложить лавку, чтобы добрать денег. Но когда она осторожно намекнула на такую возможность Фрэнку, а было это через день после свадьбы, он только улыбнулся и велел ей не забивать свою хорошенькую головку деловыми материями. Для него явилось сюрпризом уж то, что она знала такое слово – «залог», и сначала он умилился и немало позабавился. Но снисходительное умиление прошло быстро и сменилось настоящим шоком, который ему пришлось испытать в первые же дни супружеской жизни. Однажды по оплошности он сказал ей, что «люди» (в отношении имен он всегда был крайне осмотрителен) – некие «люди» задолжали ему и до сих пор не отдают, а он, естественно, не желает на них давить: это же старые друзья и вполне уважаемые горожане. Фрэнк почти сразу пожалел, что упомянул об этом, потому что она тотчас стала доносить его вопросами и в последующие дни не отступалась. При этом у нее была совершенно

неотразимая, по-детски прелестная мордашка, и она лепетала, что ей ужасно любопытно – ну, просто любопытно знать, кто именно ему должен и сколько. Фрэнк вел себя очень уклончиво – нервически покашливал, махал руками и назойливо повторял свою репризу насчет славной, хорошенькой головки.

И тут до него начало доходить, что вот эта самая «славная, хорошенькая головка», оказывается, очень сильна в цифрах и расчетах – настоящая «голова». Честно признаться, много сильнее, чем его собственная, и это почему-то его обеспокоило. Он был как громом поражен, обнаружив, что она может скоренько складывать в уме длинные колонки цифр, в то время как ему требовался карандаш и бумага, если чисел было больше трех. Дробь вообще не представляли для нее никаких трудностей. А он нюхом чуял: что-то не так, что-то неправильно устроено в женщине, понимающей дробь и бизнес. Он полагал, что раз уж ей выпало такое невезение – иметь отнюдь не женские способности, то ей следует хотя бы притвориться, что их нет. Теперь ему разонравилось обсуждать с ней свой бизнес, а ведь какое наслаждение доставляли ему эти разговоры до женитьбы! Тогда он считал, что все это за пределами ее умишка, и было приятно объяснять ей, что к чему. Теперь же он увидел, что она все прекрасно понимала, даже чересчур, и чисто по-мужски вознегодовал на женскую двуличность. Добавилось и еще одно обычное мужское огорчение: он утратил иллюзии, открыв, что женщина имеет мозги.

В начале семейной жизни Фрэнк узнал и про обман, к которому прибегла Скарлетт, чтобы выйти за него, но когда и от кого именно, осталось неизвестным. Может быть, свет правды забрезжил для него, когда Тони Фонтейн, раскованный и свободный, явно своей свободой дороживший, приехал в Атланту по делам. А может быть, об этом написала ему в более прямой форме сестра из Джонсборо – она буквально остолбенела при известии о его браке. Точно, что узнал он не от самой Сьюлен. Она ему не писала, а он, естественно, просто не смог бы написать ей и что-то объяснить. Да и что теперь толку в объяснениях, когда он женат? Фрэнк мучился в душе при мысли, что Сьюлен так и не узнает правды и всегда будет считать, что он бесовестно ее завлек и бросил. Наверное, все вокруг тоже так думают и осуждают его. Он оказался в самом нелепом положении. И нет способа обелить себя: мужчина не может ходить и рассказывать всем подряд, что потерял голову из-за женщины... и не может джентльмен предать гласности тот факт, что его супруга заманила его в ловушку с помощью лжи.

Скарлетт – его жена, а жена вправе полагаться на мужа – он ее не предаст. Кроме того, он не мог заставить себя поверить, что она вышла за него по холодному расчету, совсем не питая к нему нежности. Его мужское самолюбие не допускало, чтобы подобные мысли застредали в голове надолго. Гораздо приятнее было думать, что она вынуждена была пойти на обман, потому что влюбилась в него внезапно и неодолимо. Но это все-таки очень уж странно. Фрэнк понимал, что он невелика добыча для женщины вдвое его моложе, к тому же блистательной красавицы. Но Фрэнк был джентльмен и умел держать свои сомнения при себе. Скарлетт – его жена, нельзя же оскорблять ее неуместными и неловкими вопросами, которыми все равно ничего не поправишь.

Да Фрэнк не особенно и стремился исправлять положение дел: судя по всему, его брак должен быть счастливым. Скарлетт была самой обворожительной и волнующей из женщин, и он все в ней находил превосходным – кроме непобедимого упрямства. В первые же дни супружества Фрэнк усвоил, что жизнь может быть очень приятной, если дать Скарлетт поступать по-своему; но вот попробуй ей воспротивиться...

Получив полную волю, Скарлетт становилась весела и шаловлива, как ребенок, смеялась по всякому поводу и просто так, устраивала глупейшие, безобидные розыгрыши, садилась к нему на колени и теребила бороду до тех пор, пока он не поклянется, что чувствует себя на двадцать лет моложе. Она умела быть необыкновенно милой и заботливой: ставила у огня домашние туфли к его приходу, поднимала нежную суматоху из-за промокших ног и вечного

насморка, помнила, что он любит куриные потроха и три ложечки сахара в кофе. Да, жить со Скарлетт было уютно и приятно – сплошное удовольствие, пока ей не перечишь.

Когда их супружеству исполнилось две недели, Фрэнк заразился гриппом, и доктор Мид уложил его в постель. В первый год войны Фрэнк два месяца провалялся в госпитале и с тех пор трясся от ужаса перед рецидивом, так что он даже рад был полежать в постели, попотеть под тремя одеялами и отпиваться горячими отварами из каких-то травок, которыми каждый час пичкали его Мамми и тетя Питти.

Болезнь затягивалась, и с каждым днем Фрэнк все сильнее тревожился за свою лавку. Пока он болел, за все дела отвечал приказчик. Ежевечерне он являлся к хозяину домой и докладывал о сделках за день, но Фрэнка это не удовлетворяло. Он весь издергался, и в конце концов Скарлетт положила ему на лоб свою прохладную ладонь и сказала:

– Ну, все, душа моя, ты меня рассердишь, если и дальше будешь так себя изводить. Я сейчас же иду в город и посмотрю, как у нас там обстоят дела. – И она удалилась, мило улыбаясь в ответ на его слабые протесты. Целых три недели своего нового замужества она сгорала от желания заглянуть в его бухгалтерские книги и точно уяснить себе, что у него там с деньгами. Какая удача, что он прикован к постели!

Лавка стояла вблизи Пяти Углов, сверкая новой крышей над закопченным кирпичом старых стен. Над тротуаром до самого угла улицы тянулись деревянные навесы, их стойки соединялись металлическими перекладинами, и к ним были привязаны лошади и мулы. Вид довольно жалкий: под холодной моросью животные стояли понуриив головы, на спины им вместо попон были наброшены рваные одеяла. Внутри лавка была очень похожа на магазин Булларда в Джонсборо, с той лишь разницей, что вокруг ревушей, докрасна раскаленной печки не толклись бездельники, поигрывая ножами и сплевывая длинные струи табачной слюны в ящик с песком. Помещение было больше, но гораздо темнее: деревянные навесы почти не пропускали скудный зимний свет, и внутри было сумрачно, ничего не разглядишь. Струйки света просачивались только сквозь маленькие, засиженные мухами оконца в боковой стене под потолком. Пол был посыпан грязными опилками, да и везде было грязно и пыльно. В передней части лавки соблюдалось хоть какое-то подобие порядка. Высокие стеллажи поднимались в унылую полутьму, заваленные, заставленные товаром – рулонами яркой материи, посудой, кухонной утварью, разной галантерейной мелочью. Но в глубине, за перегородкой, царил хаос.

Здесь полов не было вообще, просто утрамбованная земля, и прямо на земле были сложены как попало приготовленные к продаже запасы. В слабом свете лампы Скарлетт увидела груды ящиков и мешков, плуги, седла, упряжь, простые сосновые гробы. Дальше стояла бывшая в употреблении мебель – от самой дешевенькой до полированной, красного и розового дерева. Богатая, хоть и потертая парча, набивка из конского волоса – вся эта былая роскошь смотрелась совсем неуместно в грязном сарае. На земляном полу стояли вперемешку фарфоровые ночные горшки, наборы кувшинов, вазы, а вдоль стен – емкие, глубокие ящики, что в них – не разобрать в потемках. Скарлетт поднимала поочередно над каждым лампу и обнаружила в одном семена, в другом – шурупы и гвозди, дальше – плотничий инструмент.

«Я бы подумала, что такая придирчивая старая дева, как Фрэнк, ведет свое хозяйство аккуратнее, – ворчала про себя Скарлетт, оттирая руки носовым платком. – Развел свинарник. Как можно содержать лавку в таком виде? Да если б он хоть пыль смахнул и выставил напоказ, что у него там в свалке, торговля сразу бы оживилась. Но раз у него товары в таком состоянии, то что же должно быть со счетами? Надо сейчас же просмотреть бухгалтерские книги», – решила Скарлетт и, подняв лампу, вышла в переднее помещение.

Вилли, приказчик, крайне неохотно выдал ей пухлый, захватанный гробсбук. Очевидно, несмотря на молодые лета, он уже вполне разделял мнение своего хозяина, что женщина и бизнес – две вещи несовместные. Скарлетт резко оборвала его нытье и отправила обедать. Без него

сразу стало легче – он действовал ей на нервы своим неодобрительным видом. Она угнездилась в плетеном кресле перед пышущей жаром печкой, поджала под себя одну ногу и развернула на коленях гроссбух. Наступило обеденное время, улицы опустели, ни одного заказчика, и лавка была в полном ее распоряжении.

Скарлетт медленно переворачивала страницы, прищурясь, вчитывалась в столбики имен и цифр, выведенных каллиграфическим почерком Фрэнка. Что ж, в общем-то как оно и ожидалось... Но она нахмурилась, увидев новое свидетельство отсутствия у Фрэнка деловой жилки. Как минимум пятьсот долларов числилось в долгах, причем некоторые были многомесячные и записаны напротив имен, хорошо ей известных. Среди знакомых – Мерривезеры и Элсинги. Из небрежных замечаний Фрэнка насчет денег, которые «люди» задолжали ему, Скарлетт заключила, что суммы эти невелики. Но такое!

«Если они не могут заплатить, то почему упорно покупают? – возмущалась она. – А если он знал, что они не могут заплатить, то почему продолжал продавать им товар? Впрочем, большинство из них могли бы заплатить, если бы он принял какие-то меры. Элсинги определенно могли, если уж сумели одеть Фанни в новое атласное платье и устроить такую расточительную свадьбу. Фрэнк чересчур мягкосердечный, и люди этим пользуются, берут над ним верх. Да если б он собрал хоть половину этих денег, то и лесопилку приобрел бы, и легко выделил бы мне на налоги».

Затем явилась новая мысль: «Подумать только, что Фрэнк попробует управлять лесопилкой! Божьи подштанники! Если он превратил эту лавку в благотворительное заведение, то нечего и ожидать, что он сделает деньги на лесопилке. И месяца не пройдет, как наложит арест на все имущество. Да о чем речь, даже я могла бы вести эту лавку лучше, чем он! И я сумела бы лучше его управиться с лесопилкой, пусть и не разбираюсь в этом бизнесе».

Это была поразительная мысль – что женщина может управляться с мужскими делами не хуже, а то и лучше мужчины; бунтарская, революционная мысль для Скарлетт, воспитанной в традиционном убеждении, что мужчина все знает и все умеет, а у женщины не слишком блестящие способности, и вообще ей лучше не показывать, что она что-то понимает. Разумеется, ей давно открылось, что далеко не всегда это верно, но приятная фикция мужского всемогущества все еще сидела в мозгу. Прежде она никогда не облакала в слова эту замечательную идею. Она сидела совершенно неподвижно, с тяжелой книгой на коленях, и думала, приоткрыв в изумлении рот, что все эти месяцы в «Таре» она выполняла мужскую работу, и выполняла хорошо. Она выросла, будучи уверена, что женщина – одна – не может ничего сделать, и, однако же, она управлялась с плантацией без мужчин, пока не появился ей в помощь Уилл. «Ой-ой-ой, кажется, я готова поверить, что женщины могут справиться со всем на свете без мужской помощи – только вот детей иметь... Но бог свидетель, ни одна женщина в здравом уме не станет иметь детей, если как-то сумеет избежать этой радости».

Вслед за потрясающим открытием – что она одарена теми же способностями, что и мужчины, в ней вспыхнула гордость и неистовое желание скорее это доказать. Ей захотелось делать деньги самолично, как мужчины их делают, причем для себя самой, чтобы ни у кого не просить и ни от кого не зависеть.

– Хотела бы я иметь достаточно денег, чтобы самой купить эту лесопилку, – произнесла она вслух и вздохнула. – У меня бы там работа закипела, точно. И я бы ни одной щепочке не дала уплыть в кредит.

Она опять вздохнула. Денег ей взять негде, а значит, какие вопросы. Просто Фрэнку надо будет собрать деньги с должников и приобрести лесопилку. Это верный путь к хорошему положению. Она уж найдет способ сделать из него бизнесмена, там он будет действовать по-деловому, не то что в этой лавке.

Она вырвала последний лист из гроссбуха и начала выписывать имена людей, которые не платили по нескольким месяцам. Как только доберется до дому, она обсудит это с Фрэнком. Она

заставит его понять, что должникам придется выложить свои бумажки, даже если они с ним в давней дружбе и ему будет неудобно выжимать из них деньги. Его это наверняка расстроит: он робок и очень любит, когда друзья его хвалят и одобряют. Он так чувствителен, что ему легче потерять свои деньги, чем собрать их, проявив деловые качества.

И наверное, он скажет, что ни у кого нет денег, чтобы заплатить ему. Хорошо, может быть, это и верно. В бедности ничего нового для нее нет. Но ведь почти каждый сохранил что-то из столового серебра, какие-то драгоценности, маленькие поместья. Фрэнк мог бы взять это вместо наличных.

Можно себе представить, какое рыдалище устроит Фрэнк, когда она развернет перед ним эту тему. Забрать драгоценности и собственность у старых друзей! Она пожала плечами: «Ну и пусть рыдает себе на здоровье. Я тогда скажу: может быть, ему нравится жить в нищете ради дружбы, а мне вот нет. Фрэнк никогда ничего не добьется, если не проявит жесткость и практическую сметку. А он должен добиться! И он будет делать деньги, пусть даже мужчиной в семье придется стать мне! Ну и что: буду носить дома брюки».

Она вся погрузилась в работу – делала выписки сосредоточенно, наморщив лоб и высунув кончик языка. В этот момент дверь распахнулась, и в помещение ворвался холодный ветер с улицы. В сумрачной лавке появился высокий человек; ступал он легкой, неслышной походкой индейца, и, подняв глаза, Скарлетт увидела Ретта Батлера.

Он вернул себе прежний блеск – во всем новом, капюшон пальто небрежно откинут назад, на широкие плечи, цилиндр уже в руке. Он склонился в глубоком поклоне, глаза их встретились, он приложил руку к груди – к дорогой, тонкой, гофрированной сорочке. Он осклабился, на темном лице сверкнули поразительно белые зубы, а дерзкие глаза принялись ее пожирать.

– Дорогая моя миссис Кеннеди, – протянул он, приближаясь к ней. – Дражайшая моя миссис Кеннеди!

Он расхохотался – весело, от души. Она сначала просто изумилась – как будто призрак явился к ней в лавку, затем поспешно вытащила из-под себя ногу, выпрямила спину и одарила его ледяным взглядом:

– Что вы здесь делаете?

– Я заглянул к мисс Питтипэт, там узнал о вашем браке и, естественно, примчался сюда, принести вам свои поздравления.

Вспомнив, как он заставил ее унижаться перед ним, она чуть не сторела со стыда.

– Не понимаю, как у вас хватает наглости смотреть мне в лицо! – закричала она.

– Напротив! Как у вас-то хватает наглости смотреть в лицо мне?

– О-о-о, да вы самый... вы самый...

– А не велеть ли трубачам пропеть отбой?

Он улыбался ей широкой, зажигательной улыбкой, всегдашняя дерзость, конечно, присутствовала, но не было ни стыда за собственные действия, ни осуждения ее поступка. Сама себе противореча, Скарлетт улыбнулась в ответ, но вышло как-то криво и стесненно.

– Какая жалость, что вас не повесили!

– Боюсь, все остальные разделяют ваши чувства. Ну, будет вам, Скарлетт, расслабьтесь. Вы сидите как шомпол проглотили, вам не идет. Я уверен, у вас было достаточно времени, чтобы прийти в себя после моей... э... маленькой шутки.

– Шутки? Ха! Мне никогда от этого не оправиться!

– Бросьте. Вы забудете. Вы и сейчас-то напускаете на себя возмущенный вид из-за того только, что думаете, будто этого требуют приличия и респектабельность. Можно мне сесть?

– Нет.

Он опустился в кресло рядом с ней и усмехнулся.

– Я слышал, вы и двух недель не ждали меня, – вздохнул он с притворной печалью. – О, женщина! Что за ветренное существо! – Поскольку она не откликнулась, он продолжал: – Скажите мне, Скарлетт, чисто по-дружески, ведь мы очень давние и очень близкие друзья, так вот скажите мне: разве не мудрее было бы подождать, пока я выйду из тюрьмы? Или прелести супружества со старым Фрэнком Кеннеди более соблазнительны, чем запретная связь со мной?

Все как обычно: его насмешки вызывают в ней вспышку гнева, но с гневом борется желание рассмеяться над его бесстыдством.

– Что за абсурд!

– Не откажите в любезности удовлетворить мое любопытство в одном вопросе: некоторое время он занимает меня. Вы становились женой – причем не один раз, а дважды, и вашими избранниками были мужчины, к которым вы не питали ни любви, ни даже нежной привязанности. И это не отвращало вашу женскую суть, не оскорбляло деликатность ваших чувств, вам не хотелось съезжиться, спрятаться, уклониться? Впрочем, возможно, я неверно информирован о природе женской тонкости и деликатности наших южанок.

– Ретт!!!

– У меня имеется свой ответ. Я всегда полагал, что в женщинах есть твердость и выносливость, неведомые мужчинам. Да, я так считал, вопреки тому прелестному образу, который формировали во мне с детства, что женщины – создания хрупкие, нежные и чувствительные. Хорошо, оставим. В конце-то концов, согласно кодексу европейского этикета, это неприлично, чтобы муж и жена любили друг друга. Действительно, дурной тон. Я всегда был убежден, что европейцы в этом отношении совершенно правы. Браки заключаются по расчету и для удобства, а любовь – это для удовольствия. Весьма разумная система, вы не находите? Вы, оказывается, ближе Старому Свету, чем я думал.

Хорошо бы прикрикнуть на него: «Я выходила замуж не по расчету!» Но для Ретта, к несчастью, она вся как на ладони, и любой протест оскорбленной невинности приведет лишь к новому потоку колкостей с его стороны.

– До чего ж вы говорливы, и все об одном, все об одном! – сказала она скучным тоном; потом, стремясь сменить тему, спросила: – Кстати, а как вам удалось выбраться из тюрьмы?

– Ах это! – Он неопределенно повел рукой. – Без особых затруднений. Меня выпустили сегодня утром. Я задействовал изящную систему шантажа против одного приятеля в Вашингтоне, он сейчас большая шишка среди советников Федерального правительства. Отличный парень – патриот, один из верных столпов Союза штатов, я через него обычно покупал мушкетеры и кринолины для Конфедерации. Когда мое огорчительное предупреждение было должным образом ему доставлено, он в спешном порядке употребил все свое влияние, и вот я на свободе. Влияние – это все, Скарлетт. Помните об этом, когда вас арестуют. Влияние – это все, а категории вины или невинности – это просто предмет чисто академических дискуссий.

– Готова поклясться, что вы-то не были невинным ягненокком.

– Нет, не был. Теперь, освободившись от пут, я откровенно признаю, что на мне вина Каина. Я действительно убил ниггера. Он был груб с дамой – что оставалось делать джентльмену-южанину? И раз уж я в таком доверительном настроении, то должен признаться, что это я застрелил кавалериста янки, после того как обменялся с ним парой слов в баре. Но в этом грешке меня не обвиняли, так что, возможно, какой-то другой бедолага был вздернут за это, не знаю, много времени прошло.

Он так жизнерадостно говорил о своих убийствах, что у нее кровь застыла в жилах. Слова праведного гнева уже готовы были сорваться с губ, но внезапно ей вспомнился тот янки, что лежал под обрушенной беседкой в «Таре», надежно укрытый сплетением виноградных лоз и плюща. Он не отягощал ее совесть – не больше, чем таракан, на которого она могла бы наступить. Не ее дело судить Ретта, когда она столько же виновна, как и он.

– Ну и, похоже, мне придется до конца раскрыть душу и сказать вам под строжайшим секретом (а это значит – ни слова мисс Питтипэт!), что у меня действительно есть деньги и находятся они в безопасном месте, в банке Ливерпуля.

– Деньги?..

– Да. Те самые деньги, которыми так интересовались янки. И знайте, Скарлетт, что я не из вредности не дал вам денег, которые были вам нужны. Если бы я выписал чек, они нашли бы способ проследить его, и весьма сомнительно, что вы получили бы хоть цент. Для меня сейчас самое лучшее – вообще ничего не делать. Но в крайнем случае, если янки установят их местонахождение и попробуют отнять их у меня, придется лишиться всех своих козырей, то есть назвать поименно всех патриотов янки, которые продавали мне во время войны боеприпасы и технику. Вот когда пойдет запашок, скажу я вам! Кое-кто из них сейчас на высоких постах в Вашингтоне. Ведь именно так я и из тюрьмы-то вышел – пригрозил облегчить свою совесть. А...

– Вы имеете в виду, что золото Конфедерации действительно у вас.

– Не все, конечно. Бог ты мой, конечно нет! Таких, как я, бывших блокадных контрабандистов, наберется человек пятьдесят, а то и больше, и каждый сделал хорошие припасы где-нибудь в Канаде, в Англии или в Нассау. И у всех у нас дурная слава среди конфедератов: ведь мы оказались ловчее и удачливей остальных. У меня накопилось почти полмиллиона. Вообразите, Скарлетт: полмиллиона долларов, а вам только и нужно было, что сдержать свою бешеную натуру и не бросаться сгоряча в новый брак!

Полмиллиона долларов. Ей чуть дурно не стало при мысли о таком богатстве. Он специально старается задеть ее, позлить, сделать больно, но колючие слова пролетели мимо ушей, она их даже и не слышала. Трудно поверить, что в этом мире, впавшем в глубокую и горькую нищету, могут где-то быть такие большие деньги. Просто громадные деньжищи! А владеет ими кто-то другой, он относится к ним легкомысленно, и вообще – зачем они ему? А она вот... Вся ее защита от враждебного мира – старый, немощный муж да эта грязная мелочная лавка. Несправедливо это – чтобы распутнику и нечестивцу Ретту Батлеру досталось так много, а ей, тянущей на себе тяжеленный воз, – так мало. О, ненавистный, сидит тут, разодетый как денди и еще подпускает ей шпилек. Весь раздулся от самомнения! Нет уж, не дождется он от нее восторгов по поводу его хитроумия. Она копила яд, искала острые слова, чтобы осечь его порезче.

– Я полагаю, вы считаете это честным – держать у себя деньги Конфедерации. А ведь это не так. Это самое настоящее, чистой воды воровство, и вы это понимаете. Я бы не смогла иметь такое на совести.

– Ах! Как нынче зелен виноград, ну просто ягодки нет зрелой! – воскликнул он, скривясь, как от кислоты. – И у кого же конкретно я краду?

Она примолкла, стараясь сообразить: а правда, у кого? Строго говоря, Фрэнк сделал то же самое, только в малом масштабе.

– Половина этих денег, честно, моя собственная, – продолжал он. – Честно заработанные при помощи честных патриотов Союза штатов, желавших втихомолку распродать Союз со стопроцентной для себя прибылью. Часть я сделал сам на маленьких вложениях в хлопок в начале войны. Покупал я его дешево, а продал по доллару за фунт, когда британские фабрики взвыли по сырью. Какая-то часть у меня образовалась от спекуляции продуктами. Так почему же я должен допустить, чтобы плодами моего труда завладели янки? Остальное действительно принадлежало когда-то Конфедерации. Это доход от хлопка конфедератов – я переправлял его через блокаду и продавал в Ливерпуле по заоблачным ценам. Хлопок доверяли мне под честное слово, чтобы я закупал винтовки, кожу, технику. И я брал под честное слово, чтобы именно это и закупить. Мне были даны указания: оставлять золото в банке на свое имя с целью получения кредита. Со временем, как вы помните, блокаду ужесточили, и я уже не мог ни вывести, ни ввести ни одной лодки через какой-либо порт Конфедерации. Вот так и вышло, что деньги до сих

пор хранятся в Англии. А что я должен был сделать? Вынуть золото из сейфов и, как последний простофиля, попытаться протащить его в Уилмингтон? Позволить янки захватить его? Разве по моей вине блокада стала непроницаемой? Разве это моя вина, что наше Дело провалилось? Деньги принадлежали Конфедерации, согласен. Однако ее теперь нет, нашей Конфедерации, хотя можно подумать, что сей факт никому не известен – как послушаешь некоторых... Так кому я должен передать деньги? Правительству янки? Я бы сам себя возненавидел, потому что тогда-то люди справедливо сочтут меня вором.

Он достал из кармана кожаный портсигар, извлек оттуда длинную сигару и одобрительно ее обнюхал, наблюдая за Скарлетт с преувеличенным вниманием, как будто сейчас судьба его зависела от ее слов.

«Чума его заberi, – думала она обиженно. – Всегда он на один прыжок впереди. И всегда есть что-то неправильное, хитрость какая-то в его доводах, а я никак не могу указать ему пальцем на это».

– Вы можете, – произнесла она с достоинством, – распределить деньги между теми, кто особенно нуждается. Конфедерации нет, но есть великое множество конфедератов. И сами они, и их семьи страшно голодают.

Он закинул голову и громко, грубо захохотал.

– Вы просто чарующе нелепы, когда напускаете на себя этакий ханжеский вид! – Он веселился от души. – Говорите мне только правду, Скарлетт. Вы не умеете лгать. У ирландцев это получается хуже всего. А теперь давайте начистоту. Вы ни разу не помянули добрым словом ныне покойную Конфедерацию, и меньше всего вас заботит участь голодающих конфедератов. Вы бы испустили вопль протеста, предложи я сейчас раздать эти деньги, если б только я не выдал для начала львиную долю вам самой.

– Я не хочу ваших денег, – выдавила она, пытаясь сохранить мину холодного достоинства.

– Ой ли? Вы – и не хотите? Да у вас руки чешутся разбить кубышку сей же момент. Покажи вам четвертак – живо вскочите.

– Если вы явились сюда оскорбить меня и посмеяться над моей бедностью, мне остается только пожелать вам всего доброго, – заявила она, подыскивая, куда бы пристроить тяжелый гроссбух, чтобы подняться во весь рост и придать своим словам больше внушительности.

Но он уже был на ногах и, со смехом наклонившись над ней, прижал ее к спинке кресла:

– Да научитесь ли вы когда-нибудь спокойно и без этих ваших бурных вспышек слушать правду? Вы совсем не против, когда правду говорят о других, так отчего же вы сердитесь, услышав то же самое о себе? И я не оскорбляю вас: аквизитивность⁷, по-моему, прекрасное качество.

Она не вполне уверена была насчет значения этой «аквизитивности», но, поскольку прозвучало оно явной похвалой, немного смягчилась.

– И пришел я не для того, чтобы издеваться над вашей бедностью, а пожелать вам долгой жизни и счастья в новом браке. Кстати, что думает сестренка Сью про ваше воровство?

– Мое... что?

– Вы же стянули Фрэнка прямо у нее из-под носа.

– Я не...

– Ну, не будем играть в слова. Что она сказала?

– Она ничего не сказала, – ответила Скарлетт.

В глазах у него заплясали чертики: он понял, что она лжет.

– Какая самоотверженность с ее стороны! Ну а теперь давайте поговорим о вашей бедности. Безусловно, я имею право знать, раз уж вы предприняли, и не так давно, ту маленькую вылазку ко мне в тюрьму. У Фрэнка не оказалось тех денег, на которые вы рассчитывали?

⁷ Ретт опять дразнит ее непонятными словами. Он имеет в виду склонность к приобретательству.

Нет, это невозможно. От его наглого напора нет спасения! Или ей придется выложить ему все как есть, или попросить его удалиться. А вот как раз сейчас ей совсем не хочется, чтобы он удалился. Слова его были колки, но правда ведь всегда глаза колет. Он знает, как она поступила и почему она так поступила, но не перестает думать о ней. И, несмотря на противную манеру задавать вопросы напрямик, почему-то кажется, что вопросы эти продиктованы дружеским интересом. Он единственный человек, кому она могла бы рассказать всю правду. Какое это было бы облегчение – ведь прошло так много времени с тех пор, как она говорила кому-то правду о себе и своих побуждениях. Да если б она заговорила, всякий был бы в шоке. А рассказывать Ретту... это сравнимо, пожалуй, только с одной вещью – ощущением легкости и удобства, даруемого парой старых тапочек после долгих танцев в чересчур тесных туфельках.

– Разве не достали вы денег на уплату налогов? Только не говорите мне, что нужда все еще скребется в двери «Тары».

Это было произнесено совсем другим тоном.

Она заглянула в черную глубину его глаз и уловила там выражение, в первый момент поразившее и озадачившее ее; а потом она вдруг улыбнулась милой, обворожительной улыбкой, какая редко появлялась на ее лице в те дни. Что за негодяй упрямый, все у него должно быть шиворот-навыворот, но до чего же славный он бывает порой! Она поняла наконец, что он приехал не дразнить ее, а увериться, что она получила те деньги, из-за которых шла на такой отчаянный шаг. Она знала, что он помчался к ней, как только его выпустили из тюрьмы, – да, он спешил к ней, хоть и не показывал никаких признаков спешки, – он хотел ссудить ей эти деньги, если она все еще нуждалась в них. И все равно он будет мучить и оскорблять ее, и отрицать, что таково было его намерение, попробуй только она уличить его. Совершенно непостижимая личность! Вот интересно: он на самом деле печется о ней – сильнее, чем желает признать? Или у него иные мотивы? Последнее более вероятно, подумала она. Но кто знает? Иногда он делает очень странные вещи.

– Нет, – ответила Скарлетт, – нужда больше не сторожит у дверей «Тары». Я... достала деньги.

– Но не без борьбы, готов побиться об заклад. Вам удалось держать себя в узде, пока обручальное кольцо не будет надето вам на пальчик?

Как точно он воспроизвел ее поведение! Скарлетт постаралась не улыбнуться, но ямочками поиграла, с этим она уж ничего не могла поделать.

Он опять уселся, вольготно вытянув свои длинные ноги.

– Ну же, говорите, что там с вашей бедностью. Неужели Фрэнк, грубое животное, ввел вас в заблуждение заманчивыми перспективами? За это его надо крепко поколотить – он воспользовался беспомощным положением слабой женщины. Ну, вперед, Скарлетт, расскажите мне все. Вы не должны иметь от меня секретов. Самое плохое о вас я и так уже знаю.

– О, Ретт, вы хуже всех! Вы самый... самый... я даже не знаю кто! Ну ладно. Фрэнк уж точно меня не дурачил, но... – И неожиданно она с удовольствием принялась изливать душу: – Знаете, Ретт, если бы Фрэнк просто собрал то, что люди задолжали ему, я вообще бы забот не знала. Но, представляете, пятьдесят человек у него в долгу, а он не хочет на них поднажать. Он такой чувствительный! Говорит, джентльмен не может поступать так с другим джентльменом. И пройдут месяцы, прежде чем мы получим эти деньги, если когда-нибудь получим.

– И что с того? Вам есть будет нечего, пока он долгов не соберет?

– Ну, зачем так. Откровенно говоря, я бы нашла применение некоторой сумме – и прямо сейчас.

Она подумала о лесопилке; глаза ее расширились и сверкнули зеленым огнем. А может быть...

– Какое же? Опять налоги?

– Разве это ваше дело?

– Да, потому что вы уже изготовились растрясти меня на предмет ссуды. О, мне известны все эти ваши подходы. И я дам вам займы, моя дорогая миссис Кеннеди, и даже не приму в качестве коллатерала то чарующее предложение, которое вы сделали мне не так давно. Разве что вы будете настаивать.

– Вы самый вульгарный, непристойный...

– Отнюдь. Я всего лишь хотел успокоить вас. Насколько я знаю, вы нервничали по этому поводу. Не очень сильно, но все же. И я готов ссудить вам денег. Но мне требуется знать, как вы намерены их потратить. По-моему, такое право у меня есть. Если вы хотите купить себе красивые наряды или новый экипаж, то ради бога. Но если речь идет о новых бриджах для Эшли Уилкса, боюсь, я должен буду отказать.

В горячке внезапно вспыхнувшей ярости она стала заикаться, не находя нужных слов:

– Да Эшли Уилкс... он никогда не брал у меня ни цента! Я бы не смогла заставить его взять у меня хоть цент, даже если бы он с голоду умирал! Вы не понимаете его, он благородный и очень гордый человек. Да и где вам понять его, вам, такому...

– Давайте обойдемся без эпитетов. Я ведь тоже мог бы подобрать для вас несколько, вполне соответствующих любому из тех, что вы считаете моими. Вы забываете, что я в курсе всех ваших дел, благодаря миссис Питтипэт: эта добрая душа расскажет все, что знает, любому желающему ее послушать. Я знаю, что Эшли находится в «Таре» с момента возвращения из Рок-Айленда. Знаю, что вам пришлось приютить у себя его жену, хотя постоянно видеть ее рядом, уверен, было для вас порядочным испытанием.

– Эшли – это...

– О да, – прервал он ее, небрежно отмахнувшись рукой. – Эшли чересчур возвышен для моего земного разума. Однако прошу вас не забывать, что я был заинтересованным свидетелем вашей с ним нежной сцены в «Двенадцати дубах», и что-то подсказывает мне, что он не переменялся с той поры. Как и вы, впрочем. В тот день он не производил впечатления особо возвышенной личности. Не думаю, что фигура, которую он являет собой ныне, много лучше. Почему он не забрал свою семью, не уехал, не нашел работу? Почему остался жить в «Таре» и за счет «Тары»? Хорошо, пусть это мой каприз, но я не намерен ссужать ни цента для «Тары», чтобы помогать вам прокормить его. В мужской среде существует очень неприятный термин для мужчин, которые позволяют женщинам содержать их.

– Как вы смеете говорить такие вещи? Он работает как последний негр в поле!

И хоть она пребывала в страшном гневе, душа ее заняла при воспоминании о том, как Эшли обтесывает жерди для изгороди.

– И цена ему на вес золота, посмею сказать. Как, должно быть, здорово он работает, уваживая землю и...

– Он...

– О да, я понимаю. Допустим, он старается из всех сил, но я не представляю себе, какая от него помощь. Из Уилксов не сделаешь работников для фермы – и ничего другого, хоть сколько-нибудь полезного. Это порода чисто декоративная. А теперь опустите свои колючки, пригладьте взъерошенные перышки и постарайтесь смотреть сквозь пальцы на мои нудные замечания в адрес гордого и высокочтимого Эшли. Странно все же, что подобные иллюзии упорно держатся в женщинах даже такого прагматического склада ума, каким обладаете вы. Так сколько денег вам требуется и для какой цели?

Она не отвечала, и он повторил:

– На что вы их употребите? Посмотрим, сумеете ли вы сказать мне правду. Это сбавывает не хуже лжи. Фактически лучше, потому что, когда вы мне лжете, я неизменно это обнаруживаю. Подумайте, какая может выйти неловкость. Запомните, Скарлетт: я могу вытерпеть от вас все, кроме лжи, – вашу неприязнь ко мне, вспышки вашего темперамента, вашу непред-

сказуемость, хитрые, лисьи уловки, бранчивость – только не ложь. Итак: для чего они вам нужны?

Разъяренная нападками на Эшли, она близка была к тому, чтобы плюнуть на все. Ее тянуло на дикую выходку – обозвать его совсем уж оскорбительным словом, а предложенные им деньги горделивым жестом швырнуть прямо в эту глумливую физиономию. Она бы так и сделала, но через минуту холодная рука рассудка осадила ее. Она проглотила свой гнев и попробовала придать лицу и осанке выражение любезной степенности. Он полулежал в кресле, откинувшись на спинку и вытянув ноги к огню.

– Если есть в целом свете что-то одно, что забавляет меня больше всего прочего, – говорил он медлительно, растягивая слова, – так только зрелище вашей душевной борьбы, когда дело принципа восстает против чего-то осязаемого, практически полезного, как, например, деньги. Я знаю, конечно, что практичность в вас всегда одержит верх, но на всякий случай не теряю бдительности: а вдруг лучшая сторона вашей натуры в один прекрасный день восторжествует? И если такой день наступит, я тотчас пакую багаж и покидаю Атланту навсегда. Слишком много существует женщин, в коих лучшая сторона натуры всегда торжествует победу... Пора и к делам, однако. Сколько и для чего?

– Я еще не знаю точно, сколько мне понадобится, – довольно натянуто произнесла она. – Я хочу приобрести лесопилку и думаю, что она встанет мне недорого. Кроме того, мне нужны будут два фургона и пара мулов. Хороших мулов. А также лошадь и кабриолет для меня самой.

– Лесопилку?!

– Да, и если вы ссудите мне денег, я уступаю вам половинную долю.

– И что прикажете мне делать на лесопилке?

– Деньги делать, вот что! Там можно деньги грести лопатой. Или я выплачу вашу ссуду с прибылью. Погодите, что считается хорошим процентом по займу?

– Пятьдесят расценивается как очень хороший процент.

– Пятьдесят?.. Ах, вы меня разыгрываете! Прекратите смеяться, бес лукавый, я же серьезно.

– А я потому и смеюсь. Сижу вот и прикидываю: осознает ли кто-нибудь, кроме меня, что творится в этой хорошенькой головке, за обманчиво кукольным личиком?

– Кого это волнует! Послушайте, Ретт, разве вы не видите, какой это выгодный бизнес для вас? Фрэнк рассказал мне об одном человеке, который держит лесопилку, небольшую, там, за городом, по Персиковой дороге, и хочет ее продать. Ему срочно понадобились наличные, и продаст он дешево. Тут сейчас не так-то много лесопилок, а посмотришь, как народ отстраивается, – бог ты мой, да мы сможем назначать цены выше некуда! Тот человек хочет остаться и вести дела за плату. Это мне все Фрэнк рассказывал. Он и сам бы купил ее, если бы хватило денег. Я догадываюсь, он намеревался расплатиться теми деньгами, которые выдал мне на налоги.

– Бедняга Фрэнк! И что же он скажет, когда вы сообщите ему, что перехватили лесопилку прямо у него из-под носа? И как, не компрометируя себя, собираетесь объяснить ему, что это я одолжил вам нужную сумму?

Скарлетт об этом вообще не задумывалась – она вся была сосредоточена на доходах, которые будет приносить ей лесопилка.

– Да ничего я не стану ему объяснять!

– Но он же знает, что деньги на кустах не растут.

– Я скажу-у... Да, я скажу ему, что продала вам свои бриллиантовые сережки. Я действительно их вам отдам. Это будет моим коллат... Ой, как там оно называется.

– Я не возьму ваши серьги.

– А они мне не нужны. Я их не люблю. Если честно, они даже не мои.

– А чьи?

Память мгновенно вернула ее в тот спокойный жаркий полдень, в глубокую сельскую тишь «Тары» – и к мертвецу в синей форме, растянувшегося в холле.

– Они остались у меня от... одного человека, он умер. Так что они мои, тут все в порядке. Возьмите. Я не хочу их. Я бы предпочла вместо них деньги.

– Великий Боже! – воскликнул он, потеряв терпение. – Вы что же, вообще ни о чем не можете думать, только о деньгах?

– Да, – свободно ответила она, жестко вскинув на него зеленые глаза. – И если бы вам пришлось пройти через то, что испытала я, вы бы тоже ни о чем другом не помышляли. Я обнаружила, что самая важная вещь на свете – это деньги, и перед Богом говорю: я не намерена опять остаться без них. – Она вспомнила жгучее солнце, мягкую красную землю у себя под щекой, тошнотворную вонь от негритянских хижин позади развалин «Двенадцати дубов», вспомнила, как сердце пульсировало в такт словам: «Я никогда больше не буду голодать. Я никогда больше не буду голодать». – Когда-нибудь у меня будут деньги, много денег, и я буду есть что захочу. И на моем столе никогда не будет мамалыги и вареных бобов. И у меня будет красивая одежда и все – шелковое...

– Все?

– Все, – коротко ответила она, даже не потрудившись изобразить смущение, хотя и поняла, что он подразумевает. – У меня будет вполне достаточно денег, чтобы янки никогда не смогли отнять у меня «Тару». Я настелю там новую кровлю, поставлю новую изгородь, заведу отличных мулов для пахоты, а хлопка у меня будет столько, что вы и вовек не увидите. И Уэйд не узнает, что значит жить без самого необходимого. Он не будет знать нужды ни в чем. Никогда! У него будет все на свете. И вся моя семья – никто из них больше не будет голодать. Я знаю, что говорю. Отвечаю за каждое слово. Вам этого не понять, в игре «охотники и дичь» вы всегда охотник, гончий пес. Саквояжники не пытались выгнать вас вон. Вы не мерзли, не ходили в отрепьях, и вам не нужно было горбатиться, чтобы не умереть с голоду.

Он сказал спокойно:

– Я провел восемь месяцев в армии конфедератов. Для голодной смерти более подходящего места не придумать.

– В армии! Ах! А собирать хлопок вам никогда не приходилось? А пропалывать кукурузу не пробовали? А... И не смейте ухмыляться! Что смешного во мне?!

Он опять взял ее руки в свои и заговорил жестко и хрипло:

– Я смеюсь не над вами. Меня смешит другое: насколько ваша внешность отличается от того, что вы собой представляете на самом деле. Я вспоминаю, какой я вас увидел в первый раз, на барбекю в доме Уилксов. На вас было зеленое платье и маленькие зеленые туфельки, вы по колено утопали в мужчинах и были полны собой. Бьюсь об заклад, вы тогда понятия не имели, сколько центов в долларе. Одна идея всецело владела вашим умом – как заманить в ловушку Эш...

Она резко выдернула у него свои руки:

– Ретт, если мы хотим в дальнейшем поддерживать какие-то отношения, вы должны прекратить обсуждать Эшли Уилкса. Мы всякий раз будем ссориться, потому что вы его не понимаете.

– А для вас он открытая книга, я полагаю, – ядовито протянул Ретт. – Нет, Скарлетт, если я ссужаю вам деньги, то оставляю за собой право обсуждать Эшли Уилкса с любых позиций, какие меня устроят. Я могу пренебречь правом на проценты по займу, но этим правом – нет. В этом молодом человеке есть много такого, что мне хотелось бы понять.

– Я не стану обсуждать его с вами, – сухо ответила она.

– А придется, однако! Ведь это я дергаю за веревочки, вы же видите. Настанет день, вы разбогатеете и сможете тогда проделывать то же самое с другими. Очевидно, он все еще дорог вам...

– Он мне безразличен.

– О да! Поэтому вы и ринулись так ретиво на его защиту. Вы...

– Я не допущу, чтобы издевались над моими друзьями.

– Хорошо, давайте оставим это пока. А он все еще неравнодушен к вам или Рок-Айленд заставил забыть? А может быть, он узнал и оценил наконец, что за драгоценность его жена?

При одном упоминании о Мелани Скарлетт стало трудно дышать, она еле удержалась, чтобы не выложить ему всю историю – что только честь не позволяет Эшли оставить Мелани. Она даже начала было говорить, но тут же закрыла рот.

– О! Значит, у него все еще маловато ума или чувства, чтобы оценить миссис Уилкс? И тюремные лишения не притупили его страсти к вам?

– Я не вижу необходимости обсуждать этот предмет.

– Зато я желаю его обсуждать, – сказал Ретт. В голосе его послышалась тихая, низкая нота; Скарлетт не поняла, что это значит, но уху было очень неприятно. И тем же тоном Ретт продолжал: – Клянусь Богом, я буду обсуждать этот предмет и жду, что вы ответите мне. Он все еще любит вас?

– И что, если так? – крикнула Скарлетт, доведенная до белого каления. – Я не хочу обсуждать это с вами, потому что вы не понимаете его и для вас непостижима такого рода любовь. Единственный вид любви, который вам известен, – это... в общем, это отношения, какие вы поддерживаете с существами типа этой Уотлинг!

– О, – мягко откликнулся Ретт. – То есть я способен только на плотские желания, только на похоть?

– Вы сами знаете, что это правда.

– В таком случае я считаю похвальным ваше нежелание дискутировать на эту тему со мной. Мои нечистые руки и губы оскверняют непорочность его любви.

– М-м-м... примерно так, да.

– А меня вот как раз интересует чистая любовь.

– Не будьте таким мерзким, Ретт. Если у вас хватает низости думать, что между нами было что-то дурное...

– О, подобная мысль никогда не приходила мне в голову, поверьте. Поэтому я и заинтересовался. Так все-таки: по какой именно причине между вами не было ничего дурного?

– Если вы полагаете, что Эшли стал бы...

– Ах, так, значит, это Эшли, а не вы – вот кто вел сражение за непорочность! Право, Скарлетт, вам не следовало отступаться так легко.

Скарлетт, смятенная и негодующая, буравила взглядом его невозмутимое лицо, по которому ничего нельзя было прочесть.

– Все, покончим с этим, и денег ваших я не хочу. Так что убирайтесь вон.

– О нет, вы очень даже хотите моих денег, и раз уж мы зашли с этой темой так далеко, то зачем останавливаться? Да и какой вред может принести обсуждение столь целомудренной идиллии – ведь ничего дурного меж вами не происходило. Итак, Эшли вас любит за ваш ум и душу, за высокое благородство характера?

Каждое слово было пыткой. Все верно, именно это Эшли любит в ней. И если знаешь это, то жить можно. Да, жизнь становится сносной, когда понимаешь, что Эшли, связанный честью, любит ее издали за внутреннюю красоту, за прекрасные душевные качества, видимые лишь ему одному. Но почему-то эти качества не кажутся столь уж прекрасными, будучи вытаснены на свет Реттом, да еще этим его обманчиво бархатным голосом, в котором скрыт сарказм.

– Оказывается, и такая любовь может существовать в нашем отвратительном мире, – продолжал он. – Это возвращает меня к моим мальчишеским идеалам. Значит, ничего плотского нет в его любви к вам? И все было бы точно так же, если бы вы были уродливы и ваша кожа не блистала белизной? И совершенно ни при чем эти зеленые глаза, наводящие мужчину

на мысль: а интересно, что она будет делать, если я прямо сейчас заключу ее в объятия? А эта походка с легким покачиванием бедер – соблазн для любого мужчины, хоть и под девянность? А губки... Ну хорошо, я не должен навязываться тут со своей похотью. Но Эшли – разве он ничего этого не видит? Или видит – и это ничуть его не трогает?

Против воли Скарлетт вернулась в тот день, когда Эшли обнимал ее у изгороди в саду; она вспомнила, как дрожали его руки, как горячи были его губы на ее губах, и казалось, что он никогда ее от себя не отпустит. Она заалела, как маков цвет, и ее смущение не прошло незамеченным для Ретта.

– Та-ак, – протянул он, и в голосе явственно проступила вибрирующая нотка злости. – Я понимаю. Он любит вас исключительно за ваш интеллект.

Как он смеет копаться в ней своими грязными лапами, принижая и опошля единственно прекрасное и святое, что есть у нее в жизни? Холодно и целенаправленно он крушил последнюю линию оборонительных умолчаний, и то, что он домогался узнать, неминуемо должно было открыться.

– Да, это правда! – крикнула она, пытаясь затолкать в глубины памяти поцелуи Эшли.

– Дорогая моя, да он и знать не знает, что у вас имеется ум. Если бы его привлекал ваш интеллект, то ему не было бы нужды воевать с вами, отстаивая – назовем это так – «святость» своей любви. Жил бы себе спокойно – в конце концов, мужчина может восхищаться умом и душевной красотой женщины, оставаясь при этом достопочтенным джентльменом и храня верность своей жене. Должно быть, ему трудно совместить понятие чести Уилксов с мужской тягой к вашему телу.

– Вы судите всех мерой собственной низости!

– А я никогда и не отрицал вашей для меня притягательности – если вы это подразумеваете под низостью. Но меня, слава богу, не заботят вопросы чести. Что я хочу, то и беру, если могу достать, и не противлюсь ни ангелам, ни бесам. А Эшли... Веселенький же ад вы для него устроили!

– Я? Я устроила ему ад?

– Да, вы. Вы всегда перед ним – постоянный соблазн, извечное искушение, но он, подобно большинству из его породы, предпочитает взлету любви то, что в здешних краях сходит за честь. И сдается мне, что теперь наш бедолага потерял и любовь, и честь, которая так его согревала.

– Любовь у него есть! Я имею в виду – он любит меня!

– Неужели? Тогда проясните для меня одну вещь, и закончим с этим на сегодня. Можете взять деньги и делайте с ними что вам угодно, хоть на помойку швырните, мне все равно. – Он встал и бросил в песок окурки сигары. В движениях его была та самая свобода язычника и едва сдерживаемая мощь – Скарлетт заметила это в ночь, когда пала Атланта. В нем опять чувствовалась скрытая угроза. – Если он любит вас, то какого дьявола он дал вам уехать в Атланту добывать деньги на налоги? Чем позволить любимой женщине сделать такое, я бы скорее...

– Но он же не знал! Он и представления не имел, что я...

– А вам не приходило в голову, что ему следовало бы знать? – Ретт расшвырял и почти не пытался подавить в себе стихию. – Любя вас, как вы говорите, он должен был знать, что вы способны натворить с отчаяния. Уж лучше было убить вас на месте, чем дать уехать сюда, и к кому, подумать только – ко мне! Силы небесные!

– Он ничего не знал!

– Мог бы догадаться и без слов, а если нет, значит, он никогда не поймет вас, с вашим умом бесценным.

Как он несправедлив! Можно подумать, Эшли должен уметь читать мысли. А даже если бы умел, даже если бы знал обо всем, разве мог Эшли ее остановить? И внезапным толчком

до нее вдруг дошло, что да, Эшли мог ее остановить. Там, в саду, достаточно было легчайшего намека с его стороны, что когда-нибудь все может стать иначе, и она бы даже не подумала ехать к Ретту. Одно нежное слово, пусть хоть на прощание, когда она уже садилась в поезд, могло еще вернуть ее. Но он говорил только о чести. И все-таки... Неужели Ретт прав? Разве должен был Эшли знать, что у нее на уме? Она быстро отогнала от себя предательскую мысль. Конечно же он не подозревал. У Эшли и не могло возникнуть подозрений, что она задумала совершить нечто столь безнравственное. Эшли так благороден, он выше подобных мыслей. Ретт просто старается запятнать ее любовь. Он хочет растоптать самое дорогое для нее. Ничего, подумала она ядовито, магазин станет на ноги, и лесопилка будет работать славно, у нее появятся деньги, вот тогда она расплатится с Реттом за все страдания и унижения, которым он ее подверг.

Он стоял над ней и смотрел сверху вниз, чуть усмехаясь. Чувство, только что бурлившее в нем, уже улеглось.

– А вас-то, собственно, по какой причине это задевает? – спросила Скарлетт. – Это мое дело, мое и Эшли, и никак не ваше.

Он пожал плечами:

– Только по одной. Ваша выносливость вызывает во мне глубокое и беспристрастное восхищение. И мне не нравится, что ваш дух перемалывают многочисленные мельничные жернова. Вот «Тара». Это вообще чисто мужская работа, по определению. Добавим к этому вашего больного отца. От него вам помощи ждать не приходится. Далее: девушки и негры. А теперь на вас еще и муж и, вероятней всего, мисс Питтипэт тоже. Достаточно большая тяжесть на ваших руках и без Эшли Уилкса с его семьей.

– Он не на моих руках! Он помогает...

– О, бога ради! – Он нетерпеливо поморщился. – Довольно уже об этом. Никакой он не помощник. Он на ваших руках, на них и останется, или еще на чьих-нибудь, до самой смерти. Меня уже тошнит от него в качестве темы для беседы. Так сколько денег вам нужно?

Она готова была разразиться потоком брани. После всех оскорблений, вытянув из нее самое дорогое и грубо это растоптав, он еще думает, что она возьмет его деньги!

Но слова, вертевшиеся на кончике языка, остались невысказанными. Конечно, было бы здорово отвергнуть с презрением его предложение и велеть ему выметаться из лавки. Однако такая роскошь позволительна только при настоящем богатстве и надежном защитнике. Ну а пока она бедна, придется переносить и подобные сцены. Зато когда она станет богатой – о, как сладостно греет уже одна только мысль! – вот когда она станет богатой, то не потерпит ничего, что ей не по нраву, ничего не будет делать против желания, даже соблюдать простую вежливость с теми, кто ей неприятен.

«Всех пошлю к черту в пекло, и Ретт Батлер будет первым!» – подумала она и, предвкушая удовольствие, заискрила зелеными глазами и чуть изогнула губы в улыбке. Ретт улыбнулся тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.